

Данная реклама является бесплатной

СМЕНА

СМЕНА

5'2008

Издается с января 1924 года

МАЙ • 2008

БАЛ НА ТРАВЕ

Ежегодный благотворительный бал в поддержку заповедников и национальных парков России

**28 ИЮНЯ, LE MERIDIEN
MOSCOW COUNTRY CLUB,
ВСЕМИРНЫЙ ФОНД
ДИКОЙ ПРИРОДЫ**

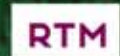
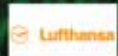
Необычное сочетание светского приема, зажигательного музыкального праздника и пикника на открытом воздухе

Среди гостей бала / Uma2rman / Чи-Ли
Леонсия Эрденко / Хоронько-оркестр / Юта
Специальные гости / Orkestina

ЗАКАЗ ПРИГЛАШЕНИЙ: 727 09 39 ИЛИ НА WWW.WWF.RU/BAL
Отправьте SMS «Panda Val» на номер 7050, и мы Вам перезвоним, расскажем про Бал и зарезервируем место

*Согласно SMS-Закону

При поддержке:

МИХАИЛ ЗАДОРНОВ:
Судьба — это суть Бога...

ЧУЛПАН ХАМАТОВА:
Дарите детям тепло!

МИХАИЛ КАЛИНИЧЕВ:
Боюсь сыграть Гамлета...

ЖАК КАЗОТТ:
Я предсказал кровавую революцию

АНДРЕЙ СЕДЫХ:
Неизвестные рассказы русского зарубежья

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

ЛИЦО С ОБЛОЖКИ

«Остановись, мгновение!» 4

Актер театра и кино
Михаил Калинин:
«Сцена — это великое предвкушение!»

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Сладкая болезнь цивилизации. 16

Михаил Анциферов — главный
эндокринолог Москвы:
«Бич XXI века — не СПИД, не рак,
а ...диабет»

ЧТО НОВОГО?

На подмостках 22

DVD-Бульвар 44

Вернисаж 60

CD-Бульвар 72

РАНДЕВУ

«Невозможно оценить любовь!» 24

Чулпан Хаматова:
«Стараюсь жить здесь и сейчас!»

СВОБОДА ОТ ИЗВЕСТНОГО

«О русском глаголе замолвите слово» 78

Михаил Задорнов об истоках
русского слова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ ЛЮБОВИ РУСЕВОЙ

«Потомству в пример» — начертано
на памятнике Александру Казарскому,
капитану легендарного брига «Меркурий» 34

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНЫХ

«Рэкамэндавать в искусство!» 46

Андрей Колобаев об уникальнейшем
музее Георгия Вицина, Евгения
Моргунова и Юрия Никулина

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«Необычное предсказание» — 64
о сбывшемся пророчестве
Жака Казотта

ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ

**Евровидение:
шоу продолжается 74**

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Где находится нофелет? 88

Как обратить на себя внимание...

СУТЬ ВЕЩЕЙ

СМЕНА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Великий неизвестный. 92

«Мировой океан — это не только
прошлое, но и будущее»

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

**Газета — всего лишь
монета 100**

ОТЕЧЕСТВО

**Русский север,
или Вокруг Онеги. 104**

Иосиф Гольман с любовью
и юмором об Онежском крае

ИСТОРИЯ ОДНОГО ШЕДЕВРА

**Сикстинская мадонна
Рафаэля — 116**

история шедевра, в которой
правда переплетается
с легендами

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Андрей Седых. 128

Неизвестные рассказы
русского зарубежья XX века

СУДЬБА И ДУША

Безъязыкая красавица 140

Светлана Бестужева-Лада —
о самой красивой даме XVII в.
Наталье Лопухиной, которую
не обезобразили ни «сечение
кнутом», ни «урезание языка»

ДЕТЕКТИВ

Предсмертное признание 152

Непредсказуемый роман
Бретта Холлидея

КРОССВОРДЫ

188

Издается с января 1924 года

Главный редактор
Михаил Кизилов

Главный художник
Надежда Веселова

Редактор отдела
Тамара Чичина,
Светлана Подорванова

Корректор
Марина Силакова

Использованы фотографии:
ИТАР-ТАСС

ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Генеральный директор
Джемир Дегтяренко

Издательский директор
Дмитрий Мережко

Директор по рекламе
Елена Готман
E-mail: e.gotman@smena-online.ru
Тел.: (499) 257-3137

**Директор
по распространению**
Ольга Рулева
E-mail: sales@smena-online.ru
Тел.: (499) 257-3137

Редакция: 127994, Москва,
ГСП-4, ул. Правды, 24, стр. 4
www.smena-online.ru
E-mail: jurnal@smena-online.ru
Тел.: (495) 612-1507, Факс 250-5928.

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресса».
127137, Москва, ул. Правды, д. 24.
Тираж — 52000 экз. Зак. № 80956.

Учредитель — ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской Федерации
по печати (Рег. № 014832).

Подписные индексы:
каталог «Роспечать» **70820**
каталог «Объединенный» **88998**
каталог «Почта России» **99406**

Подписка в интернете:
www.mega-press.ru

© ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Читателю

Какие же мы разные!

Центральные каналы телевидения, захлебываясь от умиления и восторга, показали новоиспеченных депутатов Госдумы и увядающих шоу-див, полетевших на край света, чтобы противостоять массовому забою «бельков» — новорожденных детенышей нерп. Они целовали симпатичных и доверчивых зверушек, требуя сохранить им жизнь, осуждая за «кровожадность» местных жителей.

Но при этом как-то позабыли: у аборигенов другого источника доходов нет. Поэтому знаменитости улетели, размазывая слезы, а бельки?

Увы, белькам не повезло.

А ведь выход был так прост: за шкурку одного зверька приготовить получают сто рублей — и если бы гости пустили шапку по кругу, то в несколько минут смогли бы спасти тысячи зверьков (за один вечер пропивается больше!). И все были бы счастливы: бельки резвились и подрастали бы, охотники получили бы свои «кровные», а знаменитости гордились бы своим мужеством (шутка ли, за Полярный круг забрались!) и щедростью.

Но, видимо, зверьки — зверьками, а денег жаль больше.

Одним словом, хотели как лучше, а все равно получился ... пиар.

А может, его и хотели.

В это же время сотни и тысячи других людей — за свои личные — покупали оборудование для детских операционных, продукты и одежду для детских домов, собирали по миру, как Чулпан Хаматова и Дина Корзун, средства для спасения маленьких человеческих жизней. При этом — без всяких телевизионных камер и демонстративного размазывания гелиевых смесей на увядающих щеках.

Что все-таки главное в нашей жизни, как нам всем жить и выживать, как сохранить братьев наших меньших? На эти и многие другие вопросы отвечают наши герои и авторы.

Михаил КИЗИЛОВ

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

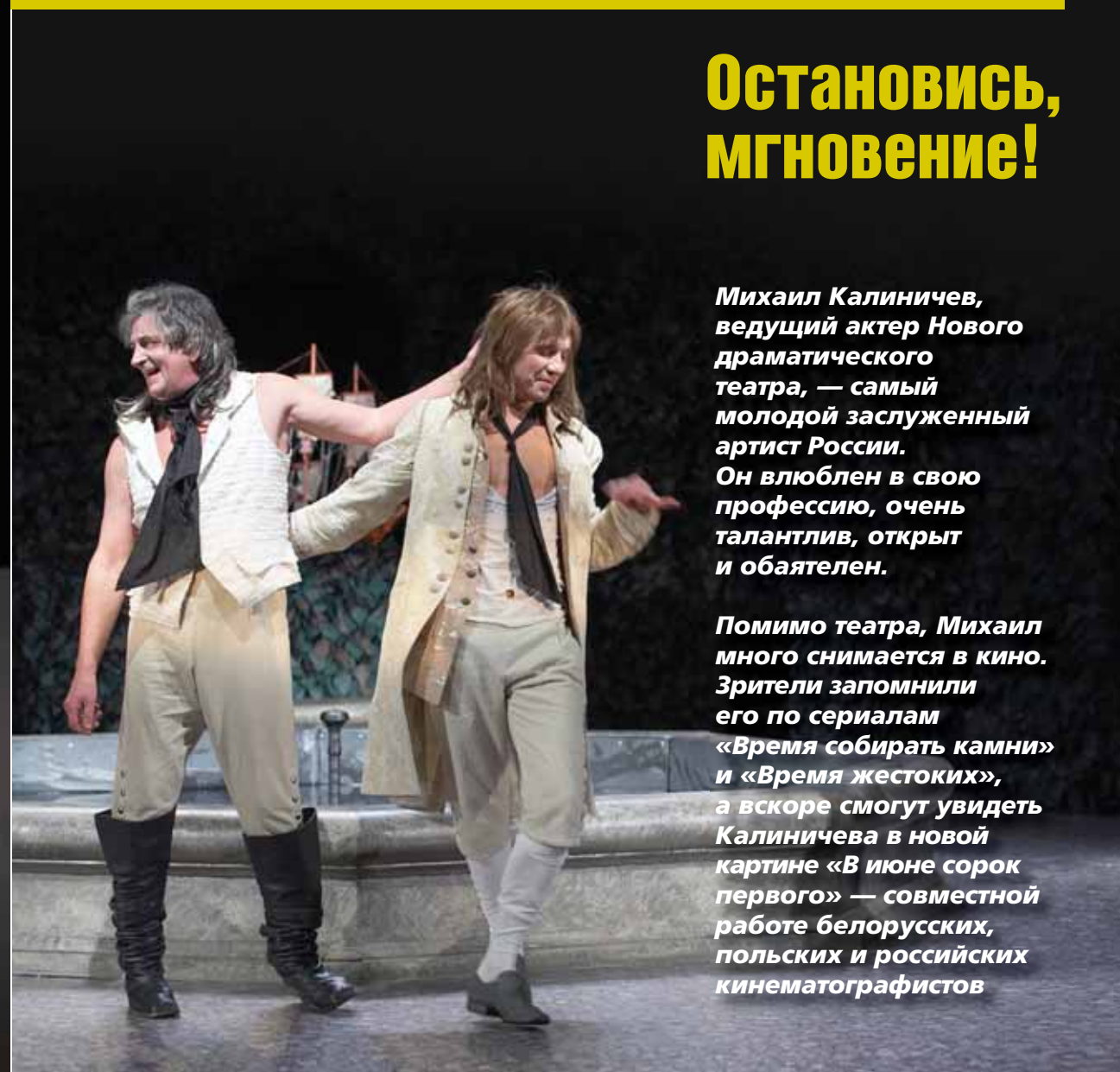
Лицо с обложки

Михаил Калиничев

Остановись, мгновение!

Михаил Калиничев, ведущий актер Нового драматического театра, — самый молодой заслуженный артист России. Он влюблен в свою профессию, очень талантлив, открыт и обаятелен.

Помимо театра, Михаил много снимается в кино. Зрители запомнили его по сериалам «Время собирать камни» и «Время жестоких», а вскоре смогут увидеть Калиничева в новой картине «В июне сорок первого» — совместной работе белорусских, польских и российских кинематографистов

Театр — живое общение со зрителем. Когда происходит единение с залом, это чувство ни с чем сравнить невозможно...

Сейчас идут съемки четырехсерийного фильма «Найти Спинозу». А в Новом драматическом Михаил готовится к премьерному спектаклю режиссера Вячеслава Долгачева «Настасья Филипповна», где будет играть князя Мышкина.

— Как возник творческий тандем: актер Михаил Калинин и режиссер Вячеслав Долгачев?

— Вячеслав Васильевич пришел в Новый драматический театр в 2001 году, с того момента все и началось. До его прихода я играл в театре всего лишь небольшие роли и не видел для себя никаких перспектив, можно сказать, стоял на одном месте.

Вячеслав Васильевич поверил в меня сразу и предложил главную роль в постановке «Двенадцать разгневанных мужчин» по Реджинальду Роузу. Подарок судьбы! В первых спектаклях моим партнером был Вячеслав Невинный, у такого великолепного мастера есть чему поучиться. После этого и началась напряженная творческая работа: спектакль «Время рожать» по книге, составленной Виктором Ерофеевым, имевший огромный успех, «Шутники» по Островскому...

Один из моих любимейших спектаклей — «Настоящий Запад» по пьесе американского драматурга Сэма Шепарда. Играем вдвоем с Никитой Алферовым. Два с половиной часа не сходим со сцены. Поначалу думал, что это не мой герой. Ну, не мой, и все! Полный антипод! Ох, как он мне поначалу не нравился. Но с помощью режиссера спектакля Наркас Искандаровой и Вячеслава Васильевича, который был художественным руководителем постановки, я постепенно, что называется, «входил» в роль. Именно он помог мне понять состояние моего героя.

Так и получилось, что сначала эта роль стала любопытной, а потом — одной из самых любимых. В результате, в «Настоящем Западе» я справился со своей задачей, даже получил приз за лучшую мужскую роль на Международном театральном фестивале в Могилеве в 2006 году.

Очень важно, когда режиссер не давит на артистов, когда дает возможность думать, чувствовать, самим импровизировать. Более того, она помогла лично мне — через нее я многое о себе узнал. Долгачев — большой мастер и психолог, он на сто процентов раскрывает артиста, и это ценно.

— Вы заняты во многих спектаклях и, естественно, работаете с партнерами, о которых уже упоминали выше. А что вообще для вас значит партнерство на сцене?

— Не представляю существование на сцене «в одиночку». Партнерство необходимо актеру, как кислород, иначе ничего не будет. Если у партнеров нет взаимопроникновения, вы не на одной энергетической волне, — это

На предыдущем развороте: спектакль «Чудаки»

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Лицо с обложки

Партнерство
необходимо актеру,
как кислород,
иначе ничего не будет

Очень важно, когда режиссер не давит на артистов и дает возможность думать, чувствовать, самим импровизировать

трагично для спектакля. А когда вы вместе — можно горы свернуть! Настоящее партнерство дает ощущение того, что ты буквально паришь над театральными подмостками!

— Новый драматический театр, где вы уже состоялись как актер, ваша «альма матер»?

— Это моя жизнь. Мне здесь нравится все: труппа, репертуар. Именно здесь я обрел своего режиссера Вячеслава Васильевича Долгачева. Он — мой настоящий Учитель в Искусстве.

Вообще, нам, артистам, повезло с художественным руководителем. Он не разделяет нас, при этом нет и жесткой субординации: вы — актеры, а я — режиссер. После каждого спектакля мы собираемся все вместе и обсуждаем многие свои проблемы. Иногда я даже звоню Вячеславу Васильевичу по личным вопросам. Как бы он ни был занят, всегда выслушает и попытается дать нужный совет. Такие взаимоотношения между режиссером и актерами — большая редкость, они дорогого стоят.

— Как вы считаете, свой выбор в профессии сделали правильно? Никогда ни о чем не сожалеете?

— Когда начинаешь работать, и у тебя что-то не получается, — это касается любой профессии, — закрадывается мысль: «А, может, это не твое?». Потом, спустя время, все становится на свои места, многое удается, и все сомнения и метания исчезают. Знаю, что и у опытных актеров бывают терзания, ведь настоящий артист постоянно должен учиться, потому что они и возникают.

— Бывает, артист думает, что уже всего достиг, полностью реализовался. В таком случае говорят, что как актер он умер...

— Безусловно. Наша профессия предполагает постоянное самосовершенствование. Нужно много работать над собой. Постоянно. Труд, требующий огромной отдачи и постоянной концентрации. Ни на минуту нельзя расслабляться.

— Существуют понятия — «актер кино» и «актер театра». А вы разделяете актерскую профессию в театре и кино?

— Да. Театр — живое общение со зрителем. Когда происходит единение с залом, это чувство ни с чем сравнить невозможно... А кино — совсем-совсем другое, не всегда знаешь, что в итоге получится. Вроде бы съемки прошли хорошо, команда отличная, а потом — монтаж и... разочарование. К тому же в фильме ничего не исправишь, он снят и все, а в театре все возможно — привнесешь что-то новое в следующем спектакле, и роль заиграет новыми красками.

На предыдущем развороте: спектакль «12 разгневанных мужчин»

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Лицо с обложки

Режиссер Долгачев поверил в меня сразу и предложил главную роль в постановке «Двенадцать разгневанных мужчин»

— **Спектакль — один и тот же — можно играть пятьдесят с лишним раз, а в итоге он всегда получается разным, и каждый раз — словно премьерный показ...**

— Перед каждым выходом на сцену волнуешься, переживаешь — каким он будет сегодня? Это Тайнство. Великое предвкушение...

Сегодня. Сейчас. Играем последнюю сцену. Минута до конца спектакля. И... ощущение того, что не хочется, чтобы он заканчивался! Представляете?! Задержись, время...Остановись, мгновение! Так грустно, что на сегодня — все...

— **Согласитесь, актерская профессия — такая тонкая субстанция! Бывают в ней взлеты и падения, успехи и неудачи. Некоторые считают, что неудачи порой даже необходимы...**

— Иногда они полезны! Когда тебе постоянно сопутствует удача, ты, волей-неволей, начинаешь высоко поднимать голову. А неудача ставит все на свои места, помогает трезво оценить ситуацию.

— **Если говорить о современном кино, многие называют его «продюсерским».**

— Это действительно так. Но артисту важно найти своего режиссера. В театре я нашел — режиссера Вячеслава Долгачева. А в кино — не получается. Сегодня в кино «отталкиваются», в основном, от медийных лиц, то есть узнаваемых. Лучше пригласить на роль узнаваемого артиста, чем того, кто редко мелькает на экране — как бы он ни был талантлив. А ведь этот узнаваемый тоже когда-то был не всем известен, тоже не сразу стал таким! Если делать ставку только на узнаваемые лица, тогда другим не остается никаких шансов, а ведь талантливых людей у нас много.

Бывает так, что какой-то богатый человек платит деньги за фильм, но с условием, что там будет сниматься его дочь или жена. И снимают! Но это одноразовые картины — зрителя обмануть невозможно.

— **Ваша первая съемка была в «Петербургских тайнах» у Пчелкина?**

— Я играл небольшую роль Василия, полового в трактире, приличная роль для начала. Она меня многому научила, например, что нужно вставать в определенное место, одним глазом смотреть на партнера, другим — искать камеру, дабы из нее не выпасть. Помню, после съемок подошел ко мне Валерий Баринов и сказал: «Миша, главное в кино — это встать на нужное место и попасть в кадр, а дальше — система Станиславского»..

Справа:
спектакль
«Настоящий
Запад»

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Лицо с обложки

**Важно сердцем понять —
твоя роль или нет.
Ведь мы — не математики,
мы — актеры, играем от сердца,
а не от головы**

— Когда беседуешь с актерами, многие часто говорят, какую роль они мечтают сыграть. А я хочу спросить «от противоположного» — какую не хотелось бы?

— Гамлета. Точно знаю, что не хочу. Не мое. Не могу объяснить, почему. Может быть, я его боюсь...

— Вы репетируете сейчас роль князя Мышкина в спектакле «Настасья Филипповна»...

— И он мне интересен. Я его чувствую. Он есть во мне. Важно сердцем понять — твоя роль или нет. Ведь мы — не математики, мы — актеры, играем от сердца, а не от головы. Тут душа нужна.

И вообще, человек любит Сердцем... □

Беседовала **Елена ФЕОФАНОВА.**
Фото **Сергея ШИМАНАЕВА**

*Кадр
из кинофильма
«В июне
сорок первого»*

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА
Лицо с обложки

СЛАДКАЯ

БОЛЕЗНЬ

ЦИВИЛИЗАЦИИ

Не СПИД и не рак стали бичом XXI века. В лидеры выбилась странная и таинственная болезнь — диабет. Самое страшное в ней то, что она — неизлечима. Только в Москве — 370 тысяч больных диабетом. И каждый год их становится на несколько тысяч больше

«... Со мной это произошло случайно. Три года назад, в восьмом классе, у меня резко ухудшилось зрение. Врачи заставили пройти полный курс обследования. Сделали анализы. Сахар в крови зашкалило! Передо мной положили перечень продук-

тов, к которым запрещено прикасаться. А вскоре пришлось перейти на инсулин. Так я понял, что я — больше не такой, как все. Диабет — это пожизненное клеймо. Я был в шоке и не хотел жить. Уже потом мне врачи объяснили, что мама у меня

была инсулинозависимой, но скрывала это от меня. Всегда прекрасно выглядела, и я даже не догадывался, что она — больна. Умерла же она от инсульта. Мне помогла выжить случайность. Я познакомился в одной компании с мальчиком — супермен и только! Он учился на первом курсе медицинского, знал все на свете и выглядел очень уверенным. Каково же было мое удивление, когда, узнав о моих проблемах, мой новый знакомый сообщил, что мы — «братья по крови», то есть он — тоже диабетик и живет то на таблетках, то на инсулине. «Ничего страшного, — засмеялся он, диету соблюдать вовсе не сложно, а занятия спортом — одно удовольствие».

Так для меня началась новая жизнь. Я поступил в институт, о котором мечтал, много и с удовольствием занимаюсь, и первый на курсе. Никто и не догадывается, что у меня в дипломате всегда упакована корбочка со шприц-иглами и таблетками. Самоконтроль иногда не страшен, а даже полезен. Есть девушка, которая меня любит, возможно, мы с ней поженимся. Жизнь прекрасна!..»

Эту исповедь Олега М., студента престижного московского института и моего друга, я записала с его согласия. И даже инициатива принадлежала ему. Он просто сел передо мной и попросил включить диктофон...

После этого разговора мне довелось общаться со многими людьми самого разного возраста, угодившими в плен диабета. Некоторые из них плакали, другие пребывали в полной растерянности, третьи злились и не могли смириться с потерей свободы в каком-то смысле. Ну как жить без конфет и пирожных!

Я считаю, что заболевшим диабетом на первых порах очень необходима помощь психолога. Но главная проблема диабетиков — в районных поликлиниках, где отчаявшиеся люди стоят в очередях на запись к эндокринологу и берут штурмом местные аптечные киоски. Мне пояснили — не

хватает специалистов, поэтому и сложилась такая ситуация...

Что же это все-таки за болезнь такая — диабет? Почему и сегодня он по-прежнему — пожизненный диагноз?

Мы решили побеседовать об этом с главным эндокринологом Департамента здоровья Москвы профессором Михаилом Борисовичем Анциферовым.

— Это действительно одно из самых распространенных хронических неинфекционных заболеваний, —

В мире до 200 миллионов больных сахарным диабетом. А в России таких больных — 2 миллиона

объясняет Михаил Борисович. — По экспертной оценке Всемирной организации здравоохранения, в мире — до двухсот миллионов больных сахарным диабетом. В России больны два миллиона.

Самое страшное, что каждый год наблюдается рост числа больных. Для Москвы этот прирост составляет 4—5 процентов. Ожидается, что число диабетиков через пятнадцать лет удвоится.

Угнетает то, что данная статистика не совсем точна. Дело в том, что параллельно с официально состоящими на учете хрониками существует еще примерно столько же, не подзревающих, что они больны. Диабет — очень коварная болезнь, она может обнаружиться уже на запущенной стадии, когда начнутся всевозможные осложнения. Порой ее выявляют совершенно случайно. Пришел человек обследовать печень, к примеру, или лег на плановую операцию в больницу, сдал анализ на сахар, и неожиданно выясняется, что у него — диабет.

— **Может, нужно совершенствовать диагностику?**

— Дело — не в ней. Болезнь настолько завуалирована, проходит в такой скрытой форме, что выявить ее можно только с помощью регулярных анализов. А диспансеризацию у нас сегодня добровольно мало кто проходит. Эта проблема остро стоит во всем мире. И ее можно считать медико-социальной, потому что диабету, в основном, под-

система уничтожает. Когда диабет выявляется, восемьдесят процентов клеток, выделяющих инсулин, уже оказываются погибшими, восстановить их невозможно! И пока нет таких лабораторий, которым удалось бы создать искусственные бета-клетки или заставить другие клетки естественным образом выделять инсулин. Как обмануть иммунную систему? Может быть, зная, что генетически человек предрасположен к

нормального содержания сахара в крови. Следить и поддерживать это содержание очень важно.

— **А какие существуют признаки повышенного сахара в крови?**

— К ним относятся сухость во рту, жажда, частое посещение туалета, зуд кожных покровов, плохое заживление ранок, повышенная утомляемость, слабость. Это самые общие признаки...

и для него свойственна избыточная масса тела, ожирение. Как правило, этот тип болезни передается по наследству.

Следует отметить, что факторы риска заболевания — малоподвижный образ жизни, нерациональное питание, а главные враги — жиры и углеводы, а также хронический стресс. По поводу последнего — чем он чаще всего снимается? Алкоголь и пере- едание. А при ожирении ткани пере-

вержен работоспособный возраст. В результате этого заболевания поражаются сосуды, почки, велик риск инфаркта и инсульта, возникновения диабетической стопы, что ведет к ее ампутации, может наступить полная слепота.

— **Звучит страшно. Действительно диабет неизлечим? Каков механизм его возникновения?**

— К сожалению, диабет вылечить нельзя. Инсулин выделяет бета-клетки поджелудочной железы, и при первом типе диабета организм их просто убивает, сама иммунная

этой болезни, выделить какой-то штамм, заменяющий бета-клетки? Увы, над этим бьются многие ученые, но результатов пока нет. Возможно, в научных лабораториях, на уровне генной инженерии, все-таки будет прорыв. Но путь от науки до практики не бывает коротким.

Тот, кто найдет способ излечения диабета, обязательно получит Нобелевскую премию, а в Штатах обещано установить этому великому человеку золотой бюст.

Но хочу внести немного оптимизма. Хотя диабет излечить нельзя, им можно успешно управлять, добива-

— **А на весе болезнь отражается? Больной толстеет или худеет?**

— Диабет делится на два типа. Первый — три-пять процентов от всех больных. Его раньше называли «юношеский диабет». Он возникает в молодом возрасте, до двадцати лет, и однозначно требует лечения инсулином. Иначе может развиваться диабетическая кома. Такие больные резко теряют вес.

Остальные же 95 процентов — это сахарный диабет второго типа. Раньше его называли «диабетом пожилых», но суть от этого не меняется. Он развивается после сорока лет,

Тот, кто найдет способ излечения диабета, обязательно получит Нобелевскую премию, а в США обещали установить этому великому человеку золотой бюст

стают реагировать на инсулин. Надо помнить, что также высок риск гипертонии, инсульта, инфаркта.

Для людей, страдающих диабетом второго типа, главное лечение — диета, активность, движение, сахароснижающие препараты. На каком-то этапе может присоединиться инсулин.

— **А власти помогают решить эту острую медико-социальную проблему?**

— Московское правительство поддерживает программу медицинской помощи больным сахарным диабетом, действующую уже десять лет. В рамках ее прежде всего планируется лекарственное обеспечение — диабетики имеют право на бесплатное получение лекарств. Все это делается через аптечные пункты в поликлиниках, и, как правило, сбоев эта система не дает. Лечащий врач-эндокринолог выписывает рецепт, и больной в этом же здании может получить все, что

нужно: инсулин, сахаропонижающие таблетки, шприц-иглы и полоски для самоконтроля. Дети у нас получают до шестисот полосок в год. А когда-то начинали с двухсот. Теперь больной может сам держать болезнь под контролем. Созданы школы для диабетиков, в которых пациентов обучают, как обращаться с медикаментами, как правильно питаться, какой образ жизни вести. Есть полоски визуальные, а есть глюкометричные. На полоску наносится капля крови, и, в зависимости от того, какой цвет приобретает полоска, определяется содержание сахара в крови. Диабетики четко знают шкалу цветов и умеют обращаться с этими полосками. На дисплее загорается цифра, показывающая сахар, и многим кажется, что этот способ контроля — более надежен. Но глюкометр, как и все аппараты, тоже может иметь некоторые погрешности. Плюс-минус небольшой процент — это нормально. Очень важно вести дневник самоконтроля. Глюкометрами пока бесплатно обеспечиваются дети, в основном, за счет спонсорской помощи.

— **Вы уже говорили, что диабет, к сожалению, на сегодняшний день — неизлечим. Возможен ли его профилактика?**

— Возможна и очень важна. Конечно, речь идет о втором типе. Если хоть у кого-нибудь в роду был сахарный диабет, ожирение, то уже существ-

ует риск стать пациентом эндокринолога. Нужно очень внимательно контролировать свой образ жизни, ведь лишние килограммы создают почву для создания диабета. Откуда берется избыточный вес? Если человек уплетает гамбургеры и сосиски, запивая их пивом или сладкой водой, передвигается исключительно в машине, понятно, что он начинает полнеть. Шанс заработать диабет после сорока у таких людей — очень велик. Профилактика — проста: снизить массу тела, побольше физической активности, есть овощи и фрукты, зелень, отказаться от жирной пищи, любых сладостей, алкоголь возможен только в умеренных дозах. Казалось бы, элементарные вещи. Но человек устроен так, что пока у него в крови не выявится повышенный сахар, он и не подумает менять образ жизни. А потом уже нет другого выхода, как подсчитывать калории. Понаблюдайте, что люди в магазинах покупают в первую очередь? Не капусту и морковь, а колбаску, мясо, сыр. А потом вздыхают и удивляются, что вес почему-то не снижается.

— **Для диабетиков сейчас появилось огромное количество всевозможных подсластителей и искусственных сахарозаменителей. Они могут нанести вред здоровью? Говорят, что частое их употребление грозит возникновением рака...**

— Надо помнить, что все должно быть в меру. Две-три таблетки в день — это нормально. Не забывайте, что эти заменители приравниваются к лекарственным препаратам.

— **Как вы объясните, что дни записи к эндокринологу превращаются для районных поликлиник в кошмар? Огромные очереди больных стоят у ворот с пяти утра...**

— Да, на специалистов ложится достаточно большая нагрузка. Естественно, в районных поликлиниках работать очень тяжело и напряженно. Всего несколько лет назад диспансерная группа, которую обслуживал специалист, составляла четыреста-пятьсот человек, и при этом все нормы обслуживания соблюдались. Теперь, если даже пересмотреть нормы, это вряд ли поможет. Ну, будет врач принимать больного двадцать четыре минуты, а не двенадцать, а остальных кто примет? На учете почти в каждой «районке» стоят около полутысячи больных диабетом, и специалистов катастрофически не хватает. Это общая проблема участковой медицины.

Московское правительство разрабатывает программу, которая поможет найти выход из ситуации. В частности, создан специальный дополнительный московский факультет на базе Российского Государственного медицинского университета, на который зачисляются триста абитуриентов. Они заключают контракт с городом. То есть в обмен на бесплатное образование обязуются отработать в столице в самых горячих напряженных точках. Так что, местным поликлиникам станет легче... После трех выпусков, думаю, проблема нехватки специалистов совсем исчезнет.

— **Но иной раз не искусственно ли она создается? Почему врач должен ежемесячно выписывать хроникам лекарства? Одно дело, если у них — жалобы, какие-то нарушения, требующие обследования. А другое — просто выписка очередного рецепта...**

— Сейчас мы вводим для определенных категорий больных, по усмотрению врача, выписку рецептов сразу на три месяца. Ведь вот-вот — лето, многие пенсионеры будут отдыхать на дачах, дети уходят на каникулы. Поэтому мы будем решать этот вопрос дифференцированно. Если больной чувствует себя стабильно, прошел осмотр, ему, как говорится, — «зеленая улица» в аптечный киоск.

— **Что вы могли бы пожелать, порекомендовать тем, кто все-таки уже получил пожизненный «статус диабетика»?**

— Очень важно, что диабетики объединяются в ассоциации, помогают друг другу, даже борются за свои права. Ведь дискриминационных моментов было и есть немало. Раньше, например, диабетиков за

Понаблюдайте, что люди в магазинах покупают в первую очередь. Не капусту и морковь, а колбаску, мясо, сыр. А потом вздыхают и удивляются...

рубеж не выпускали. Случается, что отказывают в выдаче водительских прав, хотя это неправильно. Если со зрением все нормально, то обязаны выдать. Одним словом, как это ни парадоксально звучит, диабет очень сближает и объединяет. Такого среди других больных, например, перенесших инфаркт или хроников, мы, медики, не наблюдаем. А главное, относитесь философски к жизни, не принимайте все близко к сердцу. Помните, диабет — это не приговор. И многое — в наших силах. □

Беседовала **Татьяна ХАРЛАМОВА.**

Елена
ВОРОБЬЕВА

Балет
ЧАЙКА

Премьера балета «Чайка» в постановке знаменитого балетмейстера Джона Ноймайера на сцене музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко

«Балет «Чайка» — это не постановка конкретной пьесы Чехова. Это моя попытка под влиянием чеховской литературы создать иное произведение, рассказывающее не о писателях и актерах, а о хореографах и танцовщиках, способных экспериментировать в искусстве», — сказал хореограф Ноймайер.

По его словам, «Чайка» для него — источник вдохновения. Пьеса, которую он перевел на язык хореографии.

Ноймайер входит в пятерку лучших хореографов мира, и этот балет в его постановке вызовет огромный интерес зрителя.

Джон Ноймайер выступил не только как хореограф, но и как автор сценографии, костюмов и художник по свету.

Балетмейстер высоко оценил уровень подготовки оркестра музыкального театра Станиславского и Немировича-Данченко и балетную труппу, танцовщики которой усердно работали, стараясь полностью воплотить все мысли и желания хореографа.

Нина Заречная — молодая танцовщица, она — свободна и жаждет жить.

Благодаря мечте Нины о карьере танцовщицы зритель узнает, каким волнующим бывает танец-ревью, эстрадный танец. «Таким образом, с этими главами из истории хореографии «Чайка» превращается в исследование самого танцевального искусства», — отметил балетмейстер.

Это не балет в традиционном понимании. Ноймайер создал настоящий драматический спектакль с хореографическим многоголосием стилей.

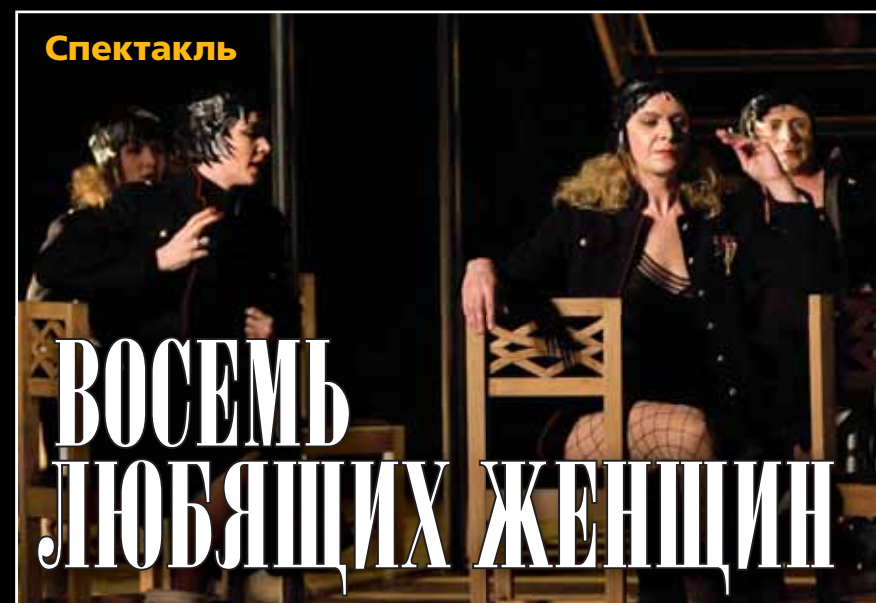
В роли Аркадиной — блистательная танцовщица, мировая знаменитость — Татьяна Чернобровкина.

Великолепная балерина Валерия Муханова — Нина — придает своему хореографическому лейтмотиву и страстность, и убедительность, что позволяет назвать балетный спектакль по-мхатовски — «Чайка».

Прекрасно проявили себя и Дмитрий Хамзин (Костя), и Георги Смилевски (Тригорин), а также Наталья Крапивина (Маша) и Михаил Пухов (Медведенко).

Спектакль

**ВОСЕМЬ
ЛЮБЯЩИХ
ЖЕНЩИН**

Постановка, режиссура и музыкальное оформление Романа Виктюка. Этому детективу, написанному известным французским драматургом Робером Тома, мастером «хорошо сделанной пьесы», дал вторую жизнь модный нынче кинорежиссер Франсуа Озон

В восьми женских ролях он занял восемь ведущих, знаменитых актрис французского кино разных поколений. Между тем первоисточник известен у нас давно, пьесу Тома ставили в Москве, в Театре Киноактера и Театре Сатиры, и других городах нашей страны.

Однако стимул режиссерской фантазии Романа Виктюка дал именно фильм Озона — и вот премьера...

В доме под Рождество собирается вся семья: мать, две очаровательные дочери, их бабушка, незамужняя сестра хозяйки дома, есть и служанка... И вдруг одна из дочерей, поднявшись в кабинет к отцу, объявляет, что он убит! А дальше разворачивается сюжет, полный иронии и порою злой сатиры, психологических нюансов и откровенных провокаций.

В ролях заняты актеры: Людмила Погорелова, Екатерина Карпушина,

Олег Исаев, Анна Подсвинова, Мария Казначеева и ведущая актриса театра Луны — Анна Терехова.

Роман Виктюк о спектакле: «Я «соединил» фильм Франсуа Озона и пьесу Робера Тома, и из этого рождается что-то Третье, ни на что не похожее!!! Приходите и в этом убедитесь».

Анна Терехова: «Работа с Романом Виктюком — это что-то невероятное! Это мой второй спектакль у замечательного мастера. Недавно был «прогон» перед премьерой, и я видела лица первых зрителей, их реакцию — спектакль приняли великолепно. Моя героиня Пьеретта — необычайно интересна, актерский организм пробуждается и возрождается, когда работаешь с таким художником, как Виктюк. Постановка настолько вдохновила меня, что сегодня я лечу как на крыльях!»

Чулпан

Хаматова

Невозможно оценить любовь!

Имя Чулпан Хаматовой ассоциируется сегодня и с яркими ролями в театре и кино, и с благотворительной деятельностью созданного ею же фонда «Подари жизнь», направленной на помощь и лечение детей, больных раком крови, и со смелыми актерскими экспериментами. Счастливая творческая звезда, словно освещаемая магией ее имени (Чулпан в переводе с татарского означает «Звезда рассвета»), взошла очень рано. Еще студенткой театрального училища она стала участвовать в лучших спектаклях «Театра Луны» и сыграла главную роль в картине Вадима Абдрашитова «Время танцора». Потом были — «Страна глухих» Валерия Тодоровского, «Лунный папа» Бахтияра Худойназарова, «Дети Арбата», «72 метра», «Казус

Кукоцкого», «Доктор Живаго» и съемки в Германии и Австрии, престижные призы на российских и международных кинофестивалях, и игра на сцене одного из лучших столичных театров — в «Современнике». Именно за роли, сыгранные на сцене этого театра, Чулпан Хаматова была удостоена Государственной премии и почетного звания заслуженной артистки России

На актерах лежит огромная ответственность. Ведь много людей, которые нас любят и нам верят

Я встречалась с Чулпан на разных этапах ее творческой и общественной жизни. Лично мне очень запомнились ее роли в детских спектаклях «Театра Луны» «Фанта-Инфанта» и «Мечты маленького Робинзона», в них она была невероятно органична... А недавно, при очередной встрече, я спросила ее: скучает ли она по тому периоду своей жизни?

— Очень скучаю, — ответила Чулпан, — но и понимаю, что того периода уже не вернуть. Как актриса я должна была шагнуть куда-то дальше. А удовольствие от работы в этих спектаклях получала невероятно. Да и вообще, в этом театре только и делала, что получала удовольствие: и от коллектива, и от режиссера... Я очень благодарна Сергею Борисовичу Проханову, что он меня, студентку второго курса, взял к себе в спектакли и по сути сделал из меня артистку. Именно благодаря тому, что я уже играла у него, после окончания института очень легко «вошла в профессию». И если говорить о мечтах, я бы очень хотела хотя бы еще раз сыграть у Проханова свои любимые спектакли. Но, к сожалению, объять все невозможно, на это уже нет времени. Я даже вынуждена отказываться от любимых репертуарных ролей в «Современнике» и «Сильвии» в актерской антрепризе.

— В театре у вас сложился замечательный творческий альянс с режиссером Кириллом Серебренниковым...

— А начался он так же неожиданно, как и с Галиной Волчек! Мы случайно встретились с ним в аэропорту Шереметьево. Серебренников сказал, что мечтает со мной поработать, на что я ответила: «И я очень хочу!» Тогда Кирилл предложил почитать пьесу «Антоний и Клеопатра», многозначительно предположив, что я вполне могла бы сыграть Клеопатру. Потом у него возник проект «Голая пионерка», на который он согласился при условии, что главную роль сыграет Хаматова. И мы начали упорно репетировать. В какой-то момент предвыпускного ночного прогона спектакля в сапогах сорок шестого размера, в гимнастике, вся измученная, висая на нитке под потолком, я вдруг зарыдала. Меня тут же опустили вниз, но моя истерика продолжалась. Я смотрела на Кирилла и кричала: «Что я здесь делаю? Ты мне обещал Клеопатру. Обещал!!!»

— Но сначала у вас все-таки был потрясающий спектакль «Голая пионерка». Как писали потом критики, в этой работе вы — просто загляденье! Ради вашей Мухи стоило поставить этот спектакль, а зрителям стоит его посмотреть.

— Но Серебренников свое слово все-таки сдержал. К юбилею «Совре-

Я влюбляюсь в книги так же, как и в людей. Все зависит от состояния души

менника» он выпустил свой спектакль, где я сыграла Клеопатру...

— **В последнее время вы все чаще говорите о том, что недовольны тем, как вас используют в кино российские режиссеры. В каком же амплуа вы себя видите? Что вам ближе?**

— Характерные роли, в которых можно еще и пошалить. Хотя... Есть знаковые режиссеры, у которых просто интересно сниматься. Именно поэтому я согласилась участвовать в съемках фильма Владимира Хотиненко «72 метра». И хотя у меня было всего четыре съемочных дня, я поняла, какое же это счастье — работать с таким режиссером! С одной стороны, я ничего нового для себя там не делала. Вообще, то, что предложил Вадим Абдрашитов в моей самой первой роли в кино, и было моей «природой» на самом деле. До сих пор считаю, что это самое точное попадание в роль. А вот у Тодоровского в «Стране глухих» я даже не понимала, что надо делать. Трудновато оказалось и в «Лунном папе», потому что долго не могла нащупать жанр, в котором мы работаем, и не успевала за режиссерским гением. Зато как это было интересно!..

— **И картина-то получилась замечательная!**

— Да, я очень люблю и свою роль, и вообще всю картину.

— **Ваши математические знания, которые вы получили в детстве и юности, учась в физико-математической школе, а потом в финансовом институте, пригодились в жизни каким-то образом?**

— Конечно, дифференциалы и интегралы я не считаю... А вот логическое мышление, естественно, помогает. Знаете, с каким удовольствием я занималась в детстве математикой! Все дело в том, что в нашей школе был потрясающий учитель Васильев Александр Николаевич. И его уроки математики казались куда более интересными, чем уроки литературы, хотя я с детства очень много читала и обожала литературу. Но уроки математики — это было настоящее творчество. Я считаю, что наш учитель — педагог-гений. И его ученики говорили о том, что контрольная работа — это самое сладкое слово на свете, потому что каждая контрольная превращалась у него в настоящий праздник, а каждый урок был игрой, полетом фантазии и всего прочего, что, казалось, к точной науке не имело никакого отношения. Наверное, это больше способствовало развитию моего творческого потенциала, нежели способностей к

В моей жизни постоянно присутствует слово «надо». Хочешь ты или нет, кому и что надо — подобных вопросов не возникает

точным наукам. Именно своими уроками математики педагог сделал из меня артистку, сумев в достаточно испуганном и зажатом ребенке открыть способность идти на риск и эксперимент...

— Мы уже не раз встречались, и из наших бесед я поняла, что у вас было счастливое детство...

— Конечно! У меня — потрясающие родители, хотя и требовательные, да и в школе я училась замечательно... В своих мыслях часто возвращаюсь к этой счастливой поре. И постоянно ловлю себя на ощущениях, запахах, которые дороги мне именно с тех времен. Я вспоминаю свои дачные ощущения, мамино платье, которое воскресным утром вдруг появляется в дальней аллее... Или как я часами бродила среди сугробов по прочищенной дорожке и представляла себя Снегурочкой...

— В финансовый институт после школы поступили по настоянию родителей? Или до конца не были уверены в выборе будущей профессии?

— Финансовый институт — это, можно сказать, случайность, потому что на выпускных экзаменах в школе я набрала такие баллы, которые стали автоматически вступительными. А уже потом, во время учебы в институте, подумала: все-таки со своим будущим я что-то не то делаю... Поэтому институт оставила — тогда я была достаточно смелой и решительной — и поступила в театральное училище.

— Вы уже говорили, что очень любите литературу, особенно Цветаеву и Достоевского. Почему именно их, чем они вам так близки?

— Я влюбляюсь в книги так же, как и в людей. Но при этом оценить любовь и ответить на вопрос «почему» практически невозможно. Все зависит от состояния души, от эмоциональной предрасположенности. То же самое можно сказать о музыке: всегда слушаешь то, что в данную минуту необходимо твоей душе. Главное, это так талантливо, что забываешь обо всем на свете...

— Вам знакомо состояние депрессии?

— Конечно, я ведь — живой человек. Но, как только начинаю чувствовать ее приближение, стараюсь от нее спрятаться. Но при этом не позволяю себе сразу сдаться. Иногда удается.

— А если не удастся?

— Бывает и такое. Я — человек эмоциональный. Может быть, поэтому и депрессия у меня получается чересчур депрессивной. Не могу убедить себя, что это состояние временное, как набежавшая на солнце тучка... Погружаюсь в это состояние до самого дна, начинаю жалеть себя, хотя знаю, что это очень опасно. В какой-то момент даже начинает нравиться, что я — в депрессии... Поэтому при ее приближении стараюсь перестраховаться: приглашаю к себе друзей, особенно близких, и говорю им: «Жалейте меня и даже не спрашивай-

Придите один раз в больницу и посмотрите на этих детей! Объяснять уже ничего не надо

Больным детям так необходимо, чтобы мы смогли поделиться с ними своим временем и теплом

те, почему... Просто меня сейчас надо пожалеть!»

— Сейчас, когда у вас подрастают две красавицы-дочки, больше приходится заботиться о них, отдавать им все свое внимание и свободное время. Тем не менее, вы находите время на то, чтобы заботиться и о чужих детях, страдающих страшным недугом.

— Моя героиня Маша Мухина в спектакле «Голая пионерка» говорит фразу: «Вот жила-жила и самого главного не понимала, потому что самое главное — не ты сама, а коллектив»... А мне всегда хочется добавить, что самое главное — ты сама, потому что именно ты будешь страдать, именно ты пойдешь на риск, даже ценой своей жизни... С другой стороны, забо-

таться о других — это наш русский менталитет, по-другому мы просто не можем. В моей жизни тоже постоянно присутствует слово «надо». Хочешь ты или не хочешь, кому надо и что надо — подобных вопросов не возникает. И фраза из книги «Как закалялась сталь», которую цитирует Маша Мухина: «Умей жить, когда жизнь становится невыносимой», порою очень связана с моей собственной жизнью.

Я убеждена, что на актерах лежит огромная ответственность. Ведь существует достаточное число людей, которые нас любят и верят нам. Думаю, что искусство может влиять на людей.

А если честно, я всегда хотела быть врачом, хотелось «врачевать

людские души». Не получилось. Зато теперь помогаю лечить детей...

Конечно, и рождение собственных детей изменило мой характер. Я стала очень ценить время. Стараюсь не пропадать сутками напролет в театре, мне нужно увидеть девочек, поговорить с ними, искупать, уложить спать. А были периоды, когда вообще не хотелось уходить куда-то из дома, а если и уходила, то стремилась как можно быстрее к ним вернуться. Но я стала по-другому относиться и к чужим детям, больше не могу оставаться равнодушной к тому, что некоторые из них тяжело болеют.

Придите один раз в больницу и посмотрите на этих детей! Объяснять уже ничего не надо. Просто, глядя на эти лица, понимаешь, что ты без них уже не можешь, и от твоих поступков будет зависеть их жизнь... Жизнь, буквально! И эти дети — они прекрасны, они хотят жить! Вот и все. А я как человек известный могу что-то для них сделать... К счастью, у нас есть еще врачи, которые поднимают свою профессию чуть ли не на поднебесный уровень. Я познакомилась с этими людьми и поняла, что нужно срочно что-то делать. Жить и работать в таких условиях невозможно! Они любят детей, помогают им, болеют за них. Не понимаю, как врачи живут на те зарплаты, которые получают, и при этом все выдерживают, несмотря на равнодушие чиновников, к которым обращаются. Обращаются ведь не со своими проблемами, а отстаивают интересы детей. Конечно, этим

замечательным людям помощь необходима. До встречи с ними я была уверена, что рак крови — это смертельный диагноз, а потом у меня стали открываться глаза. И очень захотелось, чтобы и другие люди об этом узнали и поняли. Даже те, кто не располагает лишними деньгами, могут поделиться с больными детьми своим временем и теплом, что для них крайне важно и необходимо.

— Вы умеете жить «здесь и сейчас»? Или любите возвращаться в прошлое и мечтать о будущем?

— Я всегда стараюсь жить «здесь и сейчас!» Но при этом продукты все равно покупаю «на завтра»... ☐

Беседовала **Татьяна СЕКРИДОВА.**
Фото **Игоря ШАГОВА**

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Рандеву

Удивительно переплетается судьба Чулпан с судьбой Лары из пастернаковского романа, который прошел на российских телеэкранах и вышел на DVD. Она — такая же независимая, вольнолюбивая, ищущая и бесконечно трогательная в отношениях с близкими и со своим ребенком. Еще студенткой Чулпан вышла замуж за Ивана Волкова, своего однокурсника, клоуна из

труппы Вячеслава Полунина. Чулпан признавалась в своих интервью, что у них была сумасшедшая любовь, но жили они все время порознь: он гастролировал с театром Полунина по всему миру, она — постоянно улетала на съемки. Чулпан долго не могла позволить себе рождение ребенка. И все же их связывала какая-то особая искра в отношениях. Потом роди-

лась Ариша, и, казалось бы, жизнь должна была вывести семью на новый уровень. Как раз в это время Чулпан репетировала спектакль «Мамапасынсобака». Но съемки на Западе снова позвали актрису за границу. И вдруг новость — Чулпан рассталась со своим супругом и уехала с маленькой дочкой. Она работала тогда в австрийской картине «Озерн». А еще

некоторое время спустя по Москве поползли слухи, что Чулпан снова ждет ребенка. Именно там, в Австрии, она встретила своего загадочного «лунного папу», отца своей второй дочери, которого, почти так же, как в картине все семейство девушки, на протяжении нескольких лет безуспешно пытались «вычислить» представители «желтой прессы».

«Ежели в великих деяниях древних и наших времен находятся подвиги храбрости, то сей поступок должен все оные помрачить, и имя сего героя достойно быть начертано золотыми буквами на храме славы: он называется капитан-лейтенант Казарский, а бриг — «Меркурием».

Из письма штурмана турецкого корабля «Реал-бей»

ПОТОМСТВУ

Любовь РУСЕВА

Император в гневе расхаживал по кабинету. И было от чего — впервые русский военный корабль без боя сдался врагу.

— Срам! Так обесславить флаг российский! Александр Сергеевич, — резко обернулся Николай Павлович к Меншикову, — вы посмотрите, какими обстоятельствами офицер оправдывает позорное пленение судна! Выставляя экипаж воспротивившимся всякой обороне, он считает это достаточным для прикрытия собственного малодушия. Немедленно учредить комиссию для разбора изложенных Стройниковым обстоятельств, побудивших его к сдаче фрегата.

— Государь, лейтенант Казарский доказал противнику, что в российском флоте служат не только малодушные офицеры, но и истинные герои.

— Каждому воздастся по его делам. А я уповаю на помощь Всевыш-

него и надеюсь, что неустрашимый черноморский флот, горя желанием смыть бесславие фрегата «Рафаил», не оставит его в руках неприятеля. Фрегат сей не достоин носить флаг русский и служить наряду с прочими судами нашего флота. Повелеваю предать оный огню, когда он будет возвращен в власть нашу.

В начале мая 1829 года бриг «Меркурий» производил разведку в водах Босфора. Поздно ночью вахтенный постучался в каюту капитан-лейтенанта Казарского.

— Александр Иванович, наперез бригу движется чектырма, оттуда доносятся непонятные крики.

— Поднять команду!

«Что бы это могло означать? — недоумевал капитан-лейтенант, застегивая китель. — Война с турками — в разгаре, но с их парусника не стреляют, а кричат. Может, это вовсе и не турки, а греческие патриоты?»

На палубе он подошел к переводчику Папиуту.

— Федор, что им нужно?

— Капитан чектырмы просит разрешения подойти к борту.

— Лечь в дрейф!

На судне действительно оказались греки, которые состояли на службе русской разведки, и доставили они чрезвычайно важное известие.

— В Пендераклии турки спешно достраивают линейный корабль, — сообщил капитан чектырмы.

Уточнив, сколько судов береговой охраны и расположение батарей, прикрывающих вход в бухту, Казарский поспешил в Сизополь. В результате

В рапорте Стройников доносил: «...видя себя в столь неизбежном положении, созвал всех, штаб-и обер-офицеров, для отобрания мнения каждого, которые, общим согласием, положили: обороняться до последней капли крови и в случае нужды свалиться с неприятелем и взорвать фрегат; но нижние чины, узнав намерение наше, объявили, что фрегата не допустят сжечь, а сделавшийся в сие время штиль лишил меня и последних способов к защищению и нанесению неприятелю вреда, и в 4 часа пополудни фрегат взят неприятельским флотом».

В ПРИМЕР

добытых разведанных отряд линейных кораблей и фрегатов уничтожил почти готовый мощный корабль и все суда береговой охраны, а также корвет на рейде Акчераса, всего — восемнадцать судов. Как же расстроились Александр Иванович и экипаж «Меркурия», что им не пришлось участвовать в жарком деле, поскольку их отправили с донесением о предстоящей операции к адмиралу Грейгу.

Нетрудно догадаться, что обозленный противник постарается отомстить за сожженные корабли. Чтобы вовремя обнаружить турецкую эскадру, в крейсерство между Синопом и Батумом направили недавно построенный по последнему слову техники фрегат «Рафаил». Шторм заставил капитана несколько изменить курс, что и привело его к встрече с вражескими кораблями, шедшими уничтожить отряд Скаловского. Уйти «Рафаилу» не удалось, и вскоре он был окружен.

Как видим из рапорта, матросы не противились принять сражение и «обороняться до последней капли крови», они отказались уничтожить свой корабль, к которому все моряки относятся трепетно. Об этом же событии штурман «Реал-бея» оттоманского флота Биюлиман сообщил в письме: «Мы... взяли один 36-пушечный фрегат, который спустил флаг при нашем приближении. Капитан того фрегата оставался до вчерашнего дня на нашем судне; он украшен многими орденами и очень хорошо объясняется на итальянском языке, имя его — Семен Михайлович, а фрегат называется «Рафаил».

Спустил бы флаг командир, и воспротивились бы матросы сжигать судно, если бы знали, что им уготовила судьба? Вряд ли. То, что пришлось морякам пережить через несколько дней, врагу не пожелаешь. Но дело сделано, и «призовой» новенький фрегат отправился на ту-

Бриг «Меркурий», атакованный двумя турецкими кораблями. И.К. Айвазовский

рецкую базу, а весь экипаж противника разместил на своих флагманских кораблях.

Тем временем в Сизополе от лазутчиков узнали о выходе из пролива всего неприятельского флота, и для точных сведений о его составе в море вышли фрегат «Штандарт» и два брига — «Орфей» и «Меркурий».

Рано утром 14 мая на «Меркурии» раздался крик марсового матроса Анисима Арехова:

— Вижу неприятеля!

Быстроходные «Штандарт» и «Орфей» находились гораздо ближе к противнику, но, тем не менее, они еще полчаса шли на сближение, пока не удалось точно насчитать количество кораблей (их оказалось восемнадцать). Только после этого фрегат и бриг повернули.

«Идти в Сизополь!», — сигнализировал «Меркурию» «Штандарт», «Орфей» же направился к бригу.

— Александр Иванович! — крикнул капитан-лейтенант Колтовский. — Ложитесь таким курсом, каким судно лучше ходит!

— Лечь полным ветром! — приказал Казарский. — Поставить все паруса и лиселя с обеих сторон!

Как ни старался командир «Меркурия» ловить ветер, как ни менял курс, но через час «Штандарт» и «Орфей» были уже далеко, а вдали за его кормой маячили неприятельские суда. Вскоре счастье вовсе изменило маленькому бригу — наступил штиль. «Меркурий» замер, остановились и вражеские суда, но не все. В стороне неприятеля держался легкий «верховой» ветер, который наполнял верхние паруса линейных кораблей. Оба флагмана (один под флагом командующего флота капудан-паши, а другой под флагом адмирала) считались лучшими ходоками турецкого флота, они-то (вместе с экипажем «Рафаила») и бросились за бригом.

Тут и пригодились Казарскому, командовавшему до этого пять лет гребной флотилией на Дунае, его навыки.

— Достать весла! — приказал капитан-лейтенант. — Команде надеть чистое белье, офицерам — эполеты!

На «Меркурии» служило всего 4 офицера и 109 нижних чинов. О состоянии команды перед предстоящим сражением вспоминал Федор Спиридонов — штурманский ученик

I класса: «Через несколько времени я тоже сошел в свою каюту, в кормовой части кубрика; но здесь мне, неожиданно, представилась картина, которая до сих пор сохранилась у меня в памяти: молодые и старые матросы в чистых рубахах, стоя на коленях перед ротным образом, освещенным горящими восковыми свечами, и среди дымящегося курения ладана, со слезами молились, внимая чтению псалмов Давида! Пораженный непреодолимым чувством благоговения перед неизвестным будущим, я невольно преклонил колена и искал в молитве к Богу успокоения для трудной минуты жизни, посвященной Кесарю!»

Тем временем Казарский собрал офицеров на совет. По традиции, первым должен был высказаться младший по званию.

— Иван Петрович, — обратился командир к поручику Прокофьеву, — что следует делать в нашем положении — драться или сдаться?

— Взорвать бриг, когда он будет доведен до крайности.

Это предложение поддержали мичман Притупов и лейтенанты Новосильский и Скорятин.

— Я рад нашему единодушию. Значит, так и положим: бьемся до последней крайности. Если будет сбит рангоут, или откроется большая течь, то схватимся с ближайшим неприятельским кораблем, и тот офицер, который остается в живых, должен зажечь крюйт-камеру, для чего я положу на шпиль пистолет. — Казарский тут же зарядил пистолет и положил его у люка крюйт-камеры, чтобы последний уцелевший выстрелил из него в пороховые мешки.

Молитву прервала барабанная дробь, и команда выбежала наверх. Выстроившимся матросам Александр Иванович сообщил о решении офицеров, объяснил им, чего ожидает от них государь и чего требует честь императорского флага. «Когда я тоже вышел на палубу, — вспоминал Спиридонов, — то увидел, что командир судна перед стоящею во фронте командою внушительно и твердо го-

ворил о святости долга службы и исполнении каждым присяги, данной Богу и Государю, и на лицах людей видно было, как глубоко каждое слово начальника западало в душу подчиненных».

— Ребята, — закончил речь Казарский, — неприятель нас догоня-

И началось невиданное до сих пор морское сражение между двумя линейными кораблями и бригом. Двум прославленным турецким адмиралам противостоял тридцатилетний русский капитан-лейтенант. Эту битву можно было бы сравнить с поединком между львами и кроликом. Львы проиграли

ет; враг силен, но русскому воину жизнь не дорога, дорога ему охрана чести русского флага, дорога слава и честь родной земли. Удастся нам отбиться — уйдем с честным именем храбрых и поблагодарим Господа за неизреченную его к нам милость; не удастся — погибнем в неравном бою во славу земли русской, веры православной и нашего государя! Так ли, ребята?

— Так! Положим живот за царя и Отечество и веру православную, а живыми нехристию не сдадимся! — И над палубой грянуло дружное «ура!»

— Весла на воду!

Полтора часа пытались матросы оторваться от противника — но разве сравнить весла с мощными парусами! Когда между бригом и кораблями оставалось расстояние в два пушечных выстрела, турки выпустили первое ядро. Теперь командир брига стал готовиться к бою. А вражеские корабли — все ближе, их погонные пушки бьют уже по парусам и рангоуту.

— Эх, жаль, нельзя сейчас же перекатить погонную пушку с носа на корму! — расстроился Казарский.

Услышав слова командира, к нему тут же обратился матрос:

что турецкие корабли были фрегатами, выросшими в донесении в линейные корабли».

Любопытно, чтобы ответили англичанину моряки оттоманского флота, на чьих глазах развернулась невероятная баталия. Правда, и штурман «Реал-бея», восхитавшийся Казарским, несколько покривил душой.

«Корабль капудан-паши и наш открыли тогда сильный огонь. Дело — неслыханное и невероятное. Мы не могли заставить его сдаться: он дрался, ретируясь и маневрируя со всем искусством опытного военного капитана, до того, что стыдно сказать, мы прекратили сражение, и он со славою продолжал свой путь. Бриг сей должен потерять, без сомнения, половину своей команды, потому что один раз он был от нашего корабля на pistolетный выстрел, и он, конечно, еще более был бы поврежден, если б капудан-паша не прекратил огня часом ранее нас, и сигналом не приказал бы нам то же сделать.

В продолжение сражения командир русского фрегата говорил мне, что капитан сего брига никогда не сдастся, и если он потеряет всю надежду, то тогда взорвет бриг свой на воздух. Ежели в великих деяниях древних и наших времен находятся подвиги храбрости, то сей поступок должен все оные помрачить, и имя сего героя достойно быть начертано золотыми литерами на храме Славы: он называется капитан-лейтенант Казарский, а бриг — «Меркурий». С 20 пушками, не более, он дрался против 220 в виду неприятельского флота, бывшего у него на ветре».

Пушек действительно было не более, а менее 20 — их было 18. «Меркурий» потерял убитыми четырех человек, и ранено было шесть. Столь малыми потерями экипаж обязан своему командиру и тому, что каждый на своем месте делал невозможное.

Александр Иванович сосредоточил все свое внимание на управлении бригам, артиллерийскими расчетами командовал Новосильский, Скорятин распорядился парусами. Свой рапорт Казарский заканчивал: «Я не нахожу

слов для описания храбрости, самоотверженности и точности в исполнении своих обязанностей, какие были оказаны всеми вообще офицерами и нижними чинами в продолжение этого трехчасового сражения, не представлявшего никакой совершенно надежды на спасение. Только такому достойному удивления духу экипажа и милости Божией должно приписать спасение судна и флага Его Императорского Величества...»

Скромный и застенчивый с детства, Александр Иванович всю заслугу приписал своим подчиненным. Но именно его маневры привели к тому, что линейные корабли долго обстреливали бриг только несколькими носовыми пушками и не могли дать залп всем бортом. Предугадывая действия турок, Казарский бросал судно в сторону. Вдруг после очередной порции ядер с линейного корабля «Селимие» на чисто русском языке крикнули:

— Сдавайся и убирай паруса!

— Вот тебе на сдачу! — ответили матросы и выпустили ядра по кораблю.

И все-таки неприятелю удалось взять в клещи «Меркурий». По приказу командира, матросы, не стоявшие у пушек, прицельно били по турецким порталам. Два мощных бортовых залпа серьезно повредили бриг. Раненый Казарский, пользуясь тем, что все вокруг окутано дымом, идет на чрезвычайный риск: подходит к носу «Селимие». А ослепленные флагманы продолжают палить из всех пушек друг в друга.

— Иван, — подошел к канониру Лисенко Новосильский, — командир приказал вклеить ядро «Селимие» в ватер-штаг.

— Как же тут попасть, коли бриг гопака дает? Стоймя бы стоял — и то сумневаюсь, удастся ли.

— А ты не сомневайся, Александр Иванович верит, что ты сможешь.

— Ну, коли так...

Несколько метких выстрелов — и на «Селимие» затрещало, загрохотало, все мачты заходили ходуном: знать, ватер-штаг перебит, а вместе с

ним и грот-рангоут. Корабль капудан-паши лег в дрейф.

— Молодцы, ребята, на буксир его! — крикнул командир.

Что чувствовали под ядрами и пулями соотечественников матросы и офицеры «Рафаила», чей фрегат был несравненно сильнее брига? О чем думали турки, наблюдая, как их флагманы бессильны что-либо сделать с маленьким суденышком?

Командир «Реал-бея» расшвирил. Преследуя «Меркурий», он бросался то в одну, то в другую сторону и с каждым поворотом стрелял бортом. «Другой корабль, продолжая сражение, беспрестанно переменял галсы под кормою брига и ужасно бил его продольными выстрелами, от которых, иногда, никаким движением не было возможности уклониться.

Памятная медаль в честь брига «Меркурий», 1837 г.

Заделав пробоины и смыв кровь, команда проспала ночь мертвецким сном, а утром первое, что сделал ее командир, — выстрел в воздух из «рокового» пистолета под счастливые крики «ура!»

Но и при таком отчаянном положении брига твердость и решимость храброго капитана и неустрашимость команды не могли поколебаться!»

Русские канониры да бомбардиры били снайперски, в результате часового поединка они обездвижили и этот линейный корабль.

Израченный «Меркурий» ушел к своим. «После столь неравного и ужасного боя бриг удалился с избытком корпусом, рангоутом, такелажем и парусами... надводных и подводных пробоин в корпусе судна было 22, в рангоуте 16, в парусах 133; поврежденного такелажа 148 штук, разбита одна корронада и все прочие оказались к действию неудобными».

Заделав пробоины и смыв кровь, команда проспала ночь мертвецким сном, а утром первое, что сделал ее командир, — выстрел в воздух из

А.И. Казарский во время боя. С гравюры Р. Яхнина

— Позвольте, ваше высочордие, мы перенесем ее.

— Как же вы сделаете это? Видишь, вся палуба завалена!

— Да только позвольте, ваше высочордие, а мы уж сделаем.

Получив «добро», несколько матросов на плечах перенесли пушку.

— Спасибо, ребята! Ай да богатыри! Ай да молодцы! А теперь — к орудиям!

И началось невиданное до сих пор морское сражение между двумя линейными кораблями и бригам. Двум прославленным турецким адмиралам противостоял тридцатилетний русский капитан-лейтенант. По разнице габаритов, количества и мощности артиллерии судов эту битву можно было бы сравнить с поединком между львами и кроликом.

Иностранцам трудно было поверить в то, что, вопреки здравому смыслу, бриг не спустил флаг, а принял сражение. «Совершенно невозможно допустить, — писал английский историк Ф. Джейн, — чтобы такое маленькое судно, как «Меркурий», вывело из строя два линейных корабля за четыре часа, даже если бы они вовсе не стреляли. Самым вероятным предположением будет то,

«рокового» пистолета под счастливые крики «ура!»

Вскоре «Меркурий» встретился с русским флотом, вышедшим из Сизополя ему на помощь. Адмирал Грейг, желавший немедленно увидеть Казарского, послал за ним катер. В походном сюртуке, с перевязанной раненой щекой Александр Иванович отправился на доклад. «Едва он успел пристать к трапу адмиральского корабля, как адмирал Грейг, быстро спустившись на нижнюю площадку, обнял героя-командира, расцеловал его и вместе с ним поднялся на палубу...».

Главный командир Черноморского флота и портов генерал-адмирал Грейг не замедлил подробно описать события 14 мая императору. Свой рапорт Алексей Самуилович восторженно закончил: «Столь необыкновенное происшествие, доказывающее в чрезвычайной степени храбрость и твердость духа командира судна и всех чинов оно, обрекших себя на смерть для спасения чести флага, ими носимого, превышает всякую обыкновенную меру награды, какую я могу назначить сим людям, и токмо благость и неограниченные щедроты Вашего Им-

ператорского Величества в состоянии вознаградить столь достойный удивления подвиг...»

4 июля Главный командир Черноморского флота издал приказ: «В воздаяние блистательного подвига брига «Меркурий», вышедшего победителем из беспримерного боя 14 мая, им выдержанного противу двух турецких кораблей, Государь Император всемилостивейше пожаловать соизволил: командира капитан-лейтенанта Казарского в капитаны 2 ранга, с назначением флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству, и сверх того кавалером ордена св. Георгия 4 класса; лейтенантов Скорятина и Новосильского, мичмана Притупова и поручика корпуса флотских штурманов Прокофьева следующими чинами, и первых орденами св. Владимира 4 степени, а Прокофьева, как предложившего мужественный совет взорвать бриг, орденом св. Георгия 4 класса. Всем нижним чинам знаки отличия военного ордена. Всем вообще, как офицерам, так и нижним чинам, в пожизненный пенсioen двойной оклад жалованья по окладу, какой они получали до настоящего времени. Вместе с тем, Его

Императорское Величество соизволил отличить и самый бриг пожалованием на оный Георгиевского флага. А дабы увековечить в роде сих офицеров память примерной их храбрости и мужественной решимости на очевидную гибель, Государь Император соизволил повелеть, чтобы пистолет, как оружие, избранное ими для взорвания на воздух при невозможности продолжать оборону, был внесен в гербы их. Адмирал А.С. Грейг».

А 25-го числа император решил и судьбу самого брига. В его указе на имя Морского Министра говорилось: «...Мы желаем, дабы память беспримерного дела сего сохранилась до позднейших времен, вследствие сего повелеваем вам распорядиться: когда бриг сей приходит в неспособность продолжать более служение на море, построить по одному с ним чертежу

Севастополе 3 мая 1830 года в присутствии всех командиров боевых кораблей, адмиралов Грейга, Патаиоти, Скаловского, Кумани и прославленного Беллингаузена.

А что же «Рафаил»? Приговор, вынесенный императором кораблю, привели в исполнение спустя четверть века — 18 ноября 1853 года во время знаменитого Синопского сражения. Турки назвали плененный русский фрегат «Фазли-Аллах», что на турецком языке означает «Богом данный». По иронии судьбы, именно он уничтожил Синоп. Меткие выстрелы наших артиллеристов взорвали «Фазли-Аллаха», его горящие обломки накрыли часть города. Сильный ветер раздул пламя, и вскоре вся цитадель была охвачена пламенем.

«Очень приятно думать, — писал Барятинский, — что туркам, которые

Мы желаем, дабы память знаменитых заслуг команды брига «Меркурий» и его никогда во флоте не исчезла, а, переходя из рода в род на вечные времена, служила примером потомству.

Николай I

и совершенным с ним сходством во всем другое такое же судно, наименовав его «Меркурий» и приписав к тому же экипажу, на который перенести и пожалованный флаг с вымпелом; когда же и сие судно станет приходиться в ветхость, заменить его другим новым, по тому же чертежу построенным, продолжая сие таким образом до времен позднейших. Мы желаем, дабы память знаменитых заслуг команды брига «Меркурий» и его никогда во флоте не исчезла, а, переходя из рода в род на вечные времена, служили примером потомству. Николай I».

Церемония торжественного поднятия Георгиевского флага и вымпела на «Меркурии» состоялась в

его старательно оберегали, не придется больше его показывать в Константинополе в виде русского трофея».

Прямое отношение к этому возмездию имел и герой «Меркурия» Федор Михайлович Новосильский. Именно о нем, контр-адмирале Новосильском, писал в приказе Павел Степанович Нахимов: «Изъявляю душевную мою признательность второму флагману как главному моему помощнику и который, идя передовым в своей колонне, так неустрашимо вел ее в бой...»

Что касается судьбы командира «Рафаила», то суд приговорил его и всех офицеров, кроме мичмана Вердемана (который во время сдачи фрегата находился в кройт-камере), разжаловать в матросы без выслуги. К

Бриг «Меркурий»
возвращается
домой

тому же император запретил Стройникову жениться, «дабы не иметь в России потомство труса и изменника». Недолго прожил после этого Семен Михайлович — бесчестие пережить не каждый может.

Но и судьба героя Казарского оказалась драматичной.

Александр Иванович родился 16 июня 1798 года на белорусской земле. Отец его — Иван Кузьмич, отставной губернский секретарь, был управляющим имения князя Любомирского в Витебской губернии. В семье Казарских было пятеро детей: Прасковья, Екатерина, Матрена, Александр и Иван. По бедности родители не могли дать детям основательного образования. Грамоте Саша учился в церковно-приходской школе, а ксендз преподавал ему основы математики, латыни и французского языка.

Судьбу десятилетнего мальчика круто изменил приехавший в Дубровно двоюродный брат Ивана Кузьмича и крестный Саша Василий Семенович Мацкевич. Назначенный служить в обер-интендантстве Черноморского флота, он предложил забрать с собой крестника в Николаев, чтобы определить его в Черноморское штурманское училище.

— Честное имя, Саша, — это единственное, что оставлю тебе в наследство, — сказал на прощание Иван Кузьмич.

Отечественная война принесла большое горе мальчику: он потерял отца и любимую младшую сестру. В 1812 году Дубровно занял французский отряд, погромы и насилия ужасали обывателей. Жертвой солдатни стала Матрена. Преследуемая насильниками, она бросилась с обрыва в Днепр. Не пощадила судьба и другую сестру Александра: только после венчания с пехотным поручиком Екатерина узнала, что он уже женат. Несчастливая постриглась в монахини.

Первый офицерский чин Казарский получил в 1814 году, а службу начал на бригантинах. Веселый мичман был любимцем экипажей. Скучно с таким характером спокойно служить, иное дело — на границе, и Александр просит перевести его на Дунайскую флотилию. Казарского назначили командиром отряда мелких гребных судов в Измаиле.

В 1819 году лейтенанта Казарского переводят в Севастополь на фрегат «Евстафий». Александр счастлив: ему предстоит служить под началом своего кумира, одного из лучших офицеров Черноморской эскадры — Ивана Семеновича Скаловского.

Главные заповеди Скаловского он запомнит на всю жизнь: «На вахте не жди подсказки, оценив обстановку, действуй самостоятельно и решительно: установи взаимопонимание с нижними чинами, в их умении и слаженности — главный успех маневра: старайся разгадать замысел неприятеля, опережай его действия». Способный ученик блестяще их освоил и применил в сражении с турецкими флагманами.

Боевое крещение Александр Иванович получил под Анапой. Он командовал тогда бригом «Соперник», ставшим на военное время транспортом, на котором доставлял войска и вооружение. По приказу адмирала Грейга, на «Сопернике» установили единорог, тем самым превратив его в бомбардирское судно.

Крепость долго не могли взять: из-за мелководья большие корабли не имели возможности подойти близко, а обстрел с дальнего расстояния не причинял бастионам серьезного вреда. Тут-то и пригодился маленький бриг. Три недели маневрировал «Соперник» под стенами Анапы, громя ее бастионы. За взятие этой крепости Казарский получил чин капитан-лейтенанта, а за проявленную храбрость при штурме неприступной Варны его наградили золотой саблей. Вскоре после этого адмирал Грейг назначил Александра Ивановича командиром «Меркурия».

Война подходила к концу, но оправившийся от контузии капитан 2 ранга, командуя фрегатом «Госпешный», успел крейсировать у Босфора и принять участие во взятии Мессемврии.

В 1830 году император посылает Александра Ивановича с почетной миссией в Лондон: как представитель Российского флота он поздравлял английского короля Вильгельма IV. Моряки Великобритании тепло и торжественно встретили героя. В отличие от историков, они не сомневались в том, что бриг вступил в бой с двумя линейными кораблями, и по достоинству оценили мужество молодого капитана.

За отличие по службе Николай I пожаловал Казарского в капитаны 1 ранга, и флигель-адъютант начал мотаться по командировкам, выполняя ответственные поручения императора.

А на Босфоре снова беспокойно. Россия выступает на стороне Турции в ее конфликте с египетским пашой. Черноморская эскадра под командованием вице-адмирала Лазарева готовится к походу, и Казарскому поручают снаряжение и погрузку большой группы войск на десантные суда. С этой задачей он справился блестяще.

В июне 1833 года Михаил Петрович Лазарев неожиданно получает в Босфоре письмо из Одессы: «Вашему Превосходительству, конечно, еще не известна потеря, которую понес Флот наш: 16-го сего месяца скончался в Николаеве Казарский. Не буду го-

ворить о горестном чувстве, которое произвело во мне сие известие: оно отзовется в душе каждого Офицера Российского Флота.

Героический подвиг Казарского в последнюю Турецкую войну соделал имя его драгоценным сердцу каждого Русского и осветил Флаг наш лучом непомеркающей славы.

Черное море, бывшее свидетелем его славы, пусть будет свидетелем нашей благодарности, пусть на берегах его воздвигнется памятник Казарскому, памятник, который, будучи данью признательности Русского Флота, будет в то же время и залогом его будущей славы!»

Лазарев, естественно, написал царю о желании черноморцев установить на Малом бульваре в Севастополе памятник Казарскому. Деньги для этого присылали и моряки-балтийцы. Так в городе русской славы появился памятник, на котором написано: «Казарскому потомству в пример». □

Памятник
А.И. Казарскому

СПАЙДЕРВИК: ХРОНИКИ («The Spiderwick Chronicles»)

Год выхода: **2008**
Режиссер: **Марк С. Уотерс**
Жанр: **фэнтези**
Страна: **США**
Длительность: **97 мин.**

В главных ролях: **Фредди Хаймор,
Сара Болджер, Ник Нолти,
Мэри-Луиз Паркер**

Жанр фэнтезийных сказок никогда не теряет ни популярности, ни актуальности, неизменно привлекая к себе внимание всех возрастов. Как результат — множество клише и штамповок. Новинка выгодно отличается от общей массы подобных лент незатянутостью, продуманным сюжетом (в основе — одноименное литературное произведение) с четким финалом, лишенным малейших намеков на выдвинутое из пальца продолжение. В остальном же перед нами — добротная детская сказка, не претендующая на Оскара, зато с поучительным подтекстом. В центре внимания — семья после развода — мать и трое детей, только-только переселившиеся в старый дом Дедушки Спайдервика, который таит в себе проход в сказочную страну. Главные герои знакомятся с мифологическими персонажами из параллельного мира, который им предстоит спасти по ходу сюжета. Хорошая игра актеров, мастерство программистов-аниматоров не заставят скучать. Картина рекомендована для семейного просмотра.

27 СВАДЕБ («27 Dresses»)

Год выхода: **2008**
Режиссер: **Энн Флетчер**
Жанр: **комедия**
Страна: **США**
Длительность: **107 мин.**

В главных ролях: **Кэтрин Хайгл,
Джеймс Мэрсден, Эдвард Бернс,
Малин Акерман**

Что ни бюджетная американская комедия, в особенности молодежная, сразу же — ощущение дежавю. Кажется, эту шутку вы где-то слышали, а коронный трюк актера знаком до неприличия. Налицо — нехватка сюжетов. Вот и получается — просмотр с каменным лицом, периодически набрасывая натянутую улыбку после очередной пошлой выходки героев картины. Данный же фильм обещает быть чем-то нестандартным, хотя и снят в давно заезженном ключе. Создатели презентуют историю молодой девушки, постоянно участвующей в свадьбах подруг и знакомых в качестве свидетельницы, оставаясь при этом одиночкой. Видать, букет невесты для нее неуловим. Наконец, наступает переломный момент, и до главной героини доходит — пора подумать о себе, но сразу после свадьбы сестры. Курьез ситуации в том, что сестра, оказывается, выходит замуж за объекта грез «профессиональной подружки невесты». Возникает любимый вопрос Чернышевского — «Что делать?» В итоге, вышла классическая романтическая комедия для девушек с характерным юмором, благо, почти лишенной туалетной тематики. Хорошая игра всего актерского состава и счастливый конец не оставят без слез и улыбок ни одну зрительницу нового фильма.

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Что нового?

ДЕНЬ РАДИО

Год выхода: **2008**
Режиссер: **Дмитрий Дьяченко**
Жанр: **комедия**
Страна: **Россия**
Длительность: **100 мин.**

В главных ролях: **Ростислав Хаит, Леонид
Барац, Александр Демидов, Камилль Ларин,
Николай Фоменко, Илья Лагутенко,
Георгий Мартиросьян**

Лишь меньшинство знакомо с настоящей «кухней» ТВ или радио, поглощая только готовые блюда. Герой же текущего обзора исправит один из пробелов, представив свою интерпретацию произвольного дня из жизни популярной московской радиостанции. Естественно, по-настоящему обычный день никого не интересует, ибо самое интересное случается во время громких информационных поводов. Создатели картины выбрали не самый удачный день во всех отношениях: тема дня упущена, активно раскручивается конкурирующей радиостанцией. На клонировании далеко не уедешь. Главным героям под страхом увольнения предстоит проявить все свое журналистское мастерство и выкрутиться из сложной ситуации, побив по рейтингам соперника. Вовремя подворачивается информация про терпящий бедствие катер, вышедший из Находки, со зверями туземного Благовещенского цирка. Слушатели же получили немного отредактированный вариант информации, претендующий на спасение пятыи точек горе-работники. Не самый лучший образец отечественной комедии, тем не менее местами оригинальный и даже смешной. Фильм, бесспорно, привлечет внимание самой широкой аудитории.

ОХОТНИКИ НА ДРАКОНОВ («Chasseurs de dragons»)

Год выхода: **2008**
Режиссеры: **Гийом Ивернель,
Артур Квак**
Жанр: **фэнтези**
Страна: **Германия, Франция,
Люксембург**

Длительность: **80 мин.**
В главных ролях: **Винсент Линдон,
Патрик Тимсит, Филипп Наон, Amanda Lear**

Ох уж эти сказки... Новый мир, герои, захватывающее начало, и все ради того, чтобы 70 минут от всей картины куда-то интуитивно брести (в произвольном направлении), и свалить одним ударом главного злодея, перед которым когда-то полегло множество храбрецов. Спрашивается, где логика, сюжет, и на что рассчитывали создатели? Мир похож на фэнтезийный, но больше игровой. Возникает ощущение, будто авторы переиграли по молодости в некогда популярную компьютерную игру «Net Storm», ибо атмосфера и многие элементы до безобразия похожи. Те же микроскопические мирки с замками в облаках, соединенные маленькими мостиками. Даже если это не так, то мультфильм послужит идеальной базой для создания одноименной компьютерной игры в жанре стратегии реального времени. Сюжет — линейный, не претендующий ни на что. Завязывается с пробуждения страшного древнего врага «Пожирателя», который норовит уничтожить весь мир. Вот с ним-то и предстоит «сразиться» главным героям. Специально для юмористических сцен традиционно введен смешной персонаж, смахивающий на чокнутого саблезубого кролика, причем синего цвета. Несколько интересных моментов, пару раз посмеяться, а в целом — скучно. Ценители таких хитов, как «Шрек», «Ледниковый период», «Хортон» могут разочароваться. Тем не менее картина почти наверняка заинтересует зрителей дошкольного и младшего школьных возрастов.

Кирилл ПОДОЛЯК

Рекомендовать

в искусство!

Владимир Цукерман — известный человек, и не только «в узких кругах». Как конференсье он работал с Валентиной Легкоступовой, Александром Барыкиным,

Олегом Газмановым, с Александром Серовым. Помимо этого, Владимир профессиональный «циркач» — клоун, фокусник и даже гипнотизер. Но более всего Владимир Цукерман прославился своим неповторимым хобби. В восьмилетнем возрасте Володя посмотрел фильм «Пес Барбос и необычный кросс» Леонида Гайдая. Герои ленты и актеры, их игравшие, так понравились мальчику, что он решил собрать о них всю интересную информацию, все, что с ними связано. «У кого-то подобные детские увлечения проходят быстро, — с улыбкой признается сегодня директор Музея «Трех Актеров» Владимир Цукерман, — а вот я не могу остановиться до сих пор»

НИКУЛИНА ЧУДОМ СПАСЛИ ОТ «УБОЙНОГО ОТДЕЛА»

— Владимир, всем известно, что театр начинается с вешалки. А с чего начинался ваш музей?

— С черно-белой открытки, на которой была изображена «троица» — Никулин, Вицин и Моргунов. Я с колоссальным трудом выпросил у папы 8 копеек, положил купленную открытку под стекло письменного стола и, как говорится, на нее «молился». Потом, после «Кавказской пленницы», вышла новая цветная открытка, и я ее тоже купил. Я так был окрылен своей идеей, что... Сейчас в этом стыдно признаться, но я просматривал в библиотеке подшивки всех журналов и газет за год, вырывал и крал страницы даже просто с упоминанием о Никулине, Вицине и Моргунове.

А бывали случаи, когда мы с друзьями по ночам ходили по городу с бритвенным лезвием и срезали огромные афиши. Помню, в 1980 году две знакомые девушки подарили мне рисованный рекламный плакат фильма Гайдая «За спичками» размером шесть на восемь метров. Оказалось, что они сорвали его со стенда в Калуге и, свернув, как картину Рембрандта в картине «Старики разбойники», пронесли через весь город. Вот таким образом и пошел музейный процесс... Я собирал маски актеров, календари 60—70-х годов, значки с их изображением, статуэтки, спичечные коробки, пасхальные яйца, игральные карты, программки тех лет, пластинки, буклеты, детские рисунки и поделки из пластилина... Обратите внимание, в этой квартире — только экспонаты. Например, под диваном лежит 200 плакатов на оргалите. Чтобы их выставить, понадобится не менее 25 комнат. В моей коллекции — более 300 видеокассет с записями фильмов, телепередач с участием актеров, 500 альбомов с фотографиями. Всего же наберется 15 тысяч экспонатов.

Со временем я стал систематизировать собранное, завел даже кар-

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Неизвестное об известных

Свершение мечты. Торжественное открытие музея

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Неизвестное об известных

тотеку — начиная с 1935 года и по нынешний день.

— Почему именно с 1935-го?

— Со дня основания театра имени Ермоловой, где начинал Вицин. Он закончил школу-студию МХАТ-2 (была такая!) и был распределен в новый театр. У меня хранится первое упоминание о Вицине в театральной программке за 1935 год. В спектакле «Не было ни гроша да вдруг алтын» по Островскому он сыграл в небольшом эпизоде. А вот Юрий Никулин поначалу чуть не стал милиционером!

Придя с фронта, он пробовался во все театральные заведения и везде провалился. На вступительных экзаменах во ВГИКе Сергей Юткевич сказал: «Молодой человек, вы

нефотогеничны! Ваше лицо будет плохо пропечатываться на киноплёнке!»

После войны почти все фронтовики были «на учете», власти внимательно следили за их трудоустройством, и Никулина трижды вызывали в милицию и уговаривали: «Вы прошли войну, оружием владеете, имеете боевые награды. Жалованье хорошее, спецодежда, прогрессивка. Идите к нам!» И он задумался: а может, и правда, пойти? Если бы Никулин не попал к Карандашу в Студию клоунады при московском цирке, он пошел бы служить в милицию, и, может, дослужился бы до генерала. Но тогда мы не открыли бы для себя великого Никулина...

— **Если не ошибаюсь, первая роль Моргунова была в картине «Молодая гвардия» Сергея Герасимова...**

— Ничего подобного! Он снимался и до «Молодой гвардии». Вообще, его путь в кино — удивительный. Когда началась война, четырнадцатилетний Женя обтачивал болванки для артиллерийских снарядов на московском заводе «Фрезер». В 1943 году он написал письмо Сталину (у меня есть подлинник этого письма). Цитирую дословно: «Уважаемый Иосиф Виссарионович! Я работаю болваночником, но мечтаю попасть в искусство. Я выступал в самодеятельности в Доме культуры Русакова, снимался в массовках на «Мосфильме», но мне не дает попасть в искусство наш директор завода... Примите меня в искусство!». Представляете, что это было за письмо, и какие могли быть последствия?!

— А какие на самом деле были?

— Директор слег с инфарктом после звонка Сталина: «Рэкамэндавать таварыща Маргунова в искусство!!!» Юношу мгновенно направили в театр Таирова — ныне театр Пушкина, приняли во ВГИК — в знаменитую мастерскую Герасимова и Тамары Макаровой. Первая его роль в кино — пожарный, который очень боялся огня, в фильме Столпера «Дни и ночи». У меня есть много видеозапи-

сей фильмов, где в эпизодах играл Моргунов.

Вообще, было три разных Моргунова. Первый — худенький, красивый, с шикарной шевелюрой — в фильмах 40—50-х. Второй — каким мы видим его в фильмах Леонида Гайдая. И третий — на закате жизни, опять похудевший и опять почти неузнаваемый.

ГАЙДАЙ ПРЯТАЛ ТРУП БАЛБЕСА ПОД КРОВАТЬЮ

— **Можете назвать самый-самый ценный экспонат вашей коллекции?**

— Все! Для меня каждая журнальная вырезка бесценна. Но есть

просто суперэкслюзив. Например, настоящий клоунский костюм Никулина — брюки, пиджак, шляпа и ботинки. На подошвах надпись: на правом — «Ботинки мои — это точно», на левом — «Мой левый любимый». Лопатка саперная с фронта с надписью: «Она прошла со мной всю войну от Ленинграда до Прибалтики. Дарю ее в музей Володи Цукермана, но с просьбой не зарывать свой талант. Юрий Никулин». Мяч с автографами футболистов сборной СССР и припиской «Запасной игрок Георгий Вицин. 1977-й год»... А вот еще один раритет. В 1979 году — ровно через 10 лет после съемок «Бриллиантовой руки» — в челябинском цирке Никулин повредил ту же самую руку. Он мне рассказывал, как шел, корчась от боли, на перевязку, а за ним бежала толпа восторженных ребятишек и кричала: «Ура!!! Вторая серия!» У меня есть снимок, где он с загипсованной рукой смотрит на фотографию из фильма и говорит: «Стран-

У меня в квартире нет личных вещей, только экспонаты. Всего их наберется 15 тысяч

но... Прошло 10 лет, в какой же руке бриллианты?!»

— **Сразу вопрек: «золото-бриллианты» — тоже у вас?**

— Хотелось бы... Но мне — по секрету — сказали, что они были ненастоящие. Бижутерия! Посмотрите на подарок Вицину «от учащихся ПТУ №6» — пустой бочонок, как самому «пьющему». Шутка! Вицин всегда был главным трезвенником... Вот интересная фотография: Никулин со Светланой Светличной в «Бриллиантовой руке» и Никулин с женой. Между прочим, Нина Гребешкова и Татьяна Никулина учились в одной школе и сидели за одной партой...

— **А это не очередная байка?**

— Что значит байка? Есть реальные исторические факты, а есть истории, придуманные народом. Это разные вещи! Но я все равно собираю все.

— **На ваш взгляд, какая из баек — самая фантастическая?**

— На премьере «Бриллиантовой руки» Никулин сказал, что за каж-

дый придуманный трюк они получали от Гайдая по бутылке шампанского: мол, сам Никулин получил 24, Моргунов 18, а Вицин — две. Гайдай потом удивлялся: «Юра, такого же не было!», на что Никулин отвечал: «А так смешнее!». И вот именно эта байка пошла в народ и стала восприниматься как быль. Есть и другая «из самых живучих». На съемках «Бриллиантовой руки» в Адлере, в подвале гостиницы «Горизонт» оборудовали костюмерную и реквизиторскую. Там под белой простыней (чтобы не пылился) хранили «двойника» Никулина, сделанного из папье-маше — эту куклу должны были в концовке фильма сбрасывать с высоты 500 метров. Подметая подвал, уборщица приподняла простыню и обомлела: перед ней лежал «мертвый Никулин». Через десять минут о смерти Никулина знал весь город, через полчаса слухи о том, что артист погиб на съемках, а его труп держат под кроватью, — дошли до Москвы...

И вообще, когда сценарист Яков Костюковский («Бриллиантовая рука», «Кавказская пленница», «Операция «Ы»») услышал о том, что все самое прикольное в картине придумывали актеры в ходе съемок, он воскликнул: «Может, мы вообще сценарий не писали?!»

Точно известно, что самым большим выдумщиком и «приколистом» был Вицин. Например, «стоять на смерть». Помните сцену посередин

ид Гайдая. Вот иди и узнай, кто прав, а кто нет — это тайна, покрытая мраком!

БЫВАЛЫЙ — «ЗАСЛУЖЕННЫЙ» КАЛАМБУР

— **Расскажите, как вы познакомились с ними?**

— Поэт Виктор Урин дружил с Моргуновым, а его жена была по-

не дороги в «Кавказской пленнице»? Потом... в рот огурцом — во время погони. И то, что здоровенный шприц должен шататься в «ягодице» Моргунова (а на самом деле — в подушке!) — тоже идея Вицина... Вопрос на «засыпку»: кто чесал пятку Никулину в той же «Кавказской пленнице»?

— **Говорили, что карлик...**

— Нет, полное вранье! Историю, когда человек, не сгибаясь, чешет пятку, рассказала Никулину известная артистка цирка, дрессировщица медведей Эльвина Подчерникова. Он сразу загорелся: «Это надо использовать у Гайдая». По словам Никулина, пятку чесал лежавший под одеялом ассистент режиссера. Подтверждает это и жена Моргунова. Тем не менее в средствах массовой информации почему-то пишут, что чесал лилипут. Но есть еще и третья версия — самая шокирующая. Однажды Нина Павловна Гребешкова призналась мне, что на самом деле пятку чесал сам... Лео-

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Неизвестное об известных

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Неизвестное об известных

другой моей мамы. Узнав от Уриных про необычного мальчика-коллекционера, Моргунов позвонил и сказал: «Здравствуй, дорогой друг!» Мне было тогда 12 лет. А в 1968 году в Доме кино мы с ним познакомились уже по-настоящему. А еще через десять лет во Дворце культуры ЗИЛ я подошел к Моргунову и спросил: «Евгений Александрович, не узнаете?» Он — с ходу: «Ален Делон?» «Нет!» «Сирано де Бержерак?» «Нет. Володя Цукерман!» Моргунов, даже глазом не моргнув: «Здравствуй, Вовочка! Ну, где же ты десять лет пропадал?!». И с тех пор он был самым частым моим гостем. Из всей тройки я ближе всего общался с Моргуновым, но экспонатов больше всех музею подарил Никулин.

— А Вицин?

— Его раритеты я доставал другими путями. Ну, например, вот этот вымпел образцового военного оркестра Военно-Морского флота с надписью «Вымпел рюмку, вымпел две...» он мне сам подарил. Я храню даже окурки сигареты, выкуренной Моргуновым после осмотра музейной экспозиции. Есть в коллекции очки Моргунова, лимончики, которые он 15 лет назад принес к чаю, чуть-чуть «откушанная» им «четвертинка» водки... Он ведь много чего приносил с собой из еды, особенно когда я лежал семь месяцев со сломанной ногой...

Обратите внимание на необычный портрет: Никулин с Ельциным лоб ко лбу и подпись: «От смешного до великого — один сантиметр». Есть и второе название этой же картины (Якубович придумал): «Президент и Клоун». И в скобках: «Президент справа». А это авторучка с надписью: «Лучшему другу фронтовику Юрию Никулину на память от сщепщика вагонов Смоленской области Гусева!»

С Юрием Владимировичем я познакомился так. Случайно узнал, что журналист «Вечерней Москвы» Владимир Шахиджанян пишет книгу с Юрием Никулиным, позвонил ему и рассказал о своей коллекции. Когда он пришел ко мне и увидел все это, у него просто... челюсть отвисла. Он не мог поверить, что реально можно собрать такое количество экспонатов, и рассказал про меня Никулину. А лично с Никулиным мы познакомились чуть позже — в 1974-ом. Кстати, говорили, что, когда на съемках картины «Они сражались за Родину» умер Шукшин, Никулин вместе с Бурковым чуть ли не первыми его тело обнаружили. Неправда! Никулина 2 октября 1974 года в хуторе Милологовском Волгоградской области не было, он выступал на арене цирка на Цветном бульваре. Именно в этот день я его и подкараулил у выхода. Помню, подошел и говорю: «Здравствуйте, Юрий Владимирович! Меня зовут Володя...» А он закончил: «Цукерман!» Мы долго разговарива-

Вообще, было три разных Моргунова. Первый — худенький, красивый, с шикарнейшей шевелюрой. Второй — каким мы видим его в картинах Леонида Гайдая. И третий — на закате жизни, опять похудевший и опять почти неузнаваемый

ли, он пообещал придти посмотреть мою коллекцию. Уходя от меня, он и выполнил свое обещание, написал: «Ухожу потрясенный», и нарисовал рожицу убегающего человечка. А Моргунов оставил надпись «Я — остаюсь навсегда»...

Еще один экспонат и моя гордость — удостоверение «Лучший друг Моргунова» с моей фотографией и подпись: «Моргунов, народный артист России». Он всегда подписывался «народный», хотя был «заслуженным». Ему же не давали званий, вычеркивали из кинословарей, как будто и не существовало такого актера.

— А с чем это было связано?

— Он всегда высказывал начальству правду в лицо, а начальство этого

не любит. Но надо знать Моргунова. Это был мастер эпатажа на самом высоком уровне, невзирая на чины и звания. Рассказываю достоверный случай. Когда в Театр киноактера приехали Молотов и Каганович, Моргунов от имени директора театра полтора часа проговорил с ними о перспективах советской кинематографии, после чего сказал, что «надо бы прибавить зарплату молодым актерам, чтобы у них появилось вдохновение, потому что на молодых держится весь театр». То есть — ему. И самое удивительное, что зарплату прибавили... Вообще, он был великий выдумщик. Любил представляться «внуком Петлюры» или «сыном пионера Павлика Морозова».

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Неизвестное об известных

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Неизвестное об известных

— И верили?

— Еще и честь отдавали! Сын пионера Павлика Морозова, которого в 10 лет убили кулаки. Ха-ха-ха!!! В молодые годы Моргунову удавалось проходить на футбольные матчи бесплатно, посещать бани, не заплатив ни копейки. В такси он тоже ездил бесплатно, предъявляя водителям удостоверение сотрудника КГБ. Еще он любил на публике исполнить трюк: замертво падал перед машиной после случайного выстрела глушителя.

— Судя по всему, о Моргунове вы можете рассказывать часами...

— А потому, что о нем мало кто знает столько, сколько я. Мало кто знает, что Моргунов был блестящий мастер афоризмов и невероятный энциклопедист... Он знал Баха, Бетховена, Шуберта, Шумана, играл сам на слух. И знал все имена, все даты, все фамилии всех секретарш района, в который он приезжал на гастроли, а также историю этого города, фамилию, имя отчество первого партийного секретаря... Он приезжал в любой город, звонил: «Здравствуй-

Моргунов был великий выдумщик. Любил представляться «внуком Пемлоры» или «сыном пионера Павлика Морозова»

те, Иван Иванович. Вам привет от Алексея Николаевича Косыгина!» Тот не успевал уронить челюсть, а Моргунов «добивал» его: «Это говорит народный артист, лауреат государственной премии Моргунов. «Кавказскую пленницу» смотрели? А следом за мной едут Вицин и Никулин... Прикажете открыть партийный спецсклад, и завтра к десяти утра мне все, что скажу, в трех экземплярах! А я о вас доложу, куда надо...» В 10 утра «тук-тук-тук» в дверь его гостиничного номера — солдаты вносят ящики... В отличие от Георгия Вицина, Моргунов, будучи на пике славы, всегда пользовался своей популярностью. Однажды (это мне Никулин рассказывал) он выступал с концертами на Дальнем Востоке, и моряки подарили ему рыбину ценных пород в три обхвата — килограммов на восемь. Евгений Александрович отказался от презента со словами: «Я не могу принять от вас такой дорогой подарок, зная о том, что мои друзья — Вицин и Никулин — такой рыбы не имеют». Ему тут же приносят еще две! Никулин потом жаловался: «Ну, хоть бы кусочек привез, так нет, ничего нам не дал».

Вот удивительно! Моргунов весь был соткан из противоречий. Он мог опоздать на собственную свадьбу на несколько часов (!!!), потому что пошел помогать своему другу актеру Георгию Светлани устанавливать ограду на могиле его матери. Он мог напиться, а мог вообще не притронуться к спиртному. На поминках Леонида Утесова Моргунов сказал: «Я пришел сюда не пить, а вспомнить друга!» А в ресторане Центрального дома литераторов произошел сверхзабавный случай. Моргунов выпивал в компании с композитором Соловьевым-Седым и поэтом Михаилом Светловым. В это время в ЦДЛ собирались провожать в последний путь Константина Паустовского, готовили постамент для гроба. И Моргунов поспорил на тысячу рублей — гигантские по тем временам деньги, — что он сейчас ляжет на постамент вместо покойника. И он действительно лег и... уснул.

Когда привезли гроб, выяснилось, что ставить его некуда. Еле-еле Моргунова стащили с постамента четыре человека. После этого он три года не показывался в Доме литераторов, потому что в фойе висело объявление «Моргунова не пускать!»

У него было бурное воображение. Он всем рассказывал, что Фидель Кастро подарил ему котенка. Мне говорил: «Шарль Азнавур прислал мне варенье, угощайся!» А знакомым хвастался: «От Джини Лоллобриджида у меня — мальчик».

— Они были знакомы с Лоллобриджидой?

— Есть фотография, где они вместе снялись на одном из кинофестивалей. Когда у него в шутку спрашивали, есть ли у него дети от Катрин Денев, он мгновенно каламбурил: «Мне для этого не надо Катрин Денев, мне хотя бы Катрин Часов...»

Я расскажу вам историю, как он умер. У него был сахарный диабет,

и уже чернела нога. Он жаловался мне: «Володя, болит нога, болит...» А мои мама и дочка живут в Германии, и там знакомый врач, русский немец, решил взяться за его лечение. Но мы немножко не успели... Моргунову при его диагнозе, естественно, нельзя было пускаться в загулы. Но он пошел вразнос: раз нельзя, значит, буду, а умру — наплевать! К тому же его очень сильно подкосила гибель в автокатастрофе младшего сына Николая.

На презентации книги «За колючей проволокой, или На грани отчаяния» своего друга журналиста Генриха Сечкина Моргунов напился и получил тяжелейший инсульт. А ведь был настолько жизнелюб, что... За пять лет до смерти он лежал в Кремлевке, и врачи сказали: он отсюда уже не выйдет. А он пять лет после этого прожил! Моргунов говорил врачам: «Меня вы не вынесете вперед ногами. Я — невыносимый!»

ТИХИЙ ВИЦИН УВЕЛ ЖЕНУ У НАРОДНОГО АРТИСТА СССР

— *Ссору Моргунова с Гайдаем во время съемок «Бриллиантовой руки» описывали многие, но все — по-разному...*

— Мне эту историю рассказывали четыре человека — Никулин, жена Вицина, сам Гайдай и жена Моргунова, и тоже все — по-разному. Дело в том, что никто из посторонних (даже жены) не имел права приходиться на ночной рабочий просмотр отснятого материала. Только съемочная группа! Просматривали «тяжелые» куски, которые не получались, — сцены погони, и никто не знал, что делать. А Моргунов привел свою зна-

комую. Ему сделали замечание. Он в ответ возразил: «А почему жена Никулина сидит — она ведь тоже не участвует в фильме? Пусть и она уйдет». Гайдай возмутился: «Это последний фильм с вами, Евгений Александрович!»

Они тогда крепко поссорились, и даже Бондарчук их не мог помирить. А я помирил.

— *И как вам это удалось?*

— Они все пришли на открытие этого музея 14 мая 1993 года. Моргунов сел рядом с Гайдаем, а Никулин с Вициным — напротив. Есть фотографии, где они все дружно улыбаются. Ведь это сенсация — открылся первый в России музей, созданный при жизни героев. Никулин тогда сказал: «Обычно музеи открывают после смерти человека. А тут музей готов, и нам уже не надо умирать».

— *Кто еще из известных людей бывал у вас в музее?*

— Многие. Наталья Дурова, Юрий Лонго, первый советник Хрущева Кримерман, который научил Хрущева и Гагарина фотографировать, диктор центрального телевидения Виктор Иванович Балашов. Гайдай, естественно, был. Дважды жена Вицина и его дочь Наташа приходили, младший сын Моргунова, который погиб в автокатастрофе. А вот жены Моргунова и Никулина не приходили. Вот и с Натальей Варлей мы очень редко видимся. Я ей как-то говорю: «Наташ, я каждый день просыпаюсь, а на потолке твой портрет висит из фильма «Большой аттракцион». Можешь придти посмотреть?»

— *Она тоже ни разу не была?*

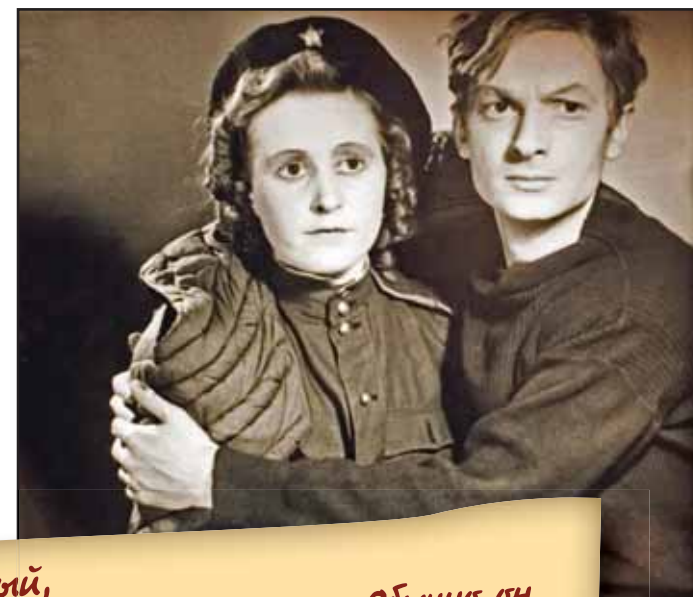
— В том-то и дело! И Максим Никулин никак не доберется, хотя я всех постоянно принимаю. Между прочим, мы с Максимом родились в один год, в один месяц, в один день и даже в один час...

— *Интересно, как вам удалось найти общий язык с Вициным? Говорят, он был человек крайне необщительный и закрытый.*

— Это еще мягко говоря. Но, тем не менее, однажды мы проговорили с ним целых четыре часа. Вообще, у

Вицин был скромный, тихий, не любил, когда его замечали. Обычно он, выходя на улицу, надевал очки, поднимал воротник ... Моргунов говорил о нем: «Вицин — дьявольски талантлив. Ни я, ни Никулин ногтя его не стоим».

меня — 30 кассет с аудиозаписями разговоров с Вициным, Никулиным и Моргуновым. Причем они даже не знали, что я их записываю.

— *А о чем говорили?*

— Обо всем. Каждый же был по-своему индивидуален. Например, Вицин был скромный, тихий, не любил, когда его замечали. Обычно он, выходя на улицу, надевал очки, надвигал воротник, шляпу... Он никогда не имел машины — старался ходить пешком или ездил на троллейбусе или трамвае, как он говорил, на «самых культурных видах транспорта». И часто повторял: «Самое страшное, что придумало человечество — это машина и застолье!» Еще он безумно любил животных и все живое — у него были гербарии, растения, он

подобрал на улице двух бездомных собак и поселил у себя дома... У него жили жучки, паучки, божьи коровки, он даже с тараканами не боролся. Говорил: «Тараканы — это же природа! А природу нельзя уничтожать». Такова была его философия. Потрясающе, но, как только Вицин выходил из подъезда, голуби и воробьи летали вокруг него «черными» тучами, все собаки сбегались. Они уже привыкли, что Вицин ежедневно в пять вечера выходит их кормить. Когда Георгий Михайлович скончался, многие СМИ написали, что Вицин умер в нищете. Это полный бред! Да, у него не было миллионов, но они ему и не были нужны. Вицин получал президентскую пенсию и жил в трехкомнатной квартире на Старом Арбате.

Самым обласканным властями был Никулин, самым гениальным — Вицин, а самым непонятым — Моргунов...

— Это правда, что его погубили лекарства?

— Скорее всего. Ведь он 20 лет не ел мяса, занимался йогой, лечился только травами. А тут его начали интенсивно колоть антибиотиками. Видимо, организм стал отторгать препараты. У него было много болезней — и сердце, и почки, и пред-

стательная железа. Но, я думаю, антибиотики его добибли.

— **О личной жизни Вицина и Моргунова известно совсем немного. Ходили, слухи, что Вицин увел у своего учителя... жену.**

— И это правда! Тихий Вицин, который не обращал внимания на десяток красивейших женщин, снимавшихся рядом с ним в фильме «Женитьба Бальзаминова»... Нонна Мордюкова тогда говорила ему: «Ты не куришь, не пьешь, женщинами не интересуешься. Ты не человек — ты труп!» «Нет, я — йог», — отвечал Вицин. А жена Тамара Федоровна (между прочим, родная племянница Мичурина) его называла: «Йог твою мать». И этот тихий скромный мальчик, будучи студентом, увел у своего учителя, народного артиста СССР Николая Павловича Хмелева, жену — Дину Тополеву, и прожил с ней несколько лет в гражданском браке. У Вицина и Моргунова, кстати, схожие судьбы в отношении женщин. Вицин жил с женщиной старше себя и, даже расставшись, ухаживал, приносил продукты, лекарства и хоронил ее. У Моргунова, до его женитьбы на Наталье Николаевне, была точно такая же ситуация — он жил с Вавой (балериной Варварой из Большого театра), которая была значительно старше, и так же до последнего дня ухаживал за ней и тоже хоронил, как товарищ.

— **Я правильно понял: самым обласканным властями был Никулин, самым гениальным — Вицин, а самым непонятым — Моргунов?**

— Полностью согласен! Малая планета № 4434 (расстояние от Земли — 227 млн. километров) и горная вершина на Алтае носят имя Никулина. Гора — высотой 1921 метр, а он — 1921 года рождения... Между прочим, подмосковный город Загорянка (там у него была дача) частью своего герба сделал гладиолус «Юрий Никулин», выведенный селекционером Чуйковым. У него был пожизненный бесплатный авиабилет в любую точку мира, и автомобильные номера с надписью: «НИКУЛИНУ — 75!»

А про Вицина здорово сказал Моргунов: «Вицин — дьявольски талантлив. Ни я, ни Никулин ногтя его не стоим». Он мог сыграть любую дверную ручку, озвучивая мультфильмы, войти в образ любого мультперсонажа, потому что легко перевоплощался — в зайчика, ласточку, грибочек.

Самый нереализованный из них — Моргунов, поэтому, недоиграв роль Бывалого, он доигрывал в жизни. А актер он был изумительный. Его приглашали в театр Сатиры, в Малый, но он отказывался, потому что был свободлюбивым человеком и считал, что, снявшись в фильмах Гайдая, на всю жизнь приобрел себе славу. Так и было. И он мог ездить по городам и весям с одним только фильмом «Пес Барбос...» и веселить стадионы. Стадионы ревели и стоя принимали его.

— **Хочется напоследок спросить: как у каждого настоящего коллекционера у вас наверняка есть идея-фикс — любыми путями добыть какую-нибудь редчай-**

шую вещьцу, о которой мечтали всю жизнь...

— Мечта у меня одна: сделать все, чтобы будущие поколения знали об этих актерах как можно больше, и чтобы люди учились вкусу на лучших образцах искусства. А что касается «редчайших вещьцу», то сейчас у меня уже не тот возраст, чтобы добывать любыми путями. Другое дело — купить, а еще лучше, чтобы подарили... Я бы все взял! Например, «инвалидку» из «Операции «Ы» — она сейчас хранится в музее старинных автомобилей. Но мне сказали, что она, увы, не продается... □

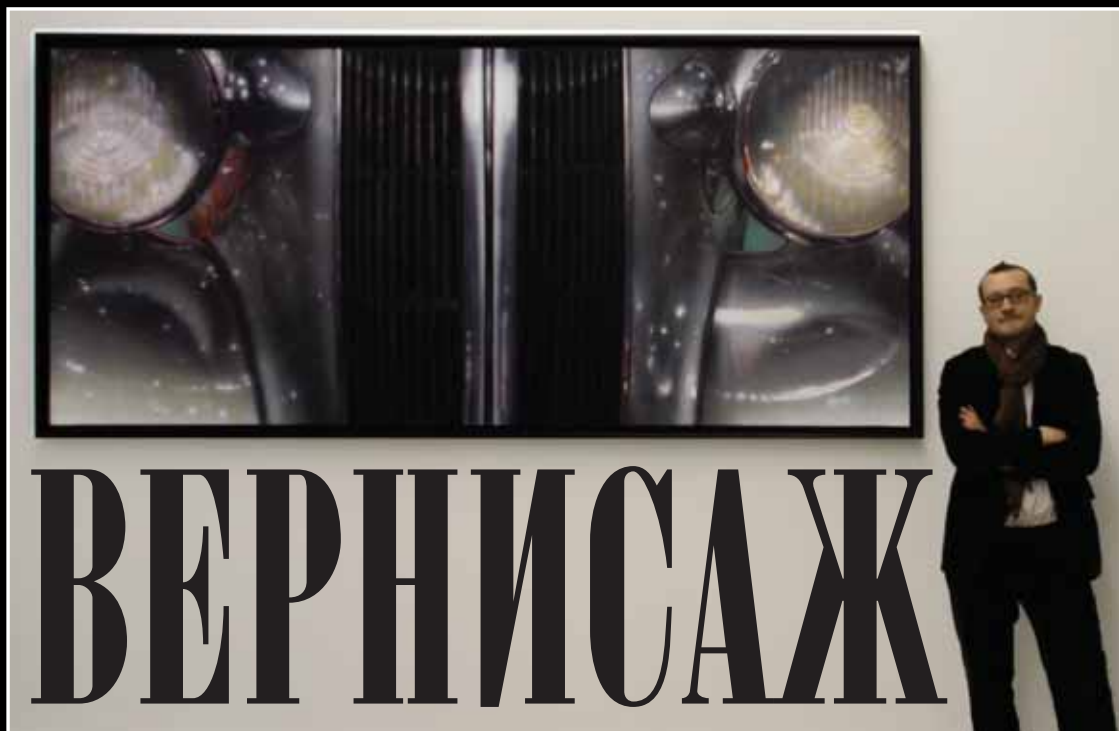
НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Неизвестное об известных

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Неизвестное об известных

Беседовал Андрей КОЛОБАЕВ.

ВЕРНИСАЖ

Говорят, талант дается от Бога, но отыскать и развить его может далеко не каждый. Валерий Улымов, молодой (год назад закончил МГАХИ им. Сурикова), но уже довольно амбициозный художник, смог. Недавно в XL галерее открылась его первая персональная выставка

Работы автора выполнены в стиле гиперреализма, предполагающего точное, практически фотографическое отображение всех, даже самых мелких деталей.

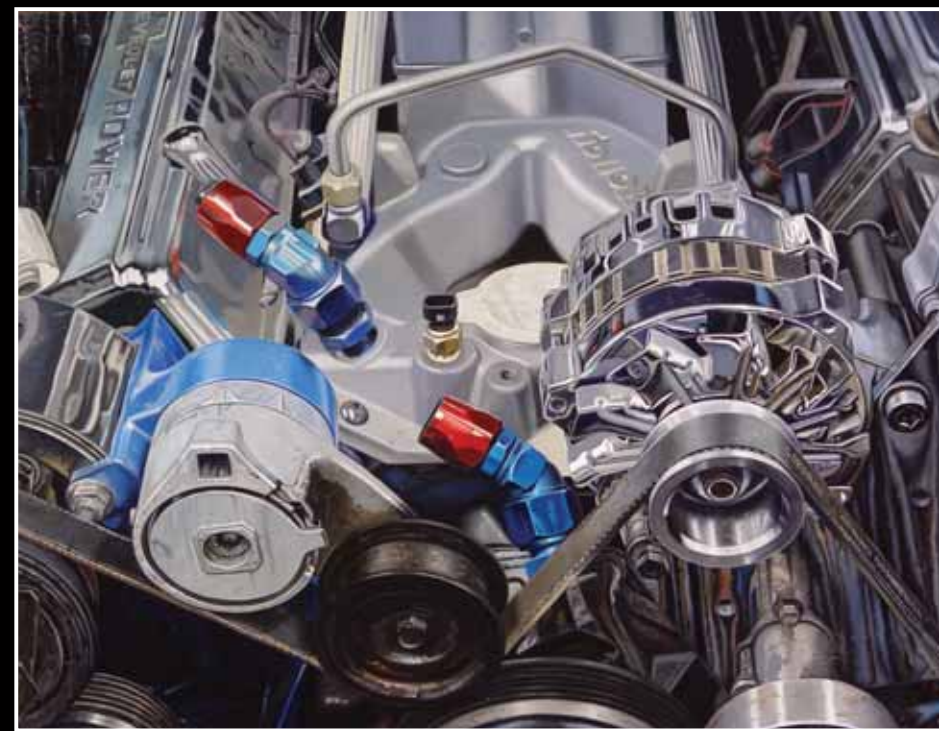
Валерий Улымов не стремится быть похожим на кого бы то ни было. Как говорит он сам: «Открыть свой, узнаваемый почерк — вот моя задача».

Елена Селина, владелица XL галереи, считает, что с этим Валерий почти справился: «Его гиперреализм — очень органичен, при этом в

его первых опытах прочитывается надежда на возрождение концептуального гиперреализма. Основное отличие Улымова от прежних гиперреалистов состоит в том, что он не столько отображает или поэтизирует реальность или относится к ней, как к своего рода «документу», а как бы заново ее создает...»

— Валерий, что явилось началом вашей работы в стиле гиперреализма?

— В 2000 году в составе мастерской из Суриковского института мы

поехали расписывать храм в Нью-Йорке. Работали там полгода, и за это время я посетил множество музеев, в том числе музей современного искусства Гуггенхайм, где я и увидел первых гиперреалистов.

— А кто из них произвел на вас наибольшее впечатление?

— Розенквист и Хопер. Причем впечатлили до такой степени, что после просмотра работ этих авторов я решил попробовать себя в этом направлении.

— И первой стала ваша дипломная работа. Именно после нее, вероятно, можно говорить о Валерии Улымове как о гиперреалисте...

— Думаю, да. Когда я задумывал эту работу, до конца еще не понимал, что же выйдет в итоге. В центре нее находилась часть конвейерной ленты — револьверный станок, и

все детали были прописаны до невероятной точности.

— **Вы окончили МГАХИ имени Сурикова, причем, насколько я знаю, с красным дипломом. А как преподаватели относятся сегодня к вашему творчеству?**

— Ну, нельзя сказать, что поголовно все в восторге! В любом случае, в институте нам прививали любовь к классической живописи. Но есть преподаватели, которые, напротив, всячески поддерживали мое начинание. На втором курсе я занимался с преподавателями С.Оссовским и А.Салаховой, а они учили нас во всем искать некую новизну. Так я и пришел к этому направлению живописи.

— **Тема вашей выставки — автомобили. А нет желания в дальнейшем изображать и одушевленные предметы?**

— В принципе, в каждую работу я стараюсь добавить что-то «живое»: например, практически в каждой картине присутствует мое отражение — не важно где, на бампере или капоте. Если внимательно присмотреться, оно есть везде. К тому же я не считаю, что изображаю что-то неодушевленное. Например, работа «Фара» — это же аллегория! Фары у автомобиля, словно глаза человека! В общем, не все так просто, как кажется...

— **Среди многих художников бытует мнение, что, когда искуст-**

во начинает приносить большие деньги, оно перестает быть настоящим искусством. А вы как считаете?

— Мне кажется, любое искусство стоит денег. Вообще, в большинстве случаев люди, коллекционирующие что-то, это «что-то» сначала покупают. А что касается художников, поверьте мне, за любой труд приятно получить вознаграждение. И чувствовать себя востребованным в своей области тоже хочется каждому.

— **А есть у вас работы, которые не хотелось продавать?**

вот, лет через 100 то, что мы называем «современным», станет историей. Я согласен, что многие работы современных художников просто эпатируют публику, при этом не имея никакой художественной ценности. Хотя время рассудит, и будущее поколение само выберет, что ему интересно, а что нет.

— **Что нужно молодому художнику, чтобы его заметили, как в свое время вас заметила Селина?**

— В течение каждого года проходит очень много молодежных выставок: и в Малом манеже, и в ЦДХ, и на Кузнецком мосту. Галеристы

— В 4 классе Суриковской школы я нарисовал композицию, где джип около м. Пушкинская обрызгивает детей, продающих цветы — такая своеобразная «социалка». Ее я очень не хотел продавать, но мой старший брат все-таки уговорил, и вырученные 100 долларов поделил на двоих!

— **Как вы вообще относитесь к современному искусству?**

— Его можно ненавидеть, можно обожать, но в моем случае нельзя не учитывать — это новый виток времени. Сейчас многие художники используют компиляции старого с внедрением чего-то нового, будь то графика или анимация — неважно. Так

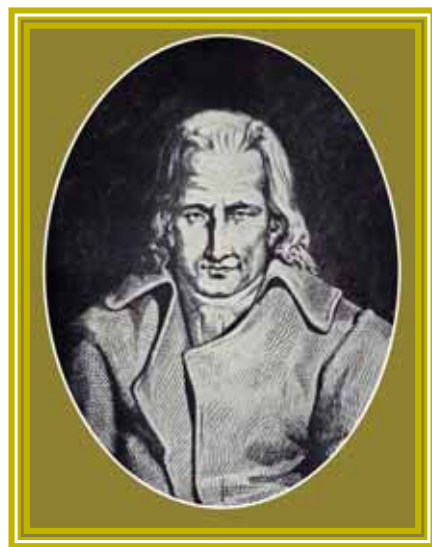
часто посещают подобные мероприятия, и есть реальный шанс обратить на себя внимание.

— **Вроде бы на данный момент все складывается удачно. А есть ли пока еще не реализованная в творческом плане мечта, которую хотелось бы осуществить?**

— Хотелось бы сделать, как у передвижников, свою выставку, которая будет перевозиться из страны в страну, то есть в любом уголке мира люди смогут увидеть мои работы. Но это, к сожалению, пока — из области фантастики, хотя кто знает... □

Беседовала
Анна ШЕРКУНОВА.

С древнейших времен человек пытался предугадать свою Судьбу. На протяжении всей истории человечества, от самых ее истоков до нашего времени, существовали и существуют особые люди, наделенные редким, удивительным даром предсказывать не только судьбу человека, но и ход исторических событий

НЕОБЫЧНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Денис ЛОГИНОВ

На такие пророчества, по всеобщему мнению, больше всего «повезло» Франции. Еще бы, — там родился самый великий предсказатель Мишель Нострадамус (1503—1566), который вер-

но предугадал множество важнейших исторических событий. Но все рекорды по части предсказаний побил Великая Французская революция. Ее стали предсказывать... с двенадцатого века.

Многим хорошо известны имена таких знаменитых пророков, как таинственный граф Сен-Жермен и не менее таинственный граф Калиостро. Но мало кто знает, что среди подобных предсказателей был один — не маг, не колдун, не алхимик, а... писатель. Звали его — Жак-Жан Казотт.

Поэт и писатель Жак-Жан Казотт никогда не считал себя прорицателем или пророком, но поразительно, насколько верно он предсказал некоторые события грядущей Французской революции, а главное — предсказал в течение одного вечера. Все его пророчества, сказанные тогда, исполнились, несмотря на то, что друзья откровенно потешались над ним и даже выражали сомнения в здравости его рассудка.

Родился Жак Казотт в самом центре Франции, в Дижоне.

Там он учился в иезуитском колледже вместе с племянником знаменитого композитора Жана Филиппа Рамо, которого обессмертил в своей философской повести «Племянник Рамо» Жан-Жак Руссо. По образованию Казотт был юристом, и в этой должности прослужил довольно долго в министерстве торгового флота, а многие годы провел на далеком острове Мартиника. Он был неплохим поэтом, писал и прозу — его роман «Влюбленный дьявол» выдержал множество изданий и заслужил похвалу от самого Вольтера.

Начиная с 1775 года, Казотт увлекся оккультизмом и даже вступил в общество иллюминатов в Париже. (Это общество стало предшественником тайного масонского общества во французской столице.)

Как поэт Казотт пользовался особой благосклонностью герцогини де Граммон. Она царил в парижских салонах, имела репутацию светской львицы и устраивала у себя литературные вечера, на которые приглашала весь цвет французского общества. Удостаивался такой чести и Жак Казотт.

Знаменитое событие, о котором пойдет речь, произошло в январе 1788 года, за полтора года до начала

Французской революции. Герцогиня устраивала у себя обычный прием с угощением для своих знакомых, среди которых в тот день находились министр юстиции кабинета Людовика XVI Кристиан Гийом Малерб, философ, математик и социолог Жан Антуан де Кондорсе, граф де Конде, фаворит короля Шамбор и многие другие важные сановники двора. В общем, весьма разношерстная компания.

В этот памятный вечер Казотт был сумрачным, погруженным в самого себя, он явно искал уединения и при этом бормотал что-то несвязное себе под нос. Своим угрюмым видом и необъяснимым поведением Жак портит настроение всем гостям, собравшимся у мадам де Граммон, чтобы посплетничать, повеселиться, как следует выпить и закутить. Но гости старались не замечать надувшегося буку, и один остроумный тост сменял другой. Когда очередь дошла до Малерба, министр, естественно, предложил выпить за здоровье короля, отметил «величие всех свершаемых им дел и поступков», выражая надежду, что «столь блистательная его деятельность на благо народа и государства еще долго не прервется». «Не хотелось бы дожить до такого печального времени», — сказал он в заключение.

Казотт словно встрепенулся.

— Доживете, доживете, будьте покойны, — саркастически крикнул он со своего места. — Этот день наступит ровно через год, господин министр!

Все гости с негодованием повернулись к возмутителю спокойствия, пытавшемуся испортить бьющее через край веселье.

— Должен сообщить вам, — невозмутимо продолжал Казотт, — что в какой-то степени я — пророк, а посему могу сказать, что революция — не за горами, и все вы в скором времени станете ее очевидцами.

— Для этого не нужно быть визионером, — озорно крикнул кто-то. — Все и так ясно — радикальные изменения в стране могут произойти в любой момент.

*Гильотина
в работе
во времена
Великой
Французской
революции*

— Может, вы и правы, однако, надеюсь, не станете отрицать мой прорицательский дар, если я сейчас скажу, что принесет грядущая революция каждому из присутствующих в этом салоне?

— Ну, что же, с удовольствием вас послушаем, — произнес Кондорсе с хитрой улыбкой. — Философу иногда полезно прислушаться к пророку!

Пристально поглядев на маркиза де Кондорсе, Казотт медленно проговорил:

— Месье Кондорсе, вы умрете на каменном полу тюремной камеры. Вы не позволите палачу продемонстрировать на вас свое искусство, так как заранее, до эшафота, примете яд, который будете постоянно носить в кармане, когда наступят эти «благословенные», на ваш взгляд, времена.

— Знаете, месье Казотт, — ответил Кондорсе, стараясь не выказывать своего смущения, — ваша книжка «Влюбленный дьявол» куда занятнее ваших предсказаний. Откуда у вас такие мрачные мысли — о тюрьмах, ядах, палачах? Я лично всегда говорю лишь о свободе, разуме и человеколюбию.

— Вот поэтому вы и погибнете, — равнодушно бросил Казотт.

Его мутный взгляд остановился на любимце короля Шамборе.

— Ну, а вы, Шамбор, двадцать два раза чикните бритвой по запястьям, но от этого все же не умрете. Проживете еще несколько месяцев..

— А вы, месье Бейли, — обратился он к знаменитому астроному, будущему мэру Парижа, — примете смерть от разъяренной толпы.

Гости были шокированы такими зловещими предсказаниями писателя на дружеской вечеринке, и старались обратить горькие слова Казотта в шутку. Чтобы разрядить сгущавшуюся атмосферу, королевский министр Малерб, улыбнувшись, попросил:

— Месье, поскольку вы, кажется, преотлично осведомлены о будущей участи всех моих друзей, не могли бы сказать что-нибудь о моей собственной? Готов, затаив дыхание, выслушать ваш «приговор».

Все натянуто засмеялись. Но предсказатель, не задумываясь ни на минуту, тут же ответил:

— К сожалению, должен сказать, что смерть ваша будет отличаться от смерти вашего друга Шамбора. Вы встретите ее на эшафоте при громадном стечении народа.

Министр густо покраснел и закашлялся. На выручку ему послышал давнишний противник Казотта, известный публицист, драматург и теоретик литературы, ярый атеист Жан Франсуа Лагарп.

— Ну и чудеса! — воскликнул он, поднимаясь со стула. — А что будет со мной, месье? По-моему, своим невниманием к моей персоне вы наносите мне тяжкое оскорбление. Всех моих друзей вы безжалостно посылаете на эшафот, а мою голову, вы ходите, бережете? С чего бы это, месье Казотт? Ведь мы с вами — литературные противники. Я готов отправиться с приятелями на эшафот, чтобы позабавить чернь. Не могли бы вы предсказать и мою кончину?

Казотт несколько не смутился.

— Трудно пожелать вам чего-нибудь лучшего, чем эшафот, Лагарп, но богини Судьбы говорят мне, что этого, к великому моему сожалению, не произойдет. Вас, месье, ожидает иная, более неприятная участь.

Вы, закоренелый атеист, сохраните голову на плечах, но очень высокой для вас ценой. Станете ревностным христианином и даже облачитесь в рясу!

Когда Казотт заговорил о казни короля и королевы, его слова все восприняли как крамолу, государственную измену. Настроение у всех гостей вконец испортилось, и вскоре

Поэт и писатель Жак-Жан Казотт никогда не считал себя прорицателем или пророком, но поразительно верно предсказал события грядущей Французской революции. Все его пророчества исполнились, несмотря на то, что друзья сомневались в здравости его рассудка

Лагарп возмутился, а герцогиня де Граммон, опасаясь, как бы «шутка» не зашла слишком далеко, решила взять инициативу на себя и попыталась успокоить своих уязвленных гостей. Бросив обольстительный взгляд на Казотта, она вкрадчиво спросила:

— Почему же, месье, топор палача щадит шейки прекрасных дам? Разве это справедливо?

— Видите ли, мадам, — задумчиво начал Казотт, — палачи обычно не столь воспитанны, чтобы ценить прекрасных дам и оказывать им свое почтение. Им все равно, кто перед ними, вернее, перед их топором — красавица или дурнушка. Палача, прежде всего, интересует шея жертвы, по которой пройдет топор. Чем она меньше и нежнее, тем даже лучше. Эти гибельные дни станут роковыми для большей части высшего сословия, и тираны не пощадят самых благородных, самых аристократических и знатных дам. Вы тоже умрете на эшафоте, как король с королевой, и вас, как и их, привезут к месту казни на простой грязной крестьянской телеге. Там же окажется и присутствующий здесь граф де Конде. Ведь он — молодой представитель дома Бурбонов! Причем все мои предсказания осуществляются в течение шести ближайших лет.

салон герцогини де Граммон опустел. Остались лишь предсказатель и расстроенная хозяйка.

Подойдя к молчавшему Казотту, герцогиня сказала:

— Ваше поведение, месье, выходит за все рамки приличий. Ладно, я готова простить вам вашу непредсказуемость и легкомыслие поэта. Но мне хотелось бы перед расставанием с вами задать один неприятный для вас вопрос. А какая судьба ожидает вас самого в ближайшие годы? Или великий предсказатель за пророчества собственной судьбы никогда не берется?

Казотт молчал, словно напряженно прислушивался к чему-то. Потом неторопливо произнес:

— Отчего же? Извольте! Моя участь будет несколько не лучше вашей. Прощайте! — И, поклонившись, он тут же ушел.

Как это ни странно, когда через полтора года началась Французская революция, все предсказания Казотта, сделанные в тот январский вечер, начали сбываться, причем в течение шести лет, как он и предупреждал гостей.

21 января 1793 года на эшафоте отрубили голову королю Людовику XVI, а в октябре в грязной крестьянской телеге привезли на место казни

и его супругу Марию-Антуанетту. Закончили под ножом гильотины свою жизнь, по приговору революционного трибунала, и все важные сановники, которым Казотт предсказал столь печальную участь.

Неугодного якобинцам философа Кондорсе обнаружили мертвым на каменном полу тюремной камеры в конце 1794 года. Но и рук палача ему удалось избежать, как и говорил предсказатель, — казнить его не успели: он принял в тюрьме яд, который все эти годы носил с собой.

Астроном Бейли, ставший при революционерах мэром Парижа, был привезен на эшафот, но его растерзала разъяренная толпа.

Дошла очередь и до прекрасной герцогини де Граммон, которую привезли на казнь в одной ночной рубашке со связанными за спиной руками в грязной крестьянской телеге, как и предсказывал Казотт.

Шамбора, любимца короля, ставшего вдруг яростным революционе-

зал, что мои пророчества исполнятся в течение шести лет... Так что, еще есть надежда, — мрачно пошутил он.

Но граф де Конде, который, по пророчеству Казотта, должен был закончить жизнь на эшафоте, быстро переметнулся на сторону революции и даже принял участие в суде над королем. После же термидорианского переворота, когда к власти пришла Директория, его все-таки приговорили к казни именно за это. «Придворному» революционеру, однако, удалось бежать, и он восемь месяцев скрывался по лесам и каменоломням. Однажды стражи порядка арестовали подозрительного бродягу, который расплачивался в харчевне золотыми монетами. «Нищим» оказался граф де Конде. Его отправили в тюрьму, где он стал ожидать суда. Понимая, чем это ему грозит, граф де Конде покончил с собой, вскрыв себе в камере вены. Так ему удалось избежать предсказанного Казоттом конца — умереть на эшафоте.

водили из камеры, чтобы отвести на эшафот, он даже не сопротивлялся. Казотт знал, что предсказание в отношении его самого обязательно осуществится. Но все произошло иначе. Расправе помешала его красавица-дочь. Выбежав из толпы, она бросилась отцу на грудь и закричала, словно безумная:

— Не дам убивать отца! Если хотите, прежде убейте меня!

Порыв девушки был настолько искренним, что даже палачи с озверевшей толпой решили пожалеть ее и отпустили вместе с отцом.

Но нельзя забывать, что революция не прощает своих врагов.

— Нечего радоваться, — говорил Казотт, когда друзья поздравляли его с благополучным исходом. — Вот увидите, они все равно меня казнят. Через несколько дней я получу ордер на арест, подписанный комиссаром общественной безопасности Гино, 23 сентября состоится трибунал, а через день — 25-го — я умру на эшафоте.

Все так и произошло, как предсказал Казотт. Через несколько дней к нему пришли с новым ордером на арест, подписанным Гино, 23 сентября состоялся революционный трибунал, а 25-го в семь вечера Казотт вззошел на эшафот.

Он попросил палача отрезать ему волосы и передать дочери. Затем, повернувшись к толпе, спокойно произнес:

— Умираю, как и жил, храня верность Богу и своему королю!

Нож гильотины со стуком опустился на шею, и седая голова прощателя упала в окровавленную корзину...

А КТО ЖЕ ИЗОБРЕЛ ГИЛЬОТИНУ?

Доктора Игнасия Гильотена постоянно вдохновляла одна идея — как сделать так, чтобы осужденные на смертную казнь люди при исполнении не чувствовали боли, а если чувствовали, то совсем чуть-чуть... Коро-

че говоря, он хотел оказать большую услугу смертникам.

Некоторые страшные рассказы о казнях не давали по ночам спать большому Гильотену уснуть.

Он всегда испытывал непреодолимое отвращение при одном взгляде на виселицу, на которой трупы казненных подолгу выставлялись для обозрения улюлюкающей толпы, и хотел сделать так, чтобы казнь жертвы осуществлялась без особых страданий.

На его взгляд, лучше всего для этого подходило отсечение головы — самый быстрый и самый приемлемый способ смерти, которого удостоивались только члены привилегированных классов. Но нужно было найти что-то такое, что действовало быстрее, точнее и бесстрашнее, чем рука человека.

Так Гильотен пришел к мысли о создании механической машины для казни. И помог ему случай.

В 1790 году он узнал, что в Париж приехал театр марионеток, который давал свои представления на ярмарке в Ландит — в пантомиме «Четверо сыновей Эмона» игрушечная машина отрубала головы провинившимся куклам...

После представления, когда Игнасий с женой уже уходили с ярмарки, в голове у него внезапно возник образ «машины для казни», — то есть гильотины.

Трудно сказать, не легенда ли это. Но Гильотену нужен был помощник. Ему порекомендовали своеобразного «эксперта» — палача Шарля-Генриха Сансона.

Эти два человека быстро нашли общий язык. А чуть позже к ним присоединился и третий, которому было суждено сыграть немаловажную роль, — немец Тобиас Шмидт — механик, занимавшийся производством клавесинов и фортепиано и, как большинство его соотечественников, страстно любивший музыку.

Он продал палачу Шарлю-Генриху несколько своих инструментов, с чего и началась их дружба. Любовь к музыке еще больше сблизила их, ибо Шарль-Генрих тоже был механиком

Все предсказания Казотта, сделанные в тот январский вечер, сбылись в течение шести лет, как он и предупреждал

ром, за его прежние роялистские высказывания в поддержку Людовика XVI арестовали. Правда, вскоре выпустили, но снова арестовали. Заранее зная, какой приговор вынесет ему революционный трибунал, он вскрыв себе вены. Следователь насчитал на запястьях ровно двадцать два пореза.

Однажды, через несколько лет после того вечера, Казотт случайно встретил на улице графа де Конде.

— Вот видите, вы предсказали мне смерть на эшафоте, а я все еще жив-здоров. Так что, ваше предсказание не сбылось!

— Не торопитесь, молодой человек, — предостерег его предсказатель. — Если вы помните, я тогда ска-

Надо сказать, что литературная запись январского вечера предсказаний Казотта была обнаружена в посмертных записках драматурга Легарпа. Он сделал ее в монастыре, где этот ярый атеист обрел веру и провел последние годы своей жизни в черной монашеской рясе, что и предрекал ему Казотт.

Сам Казотт, ярый монархист, решил уехать в захолустье, чтобы там переждать «смутные времена». Оттуда он часто писал своему другу Путо, служившему в Версальском дворце, и не скрывал в письмах своих антиреволюционных взглядов.

Но переписка эта была перехвачена, и Казотт предстал перед судом. Его приговорили к казни, и, когда вы-

и музыкантом — он недурно играл на скрипке и виолончели. К тому же оба страстно любили Глюка.

Однажды вечером они вдвоем, по обыкновению, музицировали. А когда кончили играть, вдруг разговорились. Шарль-Генрих сказал, что уже давно занят вопросом создания машины для казни и готов заплатить изобретателю приличные за нее деньги.

— Погодить! — перебил его Шмидт на своем ломаном французском. — Никому не надо уплатить...

Он взял в руки карандаш и стал набрасывать рисунок, подражая тому, что видел на одной гравюре. Шарль-Генрих взглянул на рисунок... и обомлел — это была гильотина! Изображенный Шмидтом аппарат представлял собой два параллельных бруса, между которыми двигалось остро от-

точное лезвие. Осужденный лежал в горизонтальном положении на доске, просунув голову в отверстие, похожее на дощатый ошейник. Оно устанавливалось под лезвием, которое падало точно на шею преступника. Сансон был поражен этим механизмом и не скрывал своей радости и удивления.

— Мой, правда, не хотел в этом участвовать... тут убивают человек, такой как я... Но я вижу, какой вы печально, и мне стало жалько вас... Я решил вам помочь. А теперь давайте сыграют арию Армиды...

И в комнате полилась божественная музыка Глюка...

Можно сказать, что изобретение гильотины произошло во время домашнего музицирования...

На другой день Шарль-Генрих Сансон побежал к своему приятелю доктору Гильотену, чтобы рассказать ему об удивительном изобретении механика Шмидта. С трудом придя в себя, тот воскликнул:

— Да это и есть механическое воплощение моей мечты!

На очередном заседании Национальной ассамблеи Гильотен докладывал об устройстве новой «механической машины для казни преступников». Он долго объяснял депутатам принцип действия новой «чудо-машины», и его слова вызывали не только удивление, но и смех на трибунах. А когда он сказал, что «осужденный при казни не будет испытывать никакой боли, лишь ощутит легкий холодок на затылке», — эта фраза показалась депутатам настолько забавной, что в зале поднялся уже дикий хохот. Председателю долго не удавалось водворить тишину.

Тем не менее Национальная ассамблея решила рассмотреть этот проект и поручила доктору Антуану Луи высказать свое мнение о новом «механическом» способе казни.

Антуан Луи, лейб-медик короля, сразу же принялся за изучение нового проекта и вскоре, как и полагается, доложил своему августейшему пациенту об этом изобретении. Людовика XVI оно весьма заинтересовало.

Через несколько дней он вызвал к себе доктора Луи.

— Я ознакомился с вашим докладом, — сказал ему король. — А что вы сами думаете об этом?

— Мне кажется, что такой способ смертной казни чрезвычайно удобен, и я готов подтвердить все, что было изложено мне господином Гильотеном. А что скажет по этому поводу ваше величество?

Король, взяв со стола рисунок гильотины, повертел его в руках.

— Как вы думаете, пригодно ли здесь лезвие в форме полумесяца? Неужели вы считаете, что лезвие такой округлой формы будет впору любой шее? Ведь шеи у людей — разные. Для одних оно будет слишком широко и только раздавит шею, а для других — слишком узко и даже не охватит ее целиком. По моему

Доктор
Игнасий Гильотен

думанное им косое лезвие отсечет голову державному изобретателю...

Народ, увидавший новую машину в работе, сразу придумал ей прозвище — одни в насмешку называли ее «луизином» или «луизеттой», по имени лейб-медика Луи, другие — гильотиной, по имени врача Гильотена.

Он знал, что предсказания в отношении его самого обязательно осуществляются...

мнению, лезвие должно быть треугольной формы, усеченным по косой линии... Изготовьте несколько опытных экземпляров — и той, и другой формы.

Через несколько дней после разговора с королем Антуан Луи представил свой отчет Национальной ассамблее, которая утвердила новую машину для казни.

Когда она была готова, да еще с несколькими лезвиями разной формы, ее отвезли в богадельню в Бисетре, чтобы там произвести 17 апреля 1792 года опыт с тремя трупами во дворе богадельни в присутствии трех докторов — лейб-медика короля Антуана Луи, Филиппа Пинеля и Андре Кабани. Предпочтение судей было отдано тому лезвию, которое предложил король Людовик XVI.

Какой ужасный парадокс истории! Всего девять месяцев спустя это при-

Теперь «механическая машина» казни работала бесперебойно, с большой нагрузкой. Сколько врагов Республики в стране!

Утверждают, что Гильотен в конце-концов раскаялся в своем гибельном изобретении и сильно мучился угрызениями совести из-за той «услуги», которую оказал людям. Но это — не так. До последней минуты своей жизни доктор Гильотен был твердо убежден, что сделал весьма полезное изобретение и таким образом исполнил свой долг врача и гуманиста. Его машина для казни получила название «гильотина», хотя, строго говоря, он не был ее изобретателем, но вполне этого заслужил, так как упорно работал над осуществлением своей давнишней мечты, «руководствуясь принципами человеколюбия», если только такой термин уместно употреблять в подобном случае... □

Одна из тех
гильотин.
Экспонат
музея пыток,
Австрия

UMA2RMAN «Куда приводят мечты»

Год выхода: **2008**
Жанр: **поп-музыка**

Страна: **Россия**

Группа, созвучная с именем известной американской актрисы, в представлении не нуждается. Их музыка активно звучит в последних отечественных фильмах. Дуэт купается в лучах славы, пожиная плоды своего творчества. Все, как полагается настоящим звездам. Творчество коллектива неоднозначно, что мешает вывести четкую и объективную оценку. Огромное число любителей, и не менее большое тех, кто готов с первых же нот, как сейчас модно говорить, «убиться об стену». Два года группа молчала, отвлекаясь на сторонние проекты, гастроли и многое другое. Наконец, настал момент истины — возможность оценить. В предвкушении неожиданного, по-настоящему нового, внимательно прослушиваем. Ничего принципиально отличного от предыдущих работ. Прежняя творческая линия, характерное исполнение. Чуда не произошло. Оценить новинку по достоинству под силу лишь настоящим фанатам. В пластинку вошли такие известные композиции, как «В городе лето», «Припева нет», «Любовь на сноуборде» vs Людмила Гурченко, «Дождись» vs Тимати, «Папины дочери», «Не позвонишь» vs Patricia Kaas.

ФАКТОР СТРАХА «Твой идеальный мир Акт 1»

Год выхода: **2008**
Жанр: **мелодичный металл**

Страна: **Россия**
Лейбл: **CD-Maximum**

Что происходит, когда множество выдающихся музыкантов собираются вместе? Чехарда, «джэм сейшн» или глобальный проект. В нашем случае вышло последнее. Новинка — результат трудов участников нескольких известных отечественных коллективов. (Тризна, БониНем, Черный Обелиск, Карданный Вал, Эпидемия, Слот.) Музыканты хорошо знакомы друг с другом, неоднократно играли вместе. За плечами у них — огромный опыт. Авторы альбома стремились создать нечто актуальное и мощное, при этом на уровне западных коллективов. Изучение «импортной» тяжелой сцены натолкнуло на идею увеличения напора и экспрессии, что сыграло положительную роль. Парни активно экспериментировали с музыкальным материалом, импровизировали, заменяли бемоли дизезами, привносили ненормативную лексику в лирику. Процесс записи напоминал больше посиделку хороших друзей, нежели полноценную работу. Исполнение вокальных партий выполнено на высоком уровне с присущим исполнителем характером и драйвом (Максим Самосват, Эпидемия; Кирилл Немоляев, БониНем; Илья Александров, Тризна). Тексты у песен есть, и, возможно, даже со смыслом. Объективно альбом представляет собой дикую смесь всего и вся: славянский вокал, финский хэви плюс эксперименты. Работа, достойная внимания.

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Что нового?

БАЖИН PROJECT STUDIO 2 «Фантом»

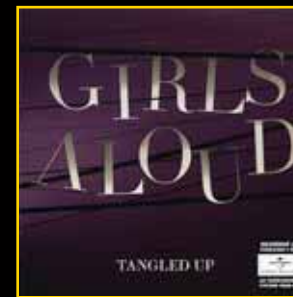

Год выхода: **2008**
Жанр: **альтернативный хард рок**

Страна: **Россия**
Лейбл: **CD-Maximum**

Отечественные рокеры уже не знают, чем привлечь и удивлять слушателя. Оригинальность в разной степени присутствует практически у всех, но все равно чего-то не хватает. Даже запись на хорошем уровне и оборудовании почему-то звучит «кустарно». Данный релиз — не исключение. Либо у нас в стране не научились до сих пор играть рок, либо так задумано. Мы держим в руках концептуальный студийный альбом двух участников коллектива «Трудный День» (Вячеслав Онищенко — все инструменты и Владимир Бажин — вокал). Тексты пронизаны единой идеей — жизнь городского человека в различных ее проявлениях. Авторы стремились передать самые разнообразные оттенки настроений, чувств и впечатлений, применяя всю палитру возможностей тяжелой музыки: от роковых записей до мелодичных баллад. Парни не скупались на применение и других музыкальных стилей, как то: блюз, джаз, альтернатива и так далее. Исполнение инструментальных и вокальных партий звучит так, будто записано без подготовки, благодаря чему альбом получил «гаражный» оттенок. По словам авторов, такова изначальная задумка. В целом — работа интересная, но попадает под категорию «на любителя».

GIRLS ALOUD «Tangled Up»

Год выхода: **2008**
Жанр: **поп-музыка**

Страна: **Великобритания**
Лейбл: **Universal**

Качественная популярная музыка периодически становится мифом. Логично, ибо невозможно постоянно насыщать слушателей одинаково хорошей музыкой. В итоге, на фоне проектов-однодневок малейший шаг в сторону интересных идей и творческих находок слышится, как откровение. Полагаясь на критиков, Girls Aloud — один из самых выдающихся женских коллективов на британской сцене. Они узнаваемы, хиты затерты до дыр почти на всех континентах, а новая работа прокатывается по миру, словно с победным шествием, рассчитывая получить платину. Прослушивание диска если и сулит нирвану, то исключительным поклонникам. Для простого меломана он характеризуется как профессиональный, современный, качественный и модный продукт. Ничего сверхъестественного, просто девушки славно поработали и выдали то, чего от них и ждали: калейдоскоп запоминающихся мотивов, бодрое, жизнерадостное настроение, немного творчества и обаяния. Альбом почти наверняка заинтересует многих ценителей. Среди композиций CD также присутствует последний хит «Sexy! No, No, No...».

Кирилл ПОДОЛЯК

ЕВРОВИДЕНИЕ: ШОУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Швейцарский Лугано... Как только не называют этот провинциальный, по российским меркам, городок с населением в 30 000 человек. «Солнечная прихожая Швейцарии», «европейское Рио-де-Жанейро», «сверкающий бриллиант» в короне страны банков. Старинные улочки, живописное озеро, горный воздух и лучшее в мире ризотто — приготовленный особым образом рис с овощами. Местные жители уверяют: тот, кто попробует это блюдо, обязательно вернется.

Впрочем, Лугано знаменит не только своей изысканной кухней, древней архитектурой и зданиями банков буквально на каждом углу. В 1956 году именно здесь впервые прошел новый музыкальный конкурс — «Гран-при Евровидения». Полвека назад никто даже и представить себе не мог, что очень скоро шоу станет одним из самых грандиозных событий в мире музыки. Ведь по некоторым оценкам, зрелищем каждый год «наслаждаются» сотни миллионов человек...

А начиналось все с инициативы директора Швейцарского телевидения — Марселя Бесона. Чиновник предложил организовать музыкальный конкурс ради «культурного единения народов Европы». Сегодня такой посыл покажется немного странным, ведь Европа переживает не лучшие свои времена.

Но тогда, спустя десятилетие после Мировой войны, инициативу Бесона восприняли с энтузиазмом. Новая идея была одобрена на Генеральной Ассамблее Европейского Вещательного Союза в Риме 19 октября 1955 года. За образец решили взять музыкальный фестиваль в Сан-Ремо. Этот престижный конкурс в свое время был популярен не только в Европе, но и в СССР. Адриано Челентано, Тото Кутуньо, Аль Бано, Джанни Моранди — эти имена стали известны в нашей стране во многом благодаря конкурсу в далекой Италии.

Честь презентовать новый музыкальный проект отдали Швейцарии. «Гран-при Евровидения» должен был состояться уже в мае 1956 года. Предстояла большая работа. Не было ни четких правил, ни сколько-нибудь серьезной, как сейчас принято говорить, «раскрутки».

Заявки на участие подали сразу 10 стран. Однако продемонстрировать свое певческое искусство разрешили представителям только семи: Бельгии, Франции, Италии, Люксембургу, Нидерландам, Швейцарии и западной части Германии — ФРГ. Австрию, Данию и Великобританию дисквалифицировали. Якобы эти страны слишком поздно подали заявку. Впрочем, злые языки утверждали, что подоплеку подобного решения следует искать в иных сферах. Намекали на «некоторые политические трения» на пространстве послевоенной Европы.

Как бы то ни было, 24 мая 1956 года в Лугано открылся грандиозный музыкальный фестиваль. По правилам, страна-участница могла представить сразу 2 (!) песни по 3,5 минуты каждая. Не было никаких ограничений на число артистов на сцене, и даже дири-

жеров разрешили привозить своих. Некоторые из СМИ уже после шоу не преминули позубоскалить: «Гран-при Евровидения» — караван-сарай в чистом виде. Каждый делает на сцене что хочет, а жюри с серьезным видом что-то пишет на клочках бумаги.

Кстати, о жюри. В то время до спутников и интернета было еще очень

Швейцарский Лугано знаменит не только своей изысканной кухней, древней архитектурой и зданиями банков, а тем еще, что именно здесь впервые прошел новый музыкальный конкурс «Гран-при Евровидения»

далеко. Народ безмолвствовал. Вместо него говорили делегаты — по два от каждой из стран-участниц. Члены жюри выставляли понравившейся песне оценку — от 1 до 10 баллов в порядке возрастания качества композиции. Тогда было вовсе не зазорно голосовать за собственную страну. Разумеется, так, чтобы сосед не видел...

На первом конкурсе Евровидения победила Швейцария. Однако честь принимать следующий фестиваль досталась... ФРГ. В то время еще не существовало правила, согласно которому следующий конкурс проводится в стране-победительнице.

Евровидение набирало обороты. В 1969 году за создание рекламного проспекта для международного фестиваля взялся сам Сальвадор Дали. В том же году 3-е место на конкурсе занял... 12-тилетний мальчик из Монако. А когда, позднее, желание поучаствовать в шоу изъявил Израиль, пришлось ввести беспрецедентные меры безопасности. Организаторы всерьез опасались террористических актов.

В 1961 году случилось невероятное. Впервые на Евровидении дебютировала страна из так называемого «соцлагеря» — Югославия. СССР и остальные государства-сателлиты дол-

гое время игнорировали популярный конкурс. Лишь однажды, в 1965-м, Центральное телевидение решилось на прямую трансляцию Евровидения из Неаполя. Несмотря на своеволие Белграда, «болеть» нашим гражданам полагалось за Югославию. Однако братья-славяне заняли всего лишь 12 место, а советская пресса получила обильную «пищу для размышлений». Официальная пропаганда Советского Союза обвиняла организаторов в «навязывании загнивающих буржуазных ценностей» и дискриминации «прогрессивных» музыкантов.

В пику Западу в 1977 году страны соцлагеря решили организовать собственное музыкальное шоу. Не

году на Евровидении дебютировали сразу 3 государства: Босния и Герцеговина, Хорватия, а также Словения. Дебютировали неудачно — бывшие республики Югославии не вошли даже в десятку лучших. Тем не менее красивые напевы на незнакомых языках сделали свое дело. Уже в следующем году в конкурс включилась Польша и сразу же заняла второе место, оставив позади себя Германию, Францию и Великобританию. Кстати, успешно прошел дебют и России. Наша Юдишь получила девятую позицию, чем удивила даже своих соотечественников.

А в 1995 году на Евровидение, надеясь получить более высокое место, отправился Филипп Киркоров. Однако его «Колыбельная для вулкана» заняла всего лишь семнадцатую позицию. В России недоумевали: почему столь популярный на Родине певец пришелся не по вкусу Европе?

Тайна открылась спустя два года, когда на подмостки «евросцены» решила выйти сама Примадонна. Одноименная песня не произвела особого впечатления и назал в ирландском Дублине. Пятнадцатое место Аллы Борисовны многие восприняли чуть ли не как национальный позор, забывая, что цель конкурса — не столько показать звезду той или иной страны, сколько дать возможность выступить молодым талантам. Так появилась версия, что Евровидение — «политически ангажированное шоу», и Россия туда никогда не впишется. На поверку же конкурс оказался обычным «клубом по интересам». Каждая страна при голосовании руководствуется исключительно «родственным признаком». Теоретически, Великобритания может поставить высокий балл, скажем, Грузии. Но с большим удовольствием сделает это ради той же Ирландии, чтобы тамошние мятежники «поменьше выступали».

Российские СМИ так умело делали из мухи слона, что второе место Алсу в 2000-м году стало для всех полной неожиданностью. Оказалось, что английская речь из уст красавицы-

россиянки куда понятнее европейским домохозяйкам. Тогда многие считали победу Дании всего лишь досадной случайностью и полагали, что в следующем году Россия получит, наконец-то, вождьденное первое место.

К сожалению, спустя семь лет воз и ныне там. Нашей стране никак не удастся взгромоздиться на «европейский музыкальный Олимп». Удача как будто ускользает от российских исполнителей. Одни винят в этом дремучие предрассудки «политизированной» Европы, другие — прямо указывают на дурной вкус зарубежных граждан. Но насколько состоятельны все эти предположения?

В 2005 году очередное Евровидение принимала Украина. Страна, которой до политической и экономической стабильности, мягко говоря, очень далеко. Более того, у организаторов конкурса возможности Киева провести грандиозное шоу вызвали серьезные опасения. Тем не менее Евровидение прошло весьма успешно. Правда, победила в нем отнюдь не Россия, представленная блеклой певицей Натальей Подольской, а зажигательная гречанка Елена Папаризу. Наша же «звезда» откатилась на пятнадцатую позицию, что означало участие России в будущем конкурсе только после победы в предварительном отборочном туре Евровидения.

Первое место в 2006-м «рогатых финнов» с размалеванными лицами ясно показало: Евровидение перестало быть конкурсом песни в чистом виде. Сегодня мероприятие напоминает шоу, где слова и музыка не важны. Главное — эпатаж, ощущение радости, безудержное веселье и... никакой политики. В благополучной Европе, где от хлеба трещат амбары, не хватает банального — зрелищ. Тамашным жителям надоело на протяжении полувека развлекать самих себя. Пришла очередь восточных соседей. Собственно, от нас вовсе не требуется петь вживую и поражать мощными голосами. Достаточно овладеть нехитрыми движен-

ями на сцене и продемонстрировать способности гримеров и визажистов. На Западе многие полагают, что идея Евровидения выхолощена, и даже новые правила конкурса — говорят, в этом году нельзя будет голосовать за соседние страны — спасти положение не смогут.

Впрочем, иные вину за происходящее целиком возлагают на Россию. Якобы именно с пришествием русских, которые стали посылать не молодых исполнителей, а звезд величины, начался весь этот балаган. Если раньше голосовали за песню и мелодию, а сам конкурс часто давал «путевки в жизнь» порой неизвестным исполнителям (АББА, Се-

Евровидение набирало обороты. В 1969 году за создание рекламного проспекта для международного фестиваля взялся сам Сальвадор Дали

долго думая, переименовали знаменитый песенный конкурс на польском курорте Сопот в «Конкурс песни «Интервидение». Новый статус мероприятия, которое успешно существовало аж с 1961 года, почти никак не повлиял на состав участников и формат песен. В 1978-м в Сопоте победила тогда еще мало кому известная Алла Пугачева с шуточной композицией «Все могут короли». Говорят, перед выступлением певица умудрилась подхватить воспаление легких. Но все попытки отговорить ее от выхода на сцену окончились неудачей. «Болезнь пройдет, а другого «Сопота» у меня не будет», — заявила Алла Борисовна.

Слова певицы оказались пророческими. Сегодня мало кто вспомнит знаменитый польский курорт, а вот о том, в какой стране пройдет очередной конкурс Евровидения, знают почти все.

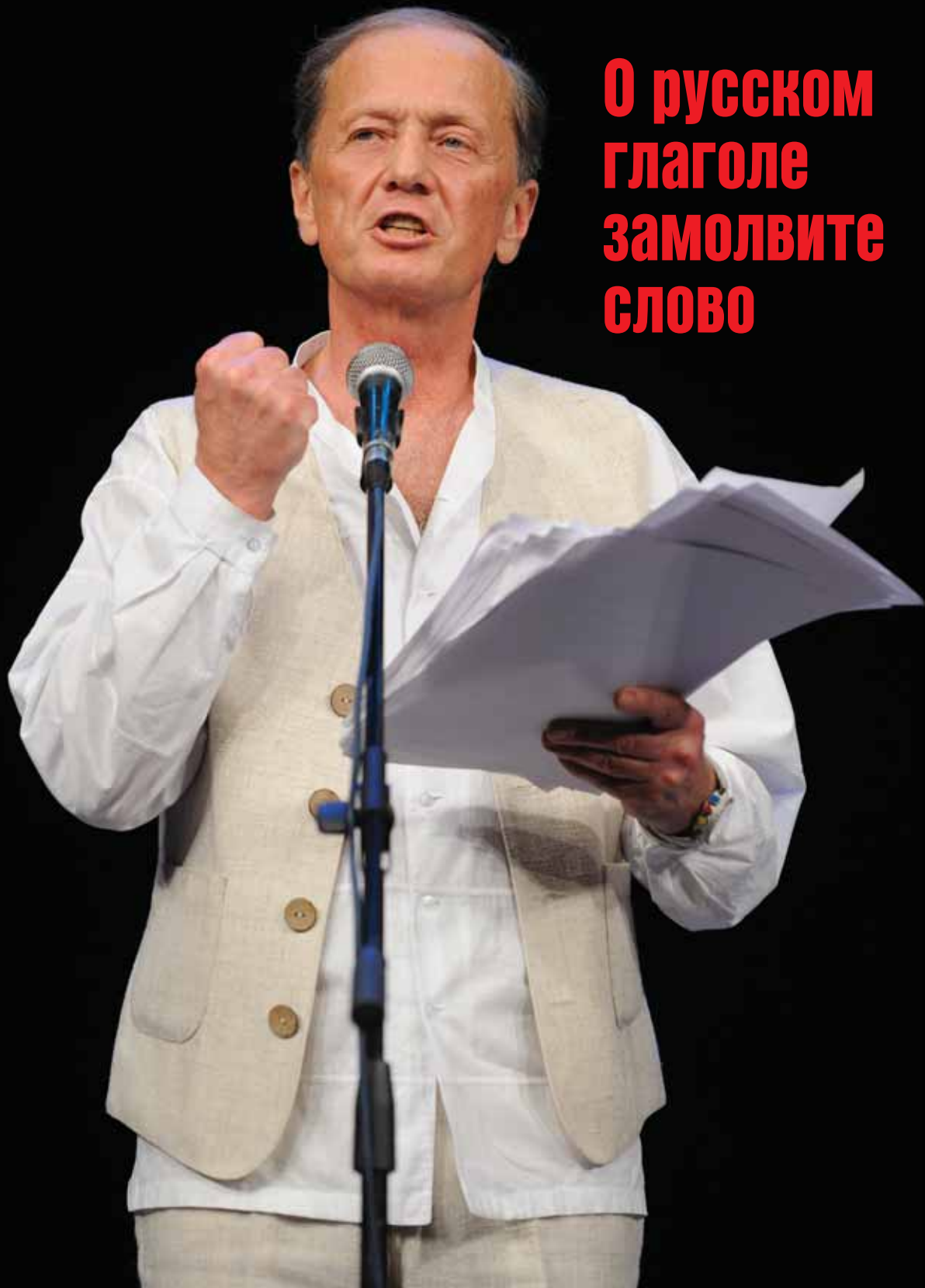
С развалом социалистической системы, казалось, европейское шоу получило второе дыхание. В 1993

Сегодня мероприятие напоминает шоу, где слова и музыка не важны. Главное — эпатаж, ощущение радости, безудержное веселье и... никакой политики

лин Дион, Хулио Иглесиас), то теперь главный принцип — поражающий воображение маскарад в восточном стиле. Участников, которым в детстве медведь на ухо наступил, интересует лишь коммерческая составляющая и то, насколько большим будет «окно в Европу». Ради достижения результата, считают некоторые наблюдатели, восточноевропейские страны готовы на масштабные PR-акции и даже откровенную фальсификацию голосования. Правда, каким образом, скажем, Россия может подкупить многомиллионное население Украины, не ясно...

Но в одном западноевропейские СМИ, возможно, правы. Чтобы победить, России стоит кардинальным образом пересмотреть свой взгляд на «шоу для домохозяек» и, наверное, не относиться к нему слишком серьезно. Хотя оно, как поется в известной песне группы Queen, «должно продолжаться».

Что бы ни случилось... □

О русском глаголе замолвите слово

Михаил Задорнов

В июле этого года у Михаила Задорнова — юбилей. Ему исполняется 60 лет, и в это просто невозможно поверить! Михаил Николаевич — в прекрасной творческой и физической форме, на своих концертах исполняет сложнейшие акробатические трюки. Он не только поражает зрителей метким и ярким словом, но и пишет замечательные книги. Кроме того, помогает молодым талантам. Так появилась «Задорнова компания», с которой он сегодня и выступает. Одним словом,

у Маэстро — всегда аншлаг!

— Михаил Николаевич, вы не выступали целый год. Сегодня, наконец, выходите на сцену, и не один, а с целой «Задорновой компанией»...

— Помолчать время от времени нужно любому человеку. К тому же этот год был для меня весьма плодотворным. Я много ездил по стране и познакомился с интересными неизвестными людьми. Оказалось, что неизвестных интересных гораздо больше, чем известных неинтересных, по крайней мере — для меня. К моему удивлению, среди этих интересных людей было немало и молодых, а с молодежью общаться всегда любопытно и интересно.

Зачем я включил в свою программу молодых артистов, да еще целых тридцать?! Просто хочу дать возможность молодежи реализовать свой талант — ведь так трудно се-

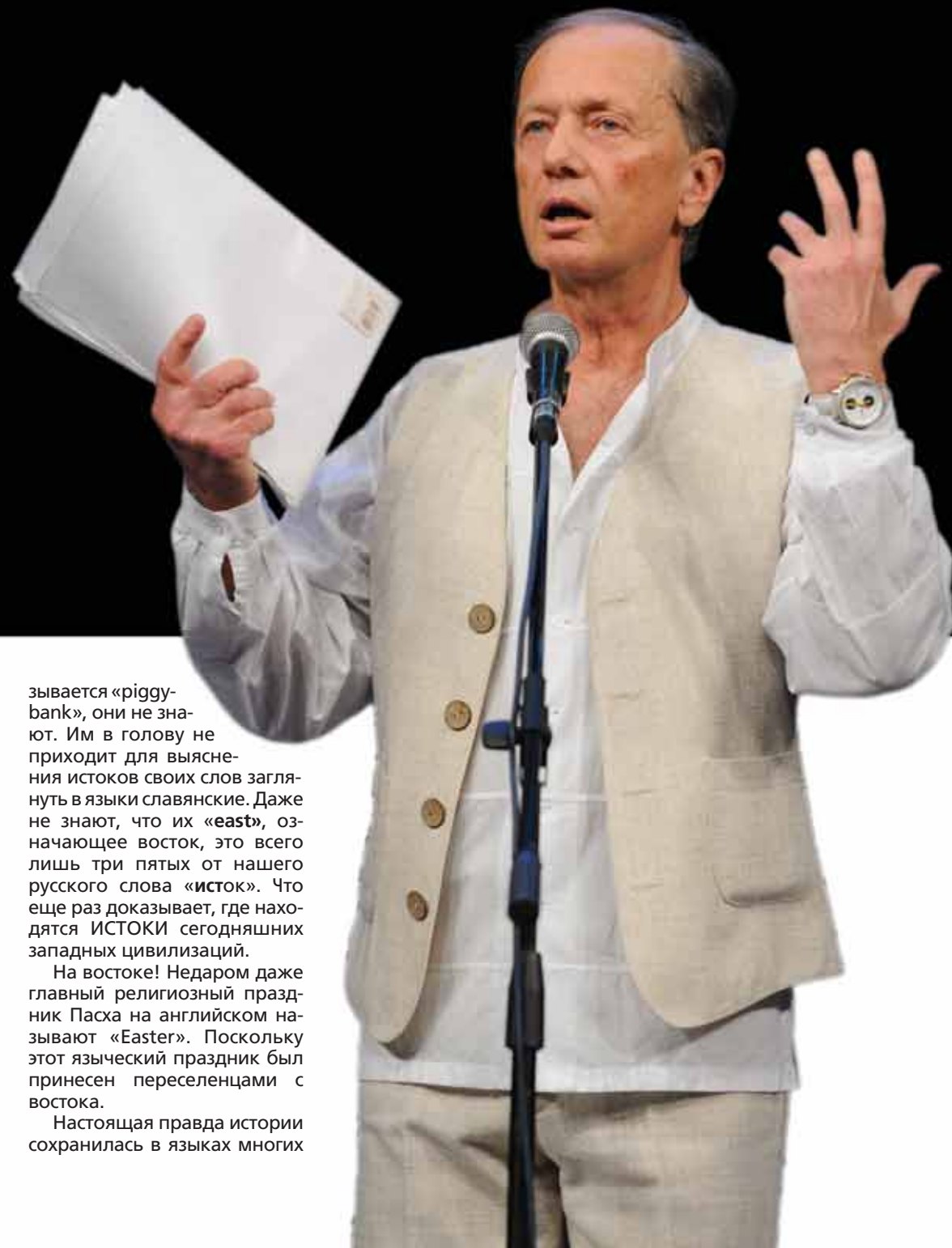
годня пробить себе дорогу в шоу-бизнесе, и, конечно, хочу, чтобы после нашего выступления у людей осталось светлое и радостное чувство.

— Вы всегда очень тонко чувствовали стиль языка, а в последние годы вплотную занялись изучением русского языка и его происхождением. Вам принадлежат интереснейшие лингвистические наблюдения. Правда ли, что английские слова имеют русские корни?

— О сходстве слов английских и русских известно давно. Это признает даже академическая филологическая школа. Не говоря уже о детях, которые, изучая в школе английский, замечают, что «брат», «сестра», «мать» на английском и на русском очень созвучны, как и названия цифр.

Оказалось, что
неизвестных
интересных
гораздо больше,
чем известных
неинтересных

**Человек
не должен
быть
идеальным.
Идеальными
должны
быть его
Намерения!**

Большинство даже грамотных людей сегодня в мире из-за неверного преподнесения в течение тысячи лет истории России считают, что это английский язык и оказал влияние на русский. Убедительнее всего разрушает эту зашоренность логика ученого Драгункина. Как же наш язык мог произойти от их языка, если у нас на каждый древний, природный корень — ветви слов, а у них — сучки да обрубки этих ветвей? Разве когда-нибудь из сучка выросло дерево?

Наглядный тому пример — все та же «хрюша», которой давали еду в корыте и говорили: «Хрюша, на!». Поэтому корыто стали называть «хроня». На зиму в корыто складывали продукты, и появилось слово «сохранить». В результате — те самые ветви слов: сохранность, хроника... И даже «камера хранения» — лингвистичес-

кий потомок «хрюши». Не говоря уже о слогане: «Храните деньги в сберегательной кассе». Я бы еще продолжил: «И хрюкайте от счастья, если они сохранятся!».

Генетическая память существует, и до сих пор самая популярная копилка, сохраняющая деньги нашего народа, — это... поросенок! Настоящим удивлением для меня было узнать, что теплится эта память на клеточном уровне и у англичан, и у американцев. И по-английски копилка называется «piggy-bank». То есть, попросту — поросенок банка. Кстати, я уверен, что и главное пафосное слово сегодняшних торговцев «банк» произошло от древнерусского слова «банка». Ведь именно в банках наши предки хранили редко попадавшие к ним злетные с запада деньги. Вот только почему копилка у англоязычных на-

зывается «piggy-bank», они не знают. Им в голову не приходит для выяснения истоков своих слов заглянуть в языки славянские. Даже не знают, что их «east», означающее восток, это всего лишь три пятых от нашего русского слова «исток». Что еще раз доказывает, где находятся ИСТОКИ сегодняшних западных цивилизаций.

На востоке! Недаром даже главный религиозный праздник Пасха на английском называют «Easter». Поскольку этот языческий праздник был принесен переселенцами с востока.

Настоящая правда истории сохранилась в языках многих

У нас
на каждый
древний,
природный
корень —
ветви слов

Настоящая
правда
истории
сохранилась
в языках
многих
народов.
В корнях
слов

народов. В корнях слов. Поскольку языки складывались чутьем народов, а летописи писались по заказу и превращали ПРАВДУ в КРИВДУ, искажая БЫЛЬ!

— **Иногда созвучия и совпадения в разных языках кажутся просто невероятными!..**

— Только кажутся. На самом деле, подобных совпадений — множество. Например, по-английски «хребет» — «spine». Практически, русское слово «спина». Только в английском языке оно просто означает часть тела без природного смысла, а у нас указывает, на чем должен спать человек, чтобы быть здоровым — спина! И действительно, восточные целители знают, что если человек спит на спине, то диафрагма массирует внутренние органы, он особен-

но спокойно дышит, и жизнь его удлинится. Только не надо на ночь обжираться, а то будете храпеть во сне, и вообще, можно задохнуться. В таком случае, лучше спать на животе, чтобы примять съеденное.

Удивительно, но англоязычные не знают даже, откуда у них произошло слово «Раша». А ведь это так просто.

«**Рассея**» означало в древности «сияние **Ра**».

«Сияние» по-английски — «shine». Почти «сияние». «Шияние **Ра**», вернее, «**Рашияние**» сокращенно и есть «**РАША!**»

Ра-душный — светлой души человек.

Ра-дуга, жа-ра, п-ра-вда, К-ра-сота — стремление к свету.

Ра-зум — просветленный ум. Умный — это тот, кто много знает. Ра-

Никто в мире до этого не знал, что важен не объем мозга, а его плотность. Тогда только процесс работает, когда есть много файлов для хранения информации

зумный — тот, кто еще и понимает то, что он знает.

Свету наши предки поклонялись особо. Того, кто чтит **свет**, называли светым, позже — **святым**. А хранилище света — **ХРАМ**.

Была даже такая поговорка: «Хорошие дела ночью не делаются».

Считалось, что даже дети, зачатые поутру, рождаются более добрыми.

Вообще, человек не должен жить надеждой, что, если он станет йогом, ему привалит здоровье, а если вдруг станет буддистом — привалит счастье

Кстати, Волга называлась рекой Ра. А земля вокруг реки — **Рассея: сияние Ра**. Солнечная земля!

Вообще, могу сказать, что многие слова в русском языке становятся понятны, если знать значение их арийских корней.

Но-ра — под светом. **Ра-но** — еще нет света.

Большинство слов с корнем «**РА**» до сих пор связано со светом.

Ве-ра — верить «Ра».

П-ра-вда, По-ра, Э-ра, Ра-й!

— **А ведь наше воинственное «Ура!» — тоже с корнем РА...**

— Это призыв к свету. Вот почему нельзя победить славян на их земле! Нам помогает «Ура!».

Обратное «Ура!» — «увы». «Вы» — это «**тьма**». Как всегда говорили:

«**Иду на вы!**». «**Вый**» — царь тьмы. Поэтому никогда в русском языке Бога не называли на «**Вы**». Только на «**Ты**!» И всех святых — на «**Ты**». Свет нельзя оскорблять тьмой.

А к кому обращались на «**Вы**»? Вспоминайте классиков. «**Вы, свинья, батенька!**»

Я получаю множество писем. Мне написали ученые, что у тех, кто мыслит на русском языке, более развита эмоциональная часть мозга. Она — более плотная. Мы можем развивать нашу рациональную, не потеряв, не разжижив. Опять-таки, такой глагол есть только в русском языке. Вспомните выражение: «У тебя, что, мозги разжижились?» Никто до этого в мире не знал, что важен не объем мозга, а его плотность. Тогда только процесс работает, когда есть много файлов для хранения информации.

Все языки мира отделились от того праязыка, носителем которого являются славянские народы. Русы — это не национальность, а принадлежность к вере в одного Бога. Отсюда — ИеРусалим. ИзРаиль. Они ушли на Средиземное море. Но! Там стали поклоняться Богу Луны — Сину. Отсюда — Синайский полуостров. Они сбились с программы, изменив Богу Солнца — Ра. Из — Ра — иль. Вот так, по словам, можно разгадывать правду.

— **Не будем говорить о возрасте, но с первого взгляда видно, что вы находитесь в отличной физической форме. Как вам это удается?**

— Использую восточные технологии. Делаю упражнения по китайской системе, медитирую. Иногда занимаюсь йогой. Если в жизни сложная си-

туация, и мне нужно принять решение, — прибегаю к первым главам Каббалы и понимаю, как следует поступить. Когда устаю, уезжаю в Ригу, в свой загородный домик. Вообще, человек не должен жить надеждой, что, если он станет йогом, ему привалит здоровье, а если вдруг станет буддистом — привалит счастье. Это неправильно! Я — человек право-славный, но считаю, что свои достижения есть и в Европе, и на Востоке, и в Америке. А я беру от них все самое лучшее.

— **Вот вы упомянули слово «счастье». Каждый его понимает и трактует по-своему. А что вы вкладываете в это понятие? Что, по-вашему, означает «состояние счастья»?**

— Истина — в истоках русского слова. Счастье произошло от соуча-

Все языки мира
отделились
от того праязыка,
носителем которого
являются славянские
народы. Русы — это
не национальность,
а принадлежность
к вере в одного Бога

**Счастлив тот,
кто делится,
а не тот, кто
отнимает.
Человек тем
счастливее,
чем больше
в его жизни
счастливых
моментов**

стия. Счастлив тот, кто делится, а не тот, кто отнимает. Человек тем счастливее, чем больше в его жизни счастливых моментов. Научись радоваться тому, что доставляешь удовольствие другому, и проживешь гораздо радостнее тех, кто это не понимает.

— А теперь неожиданный вопрос — вы верите в судьбу? Как думаете, все заранее «запрограммировано» на небесах, или человек может что-то в ней изменить?

— Конечно! Само слово «судьба» — это суть Бога. Но в какой-то момент человек все-таки может ее изменить. Например, если вставать с постели не в двенадцать часов, а в семь утра, тогда не нужно будет раздумывать, съесть ли пирожное на ночь или отменить какое-то дело, чтобы навестить своего отца... Такие

точки выбора встречаются по нескольку раз в день, и в них человек определяется. Он не должен быть идеальным. Идеальными должны быть его Намерения!

При рождении человеку ставится космический чип, код, на котором он и проведет свою жизнь. Но этот код можно улучшить. Совершите хороший, достойный поступок, сделайте добро чужим людям, переведите старушку через улицу, купите мебель дому престарелых, одежду для воспитанников детского дома — и улучшите свой код. И тогда никакой региональный колдун шестого разряда не сможет предсказать, что с вами будет, — вы стали другим с того самого момента, как сделали добро. Вот и изменяйте свою жизнь к лучшему!

— Наверное, очень важно понимать, что, хоть твоя судьба, в основном, и в «руках Божиих», но и ты сам кое на что способен. По-моему, это признак большого оптимизма...

— Конечно, я — оптимист. Приметы создаю себе сам и надеюсь только на себя — считаю, что это и есть наивысшая степень оптимизма! □

Беседовала
**Елена
ВОРОБЬЕВА.**

Фото
Сергея ШИМАНАЕВА

Современный мир, современная молодежь...

Жизнь мчится вперед, при этом бурно меняясь. Но, независимо от времени, существуют так называемые вневременные понятия, такие, например, как «душа», «совесть», «правда», «дружба» и, конечно, «любовь». Она, естественно, начинается со встречи и знакомства. И хотя сегодняшние молодые — совсем другие, чем предыдущие поколения, но они так же, как и их дедушки и бабушки, мамы и папы встречаются, знакомятся, влюбляются...

Нам стало интересно, а как все же это происходит сегодня, где и как знакомятся молодые люди?

Приоткрыть завесу над современной «техникой» знакомства попытался наш молодой автор

**Максим
МАКСИМОВ**

ГДЕ НАХОДИТСЯ НОФЕЛЕТ?

...Идете вы по улице и вдруг неожиданно в толпе видите Ее (или Его) — объект невообразимых мечтаний и, возможно, сказочных снов. Ваши глаза на несколько секунд встречаются и... А дальше в большинстве случаев все происходит по стандартной схеме. Вы гордо проходите мимо друга друга, втайне надеясь, что случится невероятное. Кто-нибудь первым заведет разговор и произойдет романтическое знакомство.

Но... не надейтесь.

Возможно, герой фильма «Где находится нофелет?» и не отличался богатой фантазией, но хорошо знал статистику. Лишь каждый десятый готов вот так, с бухты-баракхты, посреди улицы обратиться к понравившемуся человеку. С детства нам вдалбливали непреложную истину: знакомиться на улице — дурной тон. Порядочные люди находят друг друга в других местах: библиотеках, музеях, театрах... Правда, та же статистика показывает, что большинство знакомств происходит совсем не там, где нам бы хотелось. Как быть?

Можно, конечно, сложить руки и ждать у моря погоды. Сказочный принц (или принцесса) на белом коне обязательно явится, но очень может статься, что произойдет сие благоприятное событие как раз перед самой пенсией. Если вам такой вариант симпатичен, нам остается только пожелать удачи и долголетия. Если же нет — придется изрядно попотеть. Впрочем, награда в конце этого тернистого пути будет соответствующей.

ПАРНИ

С точки зрения «науки о нофелетах», быть парнем в нашей стране — крайне нелегкое занятие. Существует стереотип, согласно которому инициатива при знакомстве целиком и полностью должна принадлежать мужчине. Роль девушки сводится к снисходительному выслушиванию речей смущенного влюбленного и, в лучшем случае, оставлению номера телефона. Например, 123-45-67. В пылу страсти поклонник не замечает, что таким образом молодая особа уже

дала ответ на его ухаживания. Разумеется, отрицательный, ибо, набрав заветные семь цифр, выясняется — никаких лен, тань и маш там нет и никогда не было. Вероники, кстати, тоже.

Не спешите отчаиваться и бежать к зеркалу, чтобы повздыхать об оттопыренных ушах и слишком длинном носе. Настоящий «нофелетчик» знает: внешность — не главное. Буйная фантазия — вот тот универсальный ключ, открывающий врата практически любого женского сердца.

Возможно, герой фильма «Где находится нофелет?» и не отличался богатой фантазией, но хорошо знал статистику. Лишь каждый десятый готов, с бухты-баракхты, обратиться посреди улицы к понравившемуся человеку

Действуйте решительно. Например, сидящей одиноко на лавочке девушке можно смело вручить букет цветов. Будьте оригинальны, не покупайте гвоздики и розы. Лучше подарите полевые ромашки. Нарвите их прямо с городской клумбы, пока милиционер не видит.

Букет дарите молча и тут же уходите. Хорошо бы через день встретить избранницу снова. Та непременно спросит, зачем вы всучили ей давеча этот веник? Подбоченься, начинайте с серьезным видом нести околесицу. Но лучше всего клятвенно пообещайте открыть тайну в «несколько ином» месте. Например, в ближайшем кафе-мороженом.

Если случилось невероятное, и вы получили-таки незаслуженный «отворот поворот», не расстраивайтесь. Облачитесь в доспехи рыцаря или даже в сенаторскую мантию времен Древнего Рима. Все можно сострять самому, но лучше взять напрокат. В таком виде неспешно прогуляйтесь по центральной улице города, выбирая очередной объект обо-

Кстати, «работа на контрасте» очень хорошо действует не только на улице, но и в компаниях

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Стиль жизни

Если девушка заподозрит, что вы не можете отличить наскальную живопись от «Черного квадрата» Малевича, фиаско вам не избежать

Можно сложить руки и ждать у моря погоды. Сказочный принц на белом коне явится обязательно, но может статься, что произойдет это как раз перед самой пенсией

Считается, что хорошо воспитанная девушка первой знакомиться не должна. Конечно, не должна, если собираются всю жизнь просидеть в старых девах!

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Стиль жизни

жания. Как найдете, с высоко поднятой головой подходите и начинайте беседу. Приветствуется высокий слог: «О, юная богиня! Не соблаговолите ли вы сегодня посетить со мной местный Колизей?»

Кстати, подобная «работа на контрасте» очень хорошо действует не только на улице, но и в компаниях. Придите в общество панков, например, в смокинге, пейте дешевый портвейн из хрустального бокала, а в самый разгар веселья поставьте «Осень» Вивальди. Не бойтесь, вас не поколотят. В худшем случае, сочтут сумасшедшим. Зато девушек наверняка заинтересуете. Они уже порядком подустали от всех этих

«чуваков» в драных джинсах и мятых майках.

Ну, и, разумеется, в «гламурном» обществе действуйте совсем наоборот. Рассказы в стиле «Как я вчера подрался у пивного ларька и лихо удирал от ОМОНа» прекрасно разбавят великосветскую вечеринку, а вам подарят славу личности неординарной...

Очень действенен «шпионский» способ познакомиться. В галерее или музее нужно выбрать девушку, которая битый час с открытым ртом стоит перед понравившейся картиной. Тихонько подходите сзади и восклицаете: «О, этот неподражаемый Моне! Посмотрите, как здесь он умело положил краски!». Избранница наверняка обернется. Разговор о живописи можно продолжить в ближайшем кафе, попутно привирая, что вы тоже когда-то рисовали. Правда, здесь без определенной подготовки не обойтись. Если девушка заподозрит, что вы не можете отличить наскальную живопись от «Черного квадрата»

та» самого Малевича, то фиаско не избежать.

Чувствуете в себе актерский талант? Устройте маленькое представление с демонстрацией собственной доблести и отваги. Перед объектом страсти можно разыграть миниатюру в стиле Брюса Ли. Понадобится помощь приятеля и предварительный просмотр видеофильмов о восточных единоборствах. Эффектная драка на глазах девушки, и, разумеется, ваша победа мигом обернется славой национального героя. Биться лучше, конечно же, за честь и достоинство прекрасной дамы. Высшим пилотажем среди «нофелетчиков» считаются боевые раны, обильно политые кетчупом из ближайшего универсама. В финале изможденный герой впадает в забытие, а девушка чуть ли не на руках выносит его с поля боя. Главное, чтобы рядом не оказалось какой-нибудь сердобольной старушки, которая не только «скорую» вызовет, но еще, не дай Бог, начнет делать вам искусственное дыхание.

И, наконец, самое главное. Неважно, какой именно способ знакомства вы выбираете. Помните о правиле «левостороннего кадрения». Подходите к своей избраннице всегда слева, поскольку эта сторона подсознательно ассоциируется с прошлым, а правая — с будущим. Получается, что возникший слева парень оказывается всегда «немножко знакомым», а значит, шансы на успех удачно познакомиться — максимальны.

ДЕВУШКИ

Считается, что хорошо воспитанная девушка первой знакомиться ни в коем случае не должна. Конечно, не должна, если собираются всю жизнь просидеть в старых девах!

Мама и бабушки пугают дочек и внучек страшными рассказами о коварных мужчинах, рыщущих по улицам в поиске очередной жертвы. Отчасти они правы. Но лишь отчасти. Попасть в переплет можно и не выходя из квартиры. На этот счет есть хорошее выражение: «Жить вредно!»

Так что, не спешите пропускать мимо себя понравившегося молодого человека. Помните, что, возможно, он и есть тот самый принц, о котором вы мечтаете всю жизнь.

Ну, а если без шуток, то на самом деле даме гораздо легче обратить на себя внимание. И дело не в удачном макияже, красивом загаре и пресловутом стандарте «90-60-90». По статистике, 9 из 10 мужчин ничего подобного не ожидают и всегда рады пообщаться с обратившейся к ним посторонней девушкой. Более того, сильный пол, который очень боится показаться неоригинальным при общении с понравившейся незнакомкой, не требует того же от хрупких женщин. Поэтому вопросы типа «А вы не знаете, как пройти к Большому театру?» в устах девушек не вызывают оскомины и зевоты. Это факт.

И, тем не менее, в «науке о нофелетах» дамы занимают достойное место. При этом их фантазии могут позавидовать даже самые отпетые «нофелетки».

Например, одна моя знакомая завела себе кота и каждый вечер выводила его на поводке гулять. Бедное животное даже и не подозревало, что цель хозяйки — не забота о благополучии питомца, а сверхсекретные планы по улучшению личной жизни. Очень скоро «девушка с котом» стала местной знаменитостью. Надо ли говорить, что первыми, кто обратили внимание на необычный дуэт, стали именно парни? Один из них, самый находчивый, сделал ход конем, точнее, кошкой. Так в нашей стране появилась еще одна счастливая семейная пара.

Очень хорошо идут мольбы о помощи. Притворитесь, что вы боитесь кого-то в темной подворотне, и попросите незнакомца проводить вас до подъезда. В план можно включить подружку, которая в самый ответственный момент издаст душераздирающие звуки, тем самым подтвердив ваши самые «страшные опасения».

Правда, есть одно «но». Хорошо бы для начала навести о предмете

Существует стереотип, согласно которому инициатива при знакомстве целиком и полностью должна принадлежать мужчине

обожания хоть какие-нибудь справки (сгодится серия и номер паспорта). А иначе в темной подворотне можно наткнуться на вполне реальные опасности, где верная подруга будет бесполезна.

Принято считать, что женщина и техника — несовместимы. Ничего подобного. В метро, например, можно завязать знакомство при помощи обычного мобильного телефона. Необходимо лишь подключить bluetooth, найти какого-нибудь Мишу или Макса и отправить ему невинную картинку, музыкальный файл или — чего мелочиться? — номер телефона. В большинстве случаев ответ не заставит себя ждать. Правда, тут тоже есть один нюанс. Некоторые девушки любят присваивать телефонам имена своих возлюбленных. Так что, есть вероятность: Миша в мобильнике вполне может оказаться Машей в реальности.

Иногда проще всего девушке произвести впечатление на танцполе. Особенно если вы — обладательница красивых длинных волос. Незаметно их следует распустить так, что танец станет больше походить на ритуальные пляски американских индейцев. Этим способом можно поразить сразу две цели: распугать конкуренток и надолго приковать к себе взгляды молодых людей. Возможно, даже самого ди-джея.

Впрочем, если вы не в настроении, то даже самый хитроумный способ знакомства не даст никаких результатов. Поэтому «нофелетить» необходимо исключительно с улыбкой на лице и в хорошем расположении духа. И, возможно, нынешней весной вы встретите Того Самого, Единственного и Неповторимого.

Согласитесь, есть к чему стремиться... □

Если вы — не в настроении, даже самый хитроумный способ знакомства не даст никаких результатов. Поэтому «нофелетить» необходимо исключительно с улыбкой на лице и в хорошем расположении духа

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Стиль жизни

Великий Неизвестный

**Океан.
Он не только
Прошлое — Колы-
бель человечества,
но и Будущее.
А что он есть
в сущности?
Точнее всех выска-
зался академик
Леонид Бреховских,
назвав его «Великим
Неизвестным»**

**Сергей
КАЛЕНИКИН**

Всерьёз к сему таинству мы обратились лишь сейчас, когда казалось, что нам уже открылось всё величие Мирового океана.

Но все далеко не так просто. Сколько ещё тайн и загадок прячет от нас «Великий»! Всемирный потоп. Атлантида. Бермудский треугольник. Море дьявола. Аномальные места глубин. Марианская пропасть. Курильщики — хемосинтез. Реки пресной воды — среди соленой...

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Смена представлений

КАК ОКЕАН ПОЯВИЛСЯ НА ПЛАНЕТЕ?

Наши предки совершили грубую ошибку, назвав нашу планету Землёй. За исключением относительно небольших водных пространств, таких, как Средиземное или Чёрное моря, поверхность земного шара, как казалось им, почти полностью состоит из твёрдых пород и почвы. Первое описание дальних морских плаваний принадлежит Геродоту. Именно он

своим пером вывел: ещё за 600 лет до нашей эры финикийцы пересекли Красное море и поплыли вдоль восточного побережья Африки.

Они, древние, знали о существовании других водных пространств, но считали их частью реки Океан, омывающей весь мир и дающей жизнь всем рекам и морям. И очень изумились бы, узнав, что голубые просторы занимают более 70 процентов поверхности Земли.

Материки, по сути, — архипелаги. Америка, Евразия, Африка, Австралия — не что иное, как крупные острова, и вместе с остальной «мелочью», выступающей из воды под все-

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Смена представлений

Познания о Мировом океане не превышают и одного процента. Похоже, человечество больше знает о поверхности обратной стороны Луны, Марса или Меркурия, чем о своих голубых просторах...

ми широтами, едва достигают площади 150 млн. кв. км. Сушу окружают и держат в постоянной зависимости 350 млн. кв. км морей. Ничтожными песчинками, от перечисления которых давно отказались, выглядят семь тысяч островов Тихого океана, этого громадного водного пространства, могущего поглотить более 350 таких территорий, как Франция.

Только Тихий — Великий — океан, распространившись на 180 миллионов квадратных километров, обнимает около трети поверхности Земли и занимает почти половину площади Мирового океана. Одним словом, на каждого землянина приходится почти 300 миллионов тонн морской воды.

А вот и величайшая загадка под № 1. Откуда он, Мировой, появился на Планете? Никто толком не знает. Некоторые учёные считают, что вода падала из плотных облаков, а, по мере охлаждения Планеты, эти облака изливались непрерывным ливнем, который длился аж несколько веков! Американский учёный Л.Франк думает по-своему: земные океаны — продукты вторжения кометообразных тел. А сколько их было, и за какое время?

А наш Евгений Мархинин и другие мировые авторитеты убеждены, что земная кора, атмосфера и гидросфера возникли благодаря вулканизму.

СВИРЕП И НЕПРЕДСКАЗУЕМ

Гипотез, естественно, много, но вскрыть сакральную тайну происхождения Мирового океана — ещё не время. Хотя учёные вроде договорились: океаническая система приобрела свои современные характеристики примерно 1,5—2 миллиарда лет назад.

В 60-х годах прошлого века мир был буквально взбудоражен картой турецкого адмирала Пири Рейса, со-

ставленной в 1513 году. На ней, открытая русскими моряками, изображена и Антарктида, но без ледникового покрова, соединённая перешейком с Южной Америкой! А умопомрачительные труды французского географа и математика Оранция Финея? Ведь и у него Антарктида — без ледового покрова. Что это — фикция?

Одна экспертиза, вторая, третья. Нет, карты — не фальшивки, самые натуральные. И получается нечто запредельное. Нам представлена некая ситуация неизвестной эпохи, настолько древней, что её невозможно ни определить, ни вообразить! Создать такого рода карты без космической или аэрофотосъёмки физически невозможно. А ведь Антарктида уже, по определению, 20 000 000 лет подо льдом! Пока ясно одно: карты отражают не только некое немислимое для нас прошлое, но и являются документом, отражающим научные знания и достижения не известных современной истории цивилизаций — предшественников нынешнего поколения землян!

В 10 часов утра 21 декабря 1872 года корабль британского военно-морского флота «Челленджер» вышел из английского порта Спитхед в исследовательский рейс, который длился три с половиной года. Это был необычный рейс. Его цель заключалась не в обнаружении новых земель, а в изучении огромных просторств океана и лежащей под ним terra incognita. Им было пройдено 68 890 морских миль, выполнено 492 промера глубин и 263 серии измерений температуры. В 1895 году международная группа из 76 исследователей под руководством Джона Мёррея проанализировала эти данные и выпустила пятидесяти томный отчёт. В нём — результаты химических анализов воды, сведения о течениях, глубинах, характере морского дна и описания свыше 3000 новых видов организмов. Принято считать, что научная океанология началась со времени экспедиции «Челленджера».

Исследовано уже немало. А что на сегодняшний день? Беседуя с одним

из ярчайших океанологов РФ, членом-корреспондентом РАН А.С.Мониним, я попытался узнать: а насколько океанские пучины изучены? Ведь английский океанолог Алек Лори говорил: «На сегодняшний день мы тщательнее исследовали лишь одну двадцатипятимиллионную часть всей гидросферы, то есть скользнули не более чем по поверхности проблемы».

— Наши познания о Мировом океане, на мой взгляд, не превышают и одного процента. Быть может, и того меньше. Похоже, человечество больше ведаёт о поверхности обратной стороны Луны, Марса или даже Меркурия, чем о своих голубых просторах... — Таково мнение Монина.

Надо сказать, что уже доказано учёными: именно Мировой океан, а

сив все временные, температурные и географические масштабы. Именно столь грандиозное поведение «младенца»-82 и побудило опешивших ученых задаться отнюдь не теоретическим вопросом: когда состоит его очередной приход? Выведенная математическая модель показала, что очередной катаклизм начнётся зимой 1986—87 года. Но Эль-Ниньо так и не объявился. «Младенец» обманул ожидания учёных. Но, как бы выждав своё, он громыхнул в 1997-м. И как! Если в прежние годы тихоокеанские экваториальные воды теплели на два-три градуса, причём сравнительно плавно, то на сей раз Эль-Ниньо как никогда был стремителен — температура поверхности океана подскочила на четыре-

На каждого землянина приходится почти 300 миллионов тонн морской воды. Но откуда Мировой появился на планете, никто толком не знает

не атмосфера, определяет климатическую кухню Земли. А вот как именно определяет, какой климат и как его предсказать — это вопрос. Взять хотя бы эффект Эль-Ниньо, что означает «младенец» с испанского. Так ласково назван природный феномен, связанный с катастрофическим потеплением вод восточной части Тихого океана, из-за чего и возникают всяческие невзгоды и аномалии.

На протяжении ушедшего столетия «младенец» давал о себе знать примерно каждые пять-семь лет. Казалось бы, особую свирепость он проявил в 1982—1983 годах, превы-

пять градусов! За каких-то несколько недель!

Откуда же это коварное диво? Поначалу считалось: Эль-Ниньо как-то связан со сложным взаимодействием тропических пассатных ветров и океанических экваториальных течений. Со временем появилось иное мнение. «Младенец» возникает из-за нарушений глобальных процессов в климатической системе, но не исключается, что Эль-Ниньо имеет отношение к сезонному ускорению вращения Земли. Словом, предположений и неясностей — в избытке. А когда подсчитали, оказалось, что Эль-Ниньо на Земле существует не менее 100 000 лет!

на была пересмотреть не только свои представления о катаклизмах, но и задуматься об их влиянии на историю Земли.

Если одни учёные пытались выявить некие закономерности, понять логику, периодичность тех или иных катастроф, не выходя из прошлого, то другие стояли на ином: Всемирный потоп и по сей день продолжается!

Общая картина такова: за 18 000 лет уровень океана подскочил на сто метров, и натиск на сушу продолжается, причём океанские воды повышаются вдвое быстрее, чем ожидалось! Кстати, в последний раз уровень океана был выше современного 120—125 тысяч лет назад — в

Чёрное море — единственное на планете, у которого солёность поверхностных вод один к одному соответствует человеческой крови: на 1 килограмм морской воды, в среднем, приходится 17 граммов солей

Не менее загадочен водоворот, обнаруженный японскими океанологами в Тихом океане в 400 км от острова Огасавара. Диаметр его — 100 км, а образуется он на глубине 500 метров. Вроде не ахти какие размеры. Но поведение водоворота непонятно: примерно через каждые 100 дней направление вращения воронки меняется. Почему?

И вот таких «почему» — тысячи на каждую квадратную милю.

ВНОВЬ ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

Стоило английскому археологу сэру Вулли отыскать следы Всемирного потопы (2 370 год до нашей эры), как практически тут же наука вынужде-

последнюю межледниковую эпоху. Всё остальное время он был ниже!

Кто-то неустанно твердит о глобальном потеплении, «парниковом эффекте». Мол, потому и разрушаются, тают ледники Гренландии и Антарктиды — всё выше и выше Мировой океан. Причём, как утверждает, ледяной панцирь Антарктиды не просто тает, а, начиная со второй половины 80-х, разваливается на невероятно гигантские куски. Один из них откололся от береговой кромки в море Росса. Длина айсберга-гиганта — 155 км, ширина — 34 км, сам он был погружён в воду на 230 метров! (Содержащейся в этом айсберге пресной воды хватило бы каждому жителю планеты по два стакана в день на 1977 лет!)

— Что происходит? Начался глобальный развал Шестого континента? — спросил я директора Института географии РАН, академика Владимира Котлякова.

— С 1985 года откол огромных ледяных массивов от Антарктиды заметно активизировался, увеличилось количество айсбергов, в том числе айсбергов-гигантов, — поясняет Котляков. — Но всё это происходит там, где на многие сотни километров простираются шельфовые ледники, находящиеся на плаву. Они-то и откалываются, но это, конечно же, распад самой Антарктиды. Ничего необычного, чрезвычайного. Каждые 20—25 лет в Южном полушарии происходит смена циркуляционных эпох, что и сказывается на ледовой обстановке.

Когда в Антарктиду поступает больше тёплого воздуха, то гораздо больше выпадает и снега, который не тает, но нарастает и тем самым вызывает более быстрое движение льда к омываемому материк океану. И потом, эти процессы сопровождаются весьма мощными циклонами, а, стало быть, перепадами давления воздуха, которые вызывают мощные волны на море. Но это не ветровые, а барические — невидимые для глаза — волны. Они-то и крушат лёд, образуя айсберги с интервалом 20—25 лет...

С этим не поспоришь. Но ведь уровень Мирового океана растёт! Быть может, это связано с тем, что от Шестого континента ежегодно откалывается, в среднем, 2 300 кубических километров льда, а за два — три года он теряет его столько, сколько его на Земле Франца Иосифа, в Исландии и на Новой Земле, вместе взятых?

Владимир Котляков считает, что Антарктида тут ни при чём! Мировой океан повышается из-за нагревания и расширения воды, а также из-за таяния арктических и горных ледников, находящихся в умеренных широтах, что вызвано разогревом атмосферы. За прошедшее столетие температура воздуха увеличилась весьма существенно — на 0,5 градуса! У полюсов, за те же сто лет, температура подскочила на два — три градуса! Но, как ни странно, для Антарктиды это не имеет никакого зна-

чения — она не реагирует на нынешнее потепление, ибо температура льда — намного ниже нуля. Он не просто холодный, а очень холодный. И всё же Шестой континент непредсказуем. Его лёд обладает весьма специфическими свойствами — способностью течь. Он течёт, как расплавленное стекло, при любой температуре! Вот тут пластические свойства льда зависят от температуры: чем теплее, тем он пластичнее. И при повышении температуры воздуха на два градуса лёд будет сбрасываться куда быстрее...

Усиливает ли потепление течение льда — на этот вопрос наука пока не в силах ответить! Напомню: если растопить льды Гренландии, то уро-

Уже доказано учёными: именно Мировой океан, а не атмосфера, определяет климатическую кухню Земли

вень воды на планете повысится на одиннадцать метров, а из-за полного разрушения Антарктиды Мировой океан подскочит более чем на шестьдесят метров! Если нечто подобное разразилось бы в наши дни, то под водой оказались бы Санкт-Петербург, Архангельск, Лондон, Гамбург, Буэнос-Айрес, Нью-Йорк, Венеция, Сингапур, обширные области Северно-Западной Европы, прибрежные районы Бангладеш, Индии, Индонезии, Ма-

Ни одному морю, ни одному континенту не было предначертано такой величественной и благородной судьбы, как Средиземному. Оно заворожило 20 народов, обитавших на диких землях, и они, придя на его берега, сложили к его стопам своё оружие и веру, подчинившись необъяснимой власти. Двадцать цивилизаций расцветали в сиянии моря и погибали, но достигали вершин могущества и великолепия.

Древние люди очень изумились бы, узнав, что голубые просторы занимают более 70 процентов поверхности Земли

лайзии, Филиппин, Вьетнама. Про островные малые государства и говорить нечего...

МОРЯ — ОКЕАНЫ

Океаны — это ведь и моря. А в каком они количестве? В справочниках таких сведений нет, но можно насчитать на карте: Средиземное, Аравийское, Мёртвое, Чёрное, Балтийское, Каспийское, Карибское, Эгейское, Баренцево, Белое, Карское, Охотское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Берингово... Об Антарктике лучше не заикаться.

Средиземные (или межматериковые) моря — водная стихия в полном смысле этого слова, наделённая своей особой жизнью. Тут суше не удалось полностью окружить их, заманить в ловушку, где они, очень скоро деградируя, превратились бы из частей единого океана в мёртвые моря-плеби. Если их подразделить на ранги, то высший достанется европейскому Средиземному морю. Оно воистину наипервейшее море-патриций.

Море вплело их руины в свой гармоничный ландшафт солнечных бухт, бронзовых мысов и созданных волнами островов. В истории этого моря есть страницы с ответом на любой вопрос, поставленный человеком: там размышляли над судьбами людей философы, жрецы, поэты, учёные.

Среди Великих — и наше Чёрное море. Уже в самом его названии таится нечто особенное. В разные времена разные народы Чёрному морю давали разные названия: Сарматское, Синее, Русское, Киммерийское, Скифское, Таврическое, Сурожское, Святое...

Его, без преувеличений, можно было бы назвать и так: Удивительное, Непонятное, Заманчивое, Таинственное.

Около семи тысяч лет назад Средиземное море, выйдя, по воле Мирового океана, за порог стабильности, переполнилось и гигантским потоком хлынуло по узкой долине на север — на территорию нынешней Турции, пробив путь к пресноводному бассейну. Так возник Босфор и нынешнее Чёрное море, которое, как

считают некоторые учёные, возникло не постепенно, а «одномоментно». Ежедневно уровень воды в новом море повышался на 15 сантиметров. Сельскохозяйственные земли и дома тамошних жителей оказались затопленными. Чем не потоп?

У каждого моря — свои исключительности, меты, но даже на этом фоне Чёрное стоит особняком. В его водах и в жидкостях, циркулирующих в человеке, содержатся примерно одни и те же элементы. Чёрное море — единственное на Планете, у которого солёность поверхностных вод (до 100 метров) один к одному соответствует человеческой крови: на один килограмм морской воды, в среднем, приходится 17 граммов солей! Вот и выходит, что оно — часть человеческой плоти.

Да и водная черноморская толща имеет особую структуру. Поверхностный слой моря (до 150 м) содержит кислород, а в нижних слоях (глубже 150 м) кислород исчезает, но появляется сероводород. А это — 467 тысяч кубических километров! О сероводородном феномене стало известно в 1890 году. Он был открыт русской экспедицией под руководством академика Николая Андрусова. И на Планете нет другого моря с подобным эффектом.

ЕЩЁ ОДИН ВЗРЫВ ИЛИ ГАЗОВАЯ АТАКА

Летом 1927 года у берегов Крыма, во время сильнейшего землетрясения, неожиданно-негаданно вспыхнули и запылали воды Чёрного моря. Гипотез, как водится, было не счесть.

Море полыhalo. Это — факт. Об этом рассказывали ошарашенные невиданным явлением рыбаки.

Очевидцы твердили: при «вскипании спокойного моря» ощущался «запах тухлых яиц», наблюдался «дым после огня»... То есть полыхнул серо-

водород, которого, как известно, в Чёрном море — огромное количество.

Дискуссия о причинах крымской катастрофы продолжалась не одно десятилетие! А сероводорода в Чёрном море становится всё больше и больше... Он не только ядовит, но и чрезвычайно активен — мгновенно реагирует с кислородом, вступает в реакцию с металлами и очень быстро растворяется в воде. У него путь один — стопроцентный захват Чёр-

ного моря. Так что, рано или поздно, он может выйти на поверхность, что, понятно, случится не завтра. Но и о завтрашнем дне нам надо думать...

И в завершение я задал вопрос доктору биологических наук Виктору Сапунову:

— Виктор Евгеньевич, как вы полагаете, насколько изучено сероводородное русское море? Можно ли это как-то выразить в цифрах, процентах, долях, частях?

— Мы не знаем целого! Как можно определить долю от неизвестного? Море — безгранично в изучении. Всё время что-то открывается. Скажем, утверждалось: по сероводородному дну Чёрного моря идут речные потоки, несущие определённое количество кислорода. Поначалу мы не верили в такого рода заявления, а теперь — факт. Быть может, в этих кислородных реках, идущих с суши, и обитает нечто диковинное...

Остаётся надеяться, что постепенно учёные смогут изучить и разгадать тайны и необъяснимые сегодня явления «Великого Неизвестного»... □

Учёные договорились: океаническая система приобрела современные характеристики примерно 1,5—2 млрд лет назад

Вряд ли сегодня кто-то задумывается над тем, когда и почему появились первые газеты...

ГАЗЕТА

ВСЕГО ЛИШЬ МОНЕТА...

Принято считать, что появились они в Риме. Это были переписывавшиеся от руки свитки под названием «Ежедневные дела римского народа». Они вывешивались на площадях для всеобщего ознакомления, а также доставлялись политикам и другим знатным гражданам. Эти новости имели неофициальный характер, пока Юлий Цезарь не приказал регулярно распространять отчеты о заседаниях сената, действиях полко-

водцев и посланиях правителей за рубежных государств.

А в Венеции в эпоху Возрождения выходили информационные листки для венецианских купцов, которым необходимо было знать, куда небезопасно или экономически невыгодно везти свой товар: например, где идут военные действия или бушуют штормы, а также нелишней была информация и о том, кто из крупных поставщиков обанкротился.

Сбором подобных сведений в Венеции занимались специальные компании, этикие новостные агентства, служащие которых были, по сути, первыми репортерами. Именно они и предоставляли своим клиентам столь необходимые «новостные листки». Стоили эти листки одну газетку. Gazzetta — так называлась мелкая разменная монета, ходившая в Венеции и давшая название тому, без чего не может существовать нынешний мир.

Но все это было еще далеко от тех газет, к которым мы привыкли. Первое настоящее периодическое новостное массовое издание — а именно это и есть газета — появилось в эпоху книгопечатания, когда изобрели печатный станок.

В 1451 году в немецком городе Майнце Иоганн Гуттенберг открыл первую в Европе типографию, а к началу XVI века в 260 городах Европы уже работало 1100 типографий! Жизнь ускорялась, интенсивно развивались торговые, политические и культурные связи, люди хотели знать, что происходит в их городе и за пределами их государств. И вот уже во всех крупных городах Европы — в Аугсбурге, Страсбурге, Лондоне, Кельне, Антверпене, Амстердаме и других — начали появляться «летучие листки», в которых печатались самые различные новости. Эти листки даже имели своих подписчиков. Без них уже не могли обходиться ни дельцы, ни политики. Так постепенно начала формироваться особая профессия — журналистика.

В среде литераторов, писателей и поэтов на газетчиков смотрели свысока. В 1618 году, когда Натаниэль Баттер выпустил еженедельник «Уикли Ньюс», поэт Джеймс Ширли писал: «Эти люди в течение часа, не выходя из таверны, опишут вам битву, происходящую на другом конце Европы; у солдата один волосок упадет с головы — а они уже описали это на нескольких страницах». Классик английской литературы Бен Джонсон называл газеты «ловушкой для выуживания денег у простофиль». Но,

несмотря на такое ироническое отношение к прессе и журналистам, популярность газет все больше возрастала.

К середине 1660-х годов оксфордцы получили газету, в которой материалы были сверстаны — первый раз — колонками. Газета называлась «Оксфордская газета», но перепечатывалась в Лондоне и выходила также на французском языке — можно сказать, что она стала первым примером международного издания.

А в XVII веке на страницах газет появилась и первая реклама — в 1650—1660 годах в «Политическом вестнике», детище известнейшего издателя XVII века М. Нидхема, среди политических новостей неожиданно дали рекламу чая.

Во Франции газетное дело тоже развивалось, и очень быстро. Власти предрержащие поняли, что периодические издания могут оказывать сильнейшее влияние на умы их поддан-

Информационные листки, выходившие для венецианских купцов, стоили 1 газетку — так называлась мелкая разменная монета, давшая название тому, без чего не может существовать нынешний мир

ных. Одним из первых, осознавших власть прессы, был кардинал Ришелье. Под его эгидой выходил «Французский Меркурий», которым руководил ставленник Ришелье падре Жозеф — современники называли его «Серым преосвященством». Однако «Французский Меркурий» выходил один раз в год, а Ришелье нужно было периодическое издание, по крайней мере — еженедельник. И тогда падре Жозеф привел к Ришелье своего знакомого, врача Тефраста Рендо.

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Неизвестное
об известном

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Неизвестное
об известном

Падре прекрасно разбирался в людях и знал, что Ренодо сделает все, как надо. Это действительно был незаурядный человек, разносторонне одаренный и большой энтузиаст во всем, чем ему приходилось заниматься в жизни. Еще в ранней юности он получил диплом врача и отправился путешествовать по Европе. Вернув-

1200 экземпляров. В конце года выходящий итоговый сборник, куда включались все выпуски. В газете печатались статьи Ришелье, да что говорить, — сам король Людовик XIII писал для издания Ренодо! При этом издатель нещадно редактировал монарха. Да, Ришелье и не подозревал, что его ставленник окажется столь своенравным и самостоятельно мыслящим. Особенно не сложились отношения у Ренодо с кардиналом Мазарини. Дело кончилось тем, что «La Gazette» лишилась государственной субсидии, а Ренодо разорился, так как пришлось содержать любимую газету на свои деньги, а он получал всего лишь пенсию в 800 ливров. Выдающийся журналист умер в 1653 году. До самого последнего дня он не оставлял любимого дела, которому отдал все свои силы и все свои средства. Как писали в некрологе, он «ушел из жизни нищим, как умирают все великие».

Дело Ренодо продолжили его сыновья. Газета, созданная Ренодо, входила в срок и по праву считалась одним из самых влиятельных и авторитетных изданий во Франции вплоть до Великой Французской революции. Она прекратила свое существование 1 мая 1792 года.

Отношения прессы и властей всегда и везде отличались напряженностью. Правители, понимая силу печатного слова, просто не могли позволить журналистам свободно высказываться на те или иные темы, волнующие общество, и, как могли, затыкали им рты. Ришелье и французскому абсолютизму удалось заставить замолчать Ренодо, а вот в Англии попытка властей задавить свободную прессу закончилась ничем. В 1632 году в Британии вышел эдикт — журналистам было запрещено подрывать государственную монополию на международную информацию, печатая политические новости. Однако газетчики с этим решением не смирились. Они посмели его обжаловать, и в 1641 году сей эдикт, ограничивающий свободу слова, был отменен. Именно в Великобритании свободная пресса нашла источник своей экономической

независимости — рекламу. Первой стала зарабатывать деньги, систематически размещая рекламные объявления, «Дейли эдвертайзер» в 1657 году. Однако английские журналисты все равно считали, что власти их зажимают, и один из них, особенно возмущавшийся, даже уехал в Бостон. Звали этого свободолюбца Бенджамен Харрис, и теперь его — как основателя газетного дела в Соединенных Штатах — знает и почитает вся Америка.

Между тем в газетах стали появляться не только рекламные, но и частные объявления. Так, например, король Карл II дал в газете объявление о пропаже своей любимой собаки. Блестящую страницу вписал в историю газетного дела Даниэль Дефо, знаменитый автор «Робинзона Крузо». «Обозрение», которое Дефо издавал в течение девяти лет, — великолепный образец журналистики. Дефо учил братьев по перу, как надо писать передовицы или репортажи с места событий. Писать простым, но образным языком, понятным и аристократам, и навсегда пивнушек, в которых по вечерам любил собираться народ малообразованный.

Большим мастером журнального и газетного дела был и другой великий английский писатель — Джонатан Свифт. Считается, что именно эти два писателя заложили основы того, что мы теперь называем политической журналистикой.

В России же газетное дело началось с рукописных листков, называвшихся «Куранты», где помещались донесения русских дипломатов и переводы статей из зарубежных изданий. Самый старый номер «Курантов», дошедший до наших дней, вышел в 1621 году. А первой российской печатной газетой стали «Ведомости», которые начали выходить по указу Петра Первого с 1702 года.

В XIX веке, когда мир сотрясали войны и революции, газеты пережили настоящий бум. Их становилось все больше и больше. Кто только в них ни печатался! Консерваторы и революционеры Герцен (по всей России звучал его «Колокол») и Карл Маркс.

В газетах можно было прочитать не только статьи на политические и экономические темы, но и романы известных писателей с продолжением.

А в XX веке информационный поток просто захлестнул мир. И хотя появились радио и телевидение, пресса по-прежнему оставалась такой же востребованной и популярной. Например, с 1844-го по 1846 год в одной из парижских газет из номера в номер публиковался «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма. Роман был с восторгом встречен публикой, которая с нетерпением ждала и быстро скупала каждый новый выпуск газеты.

Правда, сегодня, в эпоху интернета, она вынуждена искать новые пути: порой становится более адресной, порой принимает формат таблоида, но, главное — газетное дело продолжает развиваться, и поиски этих новых путей к завоеванию сердец читателей и кошельков рекламодателей уже дают свои первые плоды... □

В 1727 году Академия Наук стала издавать как правительственный орган газету «Санкт-Петербургские ведомости» (1727—1917)

Большими мастерами газетного дела были великие английские писатели Даниэль Дефо и Джонатан Свифт. Считается, что именно они заложили основы того, что мы называем политической журналистикой

Даниэль Дефо, знаменитый автор «Робинзона Крузо»

шись в Париж, изучал хирургию и, как мог, оказывал помощь беднякам. В 1624 году он был назначен на пост начальника государственных благотворительных учреждений. Созданное им Адресное бюро, распространявшее информацию о продажах, найме рабочей силы и тому подобных сведениях, обслуживало бедняков бесплатно. Помимо благотворительной и медицинской деятельности, он очень интересовался печатным делом, а именно газетами. Поэтому, когда кардинал Ришелье поручил ему организовать издание газеты, Ренодо принялся за дело с большим воодушевлением.

И у него все получилось. Свое детище, не только выполнявшее заказ Ришелье, но и предоставлявшее читателям самую различную информацию («Здесь каждый найдет то, что ему необходимо», — говорил Ренодо), он назвал «La Gazette» — по названию листков, которые он видел в Венеции во время своего путешествия в Италию..

Первый номер газеты вышел 30 мая 1631 года. В лучшие времена тиражи газеты поднимались до весьма высокой по тем временам цифры —

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Неизвестное об известном

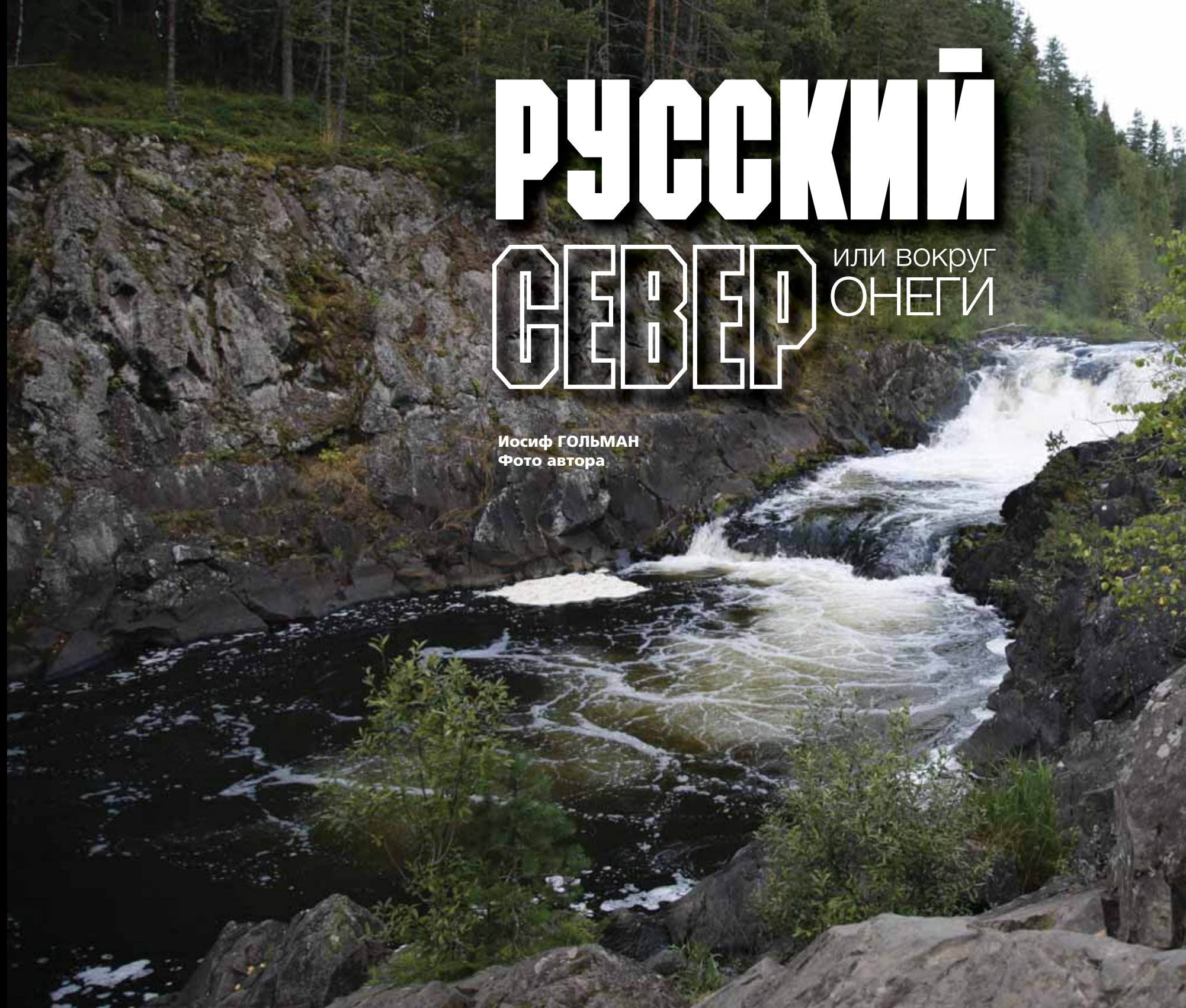
Какое это счастье — отключиться на время от проблем и забот бурной, шумящей, переполненной людьми и машинами московской жизни и отправиться в путь — не куда-нибудь, а... на север, пусть даже на четыре дня! Конечно, если бы мы не были журналистами, подобная «автопрогулка» выглядела бы бессовестной. Но мы едем работать, то есть «прокладывать маршрут», может быть, и для наших читателей

РУССКИЙ

СЕВЕР

или вокруг
ОНЕГИ

Иосиф ГОЛЬМАН
Фото автора

А КУДА НАМ ТОРОПИТЬСЯ?

День первый. Откровенно говоря, можно было проехать и гораздо быстрее. Но мы решили передвигаться в свое удовольствие, то есть — не спеша.

Выехали в пятницу, что тоже имело отчасти сакральное значение: у кого понедельник начинается в субботу, а у нас — уикенд в пятничное утро. Вокруг снуют грузовики и служебные авто, в окна офисов уже выглядывают первые трудолюбивые

сотрудники. А мы мимо них всех — рассекаем на восток!

Правильнее было бы — на северо-восток, по Ярославке, потому что маршрут наш лежит через Вологду.

Погода стоит чудесная, и мы наслаждаемся солнцем и прекрасными подмосковными видами.

Что касается дороги, то сначала она — отменная (по российским понятиям), а потом — после Загорска и почти до Ростова Великого — узкая и довольно посредственная. Тем не менее — неплохо обустроенная: с заправками проблем нет, не считая некоторого уменьшения их количества между Москвой и Ярославлем.

Незаметно, за разговорами, подъезжаем к Ярославлю.

По пути были Переславль-Залесский и Ростов Великий. Это совершенно фантастические города, достойные отдельного заезда и нескольких дней любования. Но о них — в другой раз.

Первое полноценное журналистское удовольствие получаем уже за Ярославлем — в древнем Тутаве.

БЫЛЫХ ВРЕМЕН ОЧАРОВАНЬЕ...

Тутаевых получилось как бы два. Один — обычный современный, довольно безликий город, неподалеку от областного центра. Второй, — отделенный от первого широкой рекой, — тот самый Тутаев, который поражал своей роскошью и богатством пару веков назад.

Сразу скажем — теперь не поражает.

Но мы ни на миг не пожалели, что проехали сюда, потому что в угасании прежней роскоши тоже есть своя прелесть.

Потихоньку осыпающиеся каменные особняки, насквозь заросшая травой брусчатая дорога — спуск к пристани, пустынные, хоть и довольно широкие, «правильно» нарезанные улицы.

Что не поддавалось времени — так это Волга, проблескивающая сквозь промежутки между домами. Церковь

над берегом, добавившая к своей высоте высоту крутого откоса. И ощущение связи времен, которое делает нас всех слегка бессмертными...

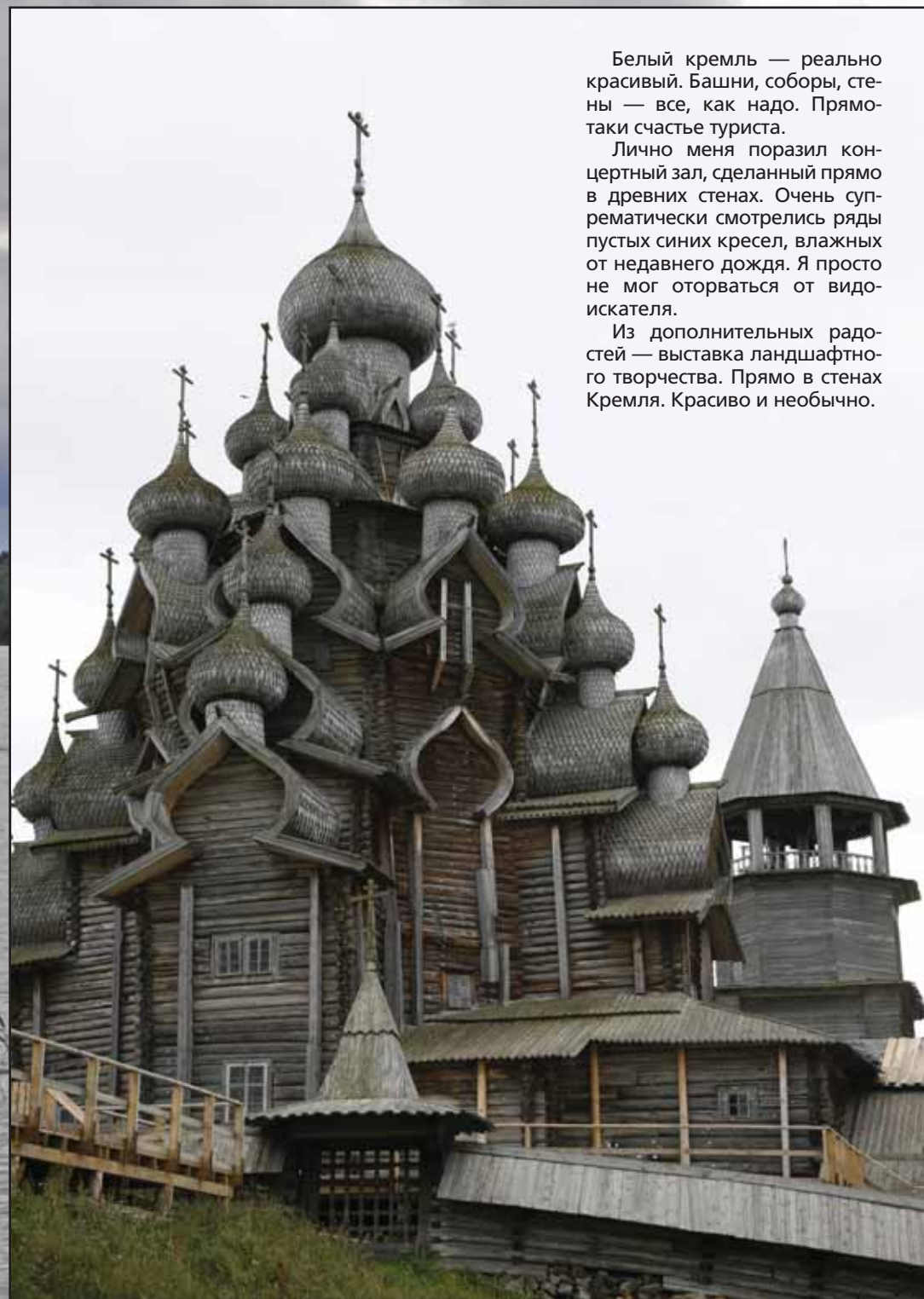
Там же прокатились на лодке. Переезд на другую сторону реки и обратно — 60 руб. «А просто 10 минут покататься?» — спросили мы. «Сто пятьдесят», — мгновенно сообщил ушлый лодочник. Но мы тоже не лыком шиты, рынком обучены. Нам какая разница, как кататься? Короче, покатались на тот берег. За шестьдесят.

Честное слово, это очень красиво! Будете в Тутаве — не забудьте съездить на тот берег и обратно.

ВОЛОГДА — ДА!

Уже перед сумерками приезжаем в Вологду и останавливаемся в гостинице, которая оказалась, на удивление, весьма приличной и незагруженной.

День второй. Утром сразу побежали осматривать достопримечательности.

Белый кремль — реально красивый. Башни, соборы, стены — все, как надо. Прямотаки счастье туриста.

Лично меня поразил концертный зал, сделанный прямо в древних стенах. Очень супрематически смотрелись ряды пустых синих кресел, влажных от недавнего дождя. Я просто не мог оторваться от видеискателя.

Из дополнительных радостей — выставка ландшафтного творчества. Прямо в стенах Кремля. Красиво и необычно.

Но надо торопиться, потому что предстоящий день должен стать весьма насыщенным и, кстати, первым днем, когда мы съезжаем с федеральной трассы на менее «продвинутой».

«ДА, БЫЛИ ЛЮДИ В НАШЕ ВРЕМЯ!»

Даже по пейзажу уже чувствуется, что мы теперь гораздо севернее, чем были сутки назад. И холоднее стало, и растительность изменилась. И пейзаж. Речки стали мелкими и каме-

нистыми, но, кстати, очень живописными.

И почти исчезли деревни и машины. Все-таки наша страна — такая огромная, что, стоит чуть отъехать от крупных городов, как население стремительно разрежается.

Мы, тем временем, подкатываем к городу Кириллову. В нем — две с половиной тысячи жителей, и здесь делают известный с древних веков лимонад. Это нам объяснила симпатичная девушка из сувенирной лавки.

Моя покупка оказалась весьма необычной: рожок из

коры, невесомый в руке, но гудевший, как сигнал магистрального грузовика.

А дальше начинаются настоящие открытия.

Конечно, более образованные люди — таких среди нас был ...один — много чего знали о Кирилло-Белозерском монастыре. Мы, к стыду своему, латали пробелы в образовании прямо на ходу.

Я такого действительно никогда не видел!

Это огромный Кремль. Крепость, которая, по рассказам экскурсовода, шесть лет оборонялась — и отбилась-таки! — от отступивших от Москвы

войск поляков. А жили здесь — в крупнейшем монастыре России — 1500 монахов.

Обитель разорили не иноземцы, а своя собственная государыня, решившая, что негоже трудовым ресурсам прозябать по монастырям, и ограничившая число насельников полутора сотнями. Такое их количество явно не соответствовало грандиозному хозяйственному потенциалу здешнего монастыря.

Сейчас его потихоньку восстанавливают, часть гигантской территории снова занята монахами.

Рассказ был бы неполным, если не упомянуть, что монастырь чуть не полностью окружен водой. Это все так

красиво, что возникает даже некая обида на свои творческие способности, не позволяющие запечатлеть увиденное в полной мере.

Нет, сюда обязательно надо приехать и посмотреть все собственными глазами!

ЭХ, ДОРОГИ...

А впереди у нас — Белозерск. Если верить путеводителю, самый древний город в здешних краях. А стоит он, соответственно, на берегу Белого озера, которое меньше Онежского, но, как и многие местные озера, вполне может сойти за небольшое море.

Из экзотики следует отметить паромную переправу через реку Шексна. До восьми вечера — проезд бесплатный, после — «коммерческий». Ощущения замечательные — тихий плеск волн, свежий речной ветерок и лучи солнца, пробивающиеся сквозь низкие облака.

Каждый бы день на пароме ездили...

Про Белозерск — да простят меня местные жители — ничего особенно не скажешь. Высокообразованные спутники — который один — тут же нашли резную каменную церковь какого-то столетия.

Меня же поразили огромные насыпные валы вокруг бывшей крепости. Местные сказали, что в нашем недавнем прошлом по этим валам ходили часовые, а внизу, под ними, ожидали своей участи сотни — или тысячи? — зэков.

Похоже на правду: мы приблизились к печально известному Беломорско-Балтийскому каналу, построенному в прямом смысле слова — на костях. Кстати, канал мы тоже пересекли во время своего путешествия, и не раз. В Белозерске он идет вдоль Белого озера, прямо по берегу.

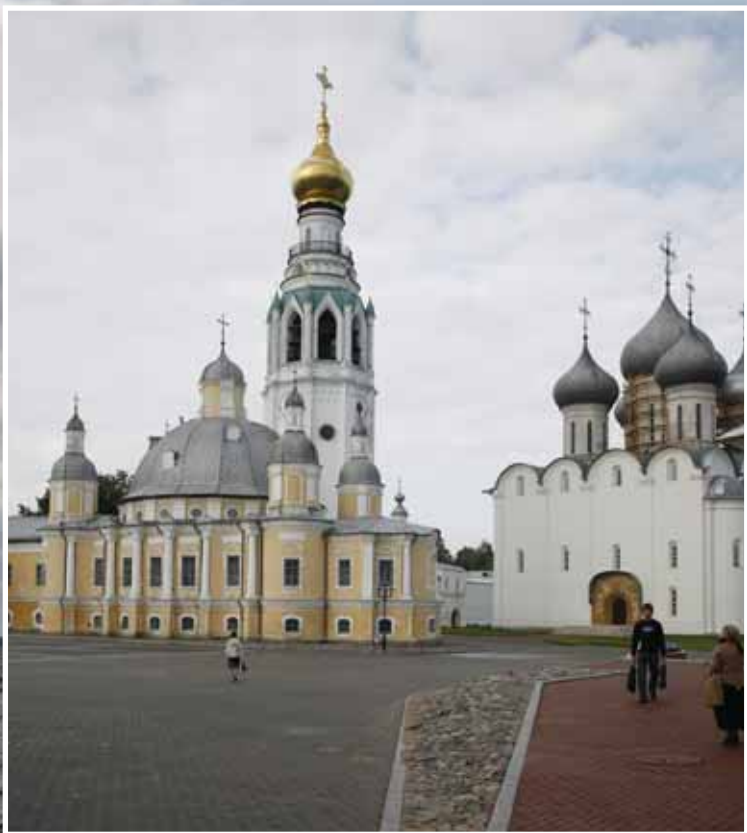
Из города выезжаем опять по грунтовке. Дорога — лесная и очень красивая. По ней мы катим до поселка Липин Бор, после которого вдруг попадаем... на отличную трассу! Абсолютно ровную, с четкой разметкой

и аккуратными обочинами. Правда, машин на ней практически не наблюдается. Чудны дела твои, дорожное ведомство...

Но счастье заканчивается за несколько десятков километров до Вытегры, городка, стоящего уже на берегу Онеги. Грунтовка здесь — сплошные ямы, ухабы, лужи.

Что касается самой Вытегры, то гостиница нашлась (в три раза дешевле, чем в Вологде), люди оказались приветливыми донельзя — нам едва удалось отбиться от приглашения съесть «калитку» — рыбный пирог размером с тележное колесо. А самое главное — по одной стороне главной улицы идут дома, а по

второй — стоят кораблики. Замечательный городок!

ЗАОНЕЖЬЕ — СТРАНА ЧУДЕС

День третий. Двигаемся дальше. Пейзаж по-прежнему лесной, гигантское озеро — рядом слева (поскольку мы объезжали его с юга на север через Пудож и Медвежьегорск), но почти не показывается из-за деревьев.

Зато хватает озер поменьше, причем — с обеих сторон дороги.

Пудож — славный городок, весь в зелени, и, разумеется, с собственной рекой. Жители, как везде на Севе-

ре — радушны и обходительны. И, на наш московский взгляд, очень неторопливы.

По дороге сворачиваем к Князь-озеру (с тем же успехом могли свернуть к любому другому — их здесь почти как сосен).

Двести метров — и мы на берегу. Деревенька — красивая, но местных жителей — четыре человека. Многие дома — совсем развалившиеся. Однако заметен и обратный процесс: избы с участками покупают люди из окрестных городов, Петрозаводска и даже Питера. Так что, сомнений, что эти красивые места возродятся, у нас даже не возникает.

Теперь мы покидаем трассу уже целенаправленно — в направлении Онеги. По карте — это прибрежная деревня Пяльма. Точнее, на карте их — две, с одним и тем же названием.

Дорога — по-настоящему лесная, а через небольшую, усыпанную валунами речушку перекинут деревянный мост, «усиленный» досками, обозначавшими колею.

Зато все это вознаграждается с лихвой: в деревне оказалась деревянная церковь XVII века, с серебряными от старости куполами, но по-прежнему собирающая жителей на молитву.

А еще — конечно же, деревянный, — дом местного жителя Ефима Поташева, 1906 года постройки. В нем и сегодня — в небольшой его части — живут потомки первостроителя. А в остальной — староста деревни, тоже Поташев, устроил настоящий этнографический музей. Благо, трехэтажная «изба» позволяет: по размерам покруче новорус-

ских сооружений. В «складской» части лошадь, чтоб не распрягать после разгрузки, могла разворачиваться с телегой.

Но дело даже не в размерах, нормальных для семей, где дети рождались почти каждый год. Меня поразила продуманность каждой детали, каждой мелочи. Как будто работали специалисты по эргономике, теплоснабжению, сопромату, логистике и еще десятку дисциплин.

Да, здесь настоящая крестьянская жизнь, основанная на опыте десятков поколений, вовсе не примитивна.

Здесь же, в Пяльме, спускаемся вдоль речки к Онежскому озеру. Набираем в ладони онежскую водичку, и, хотя она кажется теплой, купаться, почему-то, совсем не тянет — слишком уж суровой выглядит природа...

Далее проезжаем Повенец с памятником жертвам репрессий, затем — Медвежьегорск. Потом останавливаемся на часок, посмотреть на знаменитый карельский водопад Кивач, и, уже нигде не останавливаясь, едем до самого Петрозаводска.

БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ ЧЕРВЯК

День четвертый. С утра — Кижы. Оставив машину в порту, мы на «Комете» отбываем на знаменитый остров.

Ничего не буду писать о четырех часах в Кижях — ну, что нового скажешь о всемирно известной жемчужине архитектуры, кроме того, что она вновь заворожилась наши души?

А часов в шесть вечера мы уже выезжаем из Петрозаводска в сторону Питера.

Первую полноценную зеленую остановку делаем у Свят-озера, и наши маньяки-рыболовы начинают расчехлять удочки. Но, оказывается, для рыбной ловли необходим червяк. Страждущие облазили все, перевернув даже прибрежные камни, — червяков не было. Наконец

нашли одного, тощего, лежавшего на валуне в банке, оставленной, видно, предыдущими рыбаками. Беднягу быстро нацепили на крючок и бросили в воду.

А дальше пошел необычный процесс. Главное — не рыбку поймать — они клевали беспрестанно, — а спасти останки единственного червяка. В итоге, он, до полного объедания, героически принес нам восемь рыбок...

Уже вечерет, и в город Олонец мы прикатываем в темноте. Здесь и решили заночевать. А утром — обратно, домой, в столицу.

Возвращаясь из этого короткого, но очень насыщенного и довольно экзотического путешествия, мы вспоминаем слова песни: «Долго будет Карелия снится...»

А от себя я могу добавить: не только Карелия, но и весь русский Север.

И если вы хоть раз там побываете, то обязательно туда вернетесь... □

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

РАФАЭЛЯ

Ирина
ОПИМАХ

«Сикстинская мадонна» — символ красоты, незамутненной чистоты, символ эпохи Возрождения, вершина творчества гениального Рафаэля... Но вот чей облик запечатлен в небесных чертах Богоматери? Кто вдохновил художника на создание этого удивительного образа, в котором слились воедино и божественная непорочность, и женская прелесть? Хотя рассказывают, что муза Рафаэля отнюдь не отличалась благочестием и набожностью.

История создания этого шедевра, где правда тесно переплетена с мифами и легендами, да и последующая судьба картины, достойны научных исследований и остросюжетных романов...

В 1508 году Рафаэля, жившего тогда во Флоренции, пригласили в Рим участвовать в росписях папской резиденции, Ватикана. Мастеру нет еще и двадцати пяти, но он уже хорошо известен — этот юный, талантливый художник, никому не завидовавший, умевший искренне радоваться жизни, всегда окруженный друзьями и почитателями, успел к тому времени создать множество замечательных работ. Папе Юлию II рекомендовали его самые разные ценители прекрасного, и особенно — архитектор Браманте, работавший в Ватикане, и племянник папы герцог Делла Ровере из Урбино.

Тут, в Ватикане, Рафаэль создал свои прославленные фрески, среди которых — гениальная «Афинская школа». Работа была огромная, и вскоре Рафаэлю пришлось обзавестись учениками. Его любимым учеником, более того — верным другом, стал Джулио Романо, которому Рафаэль доверил расписывать стены самому, по его, рафаэлевым, картинам.

Ватиканские фрески отнимали много сил и времени, но Рафаэль все же не мог отказаться и от других заказов. И уж, конечно же, не мог он отказать своему давнему другу и покровителю, богатому купцу и банкиру Агостино Киджи, когда тот попросил

*Сикстинская
мадонна*

СУТЬ ВЕЩЕЙ

История одного шедевра

художника расписать его роскошную загородную виллу (позднее, в 1580 году, виллу купило семейство Фарнезе, и она стала называться «Фарнезина»).

Вскоре стены элегантной резиденции сеньора Киджи украсили ныне знаменитые фрески «Три грации» и «Галатей». Следующими должны были быть «Амур и Психея». Но вот беда — Рафаэль никак не мог найти подходящей модели для Психеи...

И вот тут начинается легенда — легенда о любви художника и прекрасной булочницы.

Однажды, гуляя вдоль берега Тибра, Рафаэль встретил очаровательную девушку. Через несколько минут он уже знал, что девушку зовут Маргарита, ей — 17 лет, ее отец — пе-

Так Маргарита стала натурщицей Рафаэля. Рассказывают, что первую же ночь после их встречи прекрасная римлянка провела в объятиях художника и оказалась, к его восторгу, весьма искусственной и пылкой любовницей. Рафаэль окончательно влюбился, уже не мысля жизни без своей чаровницы. Боже, какие замечательные картины он напишет благодаря своей восхитительной музе! И действительно, вдохновленный Форнариной, Рафаэль создал несколько настоящих шедевров, и среди них — «Сикстинская мадонна» — олицетворение чистоты и святости!

Спустя несколько дней, влюбленный Рафаэль снял для Форнарины красивейшую виллу в одном из римских предместий, одел ее в шелка и осыпал драгоценностями. Дочь простого римского пекаря зажила, как знатная дама.

В течение первого года их знакомства Рафаэль не мог ничего делать — он не отходил от Форнарины, не желая расставаться с ней ни на минуту. Эта дочка булочника просто околдовала художника. Киджи забеспокоился — ведь Рафаэль еще не закончил росписи в галерее его виллы. И тогда он предложил художнику поселиться вместе с возлюбленной в своей резиденции. Маргарита сразу согласилась на переезд — практичная римлянка смекнула, что в доме богатого банкира жить намного лучше, чем в жилище художника, а при удачном стечении обстоятельств можно обрести и его высокое покровительство...

Так Рафаэль и Форнарина оказались во дворце Агостино Киджи...

Образ Форнарины запечатлен во многих работах художника — она стала его любимой моделью. Он писал ее всюду, не отдавая себе отчета, что снова и снова рисует любимые черты. Вот она — на картинах «Донна Велата» и «Форнарина», а также «Мадонна дела Седия» и «Фригийская сивилла», героини фресок в Станце д'Элиodoro и виллы «Фарне-

Но вот беда — Рафаэль никак не мог найти подходящую модель для Психеи. И вот тут начинается легенда — легенда о любви художника и прекрасной булочницы

карь, по имени Франческо Люти, переехавший в Рим из Сиены. Художник тут же прозвал ее Форнарина, Булочница (forno — печь). Маргарита с отцом жили на виа дель Говьерно Веккьо в Трастевере (тут и сейчас показывают туристам дом с «окошком Форнарины», подобно тому, как в Вероне вас обязательно приведут к дому Джульетты). Рафаэль пригласил ее в свою мастерскую — уж очень ему захотелось написать ее портрет. Маргарита же, скромно потупив глазки, ответила, что надо бы спросить разрешения ее отца и жениха, пастуха в имении Киджи. Заплатив 3000 золотых монет, Рафаэль получил согласие отца рисовать портреты его дочери, а жениха, чтоб не мешался, отослали в ближайший монастырь Санто-Козимо.

*Донна Велата
(Женщина
в покрывале)*

Портрет папы
Юлия II

зина» — загадочная и притягательная, лукавая и искренняя, грешная и чистая. Женщина...

Рафаэль хорошо чувствовал женщин, умел ими восхищаться, любил их. Наверное, потому его героини, как замечал Вазари, и кажутся такими живыми, созданными из плоти и крови, а не написанными красками.

Правда, говорили, что Форнарина не отличалась верностью и не отказывалась дарить радости и самому Киджи, и ученикам Рафаэля. Вряд ли был верен своей возлюбленной и Рафаэль — пылкий, невожатый, остроумный и обаятельный, он всегда пользовался успехом у женщин, среди которых были самые разные красавицы и даже известные аристократки.

В 1512 году Рафаэль получил заказ от монахов скромного монастыря в маленькой Пьяченце — его попросили написать запрестольный образ для монастырской церкви Святого Сикста. У художника — множество заказов, он завален работой, но почему-то Рафаэль не отказывает монахам из далекой Пьяченцы, более того — он, который многое передоверял ученикам, берется за дело сам. Словно чувствует, что «Сикстинская мадонна» станет главной картиной в его жизни. Натягивает на подрамник — впервые в жизни — огромный холст, готовит кисти и краски. Он пишет свое завещание последующим поколениям, отправляет послание в будущее. И в этом послании — его боль и радость, его приятие жизни, его идеалы и высочайшие устремления души. Высокое Возрождение названо высоким и благодаря этому творению Рафаэля.

Здесь нет страстей Микеланджело, нет таинственности и недосказанности Леонардо — все предельно ясно и гармонично. Богоматерь несет своего Сына в мир людей. Она знает, что Ему предстоит, знает, сколь горька, но и прекрасна Его судьба. Знает это и Он — Иисус на Ее руках по-взрослому смотрит на нас, Он, этот Младенец, уже предвидит будущее. Мария словно парит в воздухе,

легкая, прекрасная, Она идет к людям, чтобы отдать им самое дорогое, что у Нее есть — свое дитя.

Конечно же, в чертах Мадонны — многое от Форнарины, но Мария — не дочь булочника, это мечта художника, в которой воплотились черты и Форнарины, и других женщин, встреченных им в жизни. Мадонна — идеал любви, красоты, жертвенности, добра... Но при этом и вполне живая женщина, мать, босая, как обычная крестьянка, она и ребенка своего держит, как крестьянка. Но на эту простую «крестьянку» с благоговением смотрит святой папа Сикст, он даже снял свою тиару и тут же превратился в обычного старика — все ничтожно перед лицом Богоматери и Ее Сына... Принявший мученическую смерть в 258 году и причисленный к лику святых, Сикст, покрови-

Он отправляет послание в будущее, последующим поколениям. И в этом послании — его боль и радость, его приятие жизни, его идеалы и высочайшие устремления души

тель пьяченского монастыря, словно просит милосердия и заступничества за всех, кто пришел к алтарю в этот скромный храм. По другую сторону от Богоматери почтительно склонилась святая Варвара, покровительница Пьяченцы. Эти две фигуры, и еще пара ангелочков, словно поддерживают Мадонну, делая композицию картины удивительно гармоничной. Все — и композиция, и краски, и тени — продумано так, чтобы заставить нас смотреть в полные печали и предвидения глаза Мадонны. Люди, будьте людьми, живите по Божьим законам, не умножайте зла, которого в жизни и так много, творите добро! В этом гуманистическом послании великого Рафаэля — глубоко

современное звучание картины, поистине шедевра на все времена.

Поняли ли монахи из Пьяченцы, что Рафаэль создал великое полотно — не известно, но картину они увезли, заплатив художнику, как и было договорено.

А жизнь Рафаэля и прекрасной Форнарины текла своим чередом. В трудах, но и развлечениях, до которых Рафаэль был большой охотник. Почему художник, обожая свою Форнарину, не женился на ней? Кто знает? Возможно, сыграли свою роль сословные предрассудки, а может, желание оставаться свободным — и для творчества, и для захватывающих новых любовных приключений. Но, скорее всего, Рафаэль боялся потерять покровительство пап — и Юлия II, и Льва X, а кроме того, кар-

все, кроме самого Рафаэля. Но шлились доброжелатели, открывшие художнику глаза на то, как Форнарина проводит время в его отсутствие. Любовь и ревность, бурная светская жизнь, а главное — напряженная работа (Рафаэль в последние годы жизни — признанный глава римской художественной школы, у него — огромное количество заказов Ватикана и римской знати, с которыми уже трудно было справляться даже с помощью учеников) вскоре подорвали здоровье гениального Рафаэля. Художник скончался 6 апреля 1520 года, в день своего рождения, в страстную пятницу. Говорили, что умер он в постели Форнарины, утомившись от любовных утех. (Вазари пишет: «после времяпрепровождения еще более распутного, чем обычно», Рафаэль вернулся домой в сильном жару.) Существует и другая версия — работая в римских катакомбах (он занимался также и археологией), художник простудился и подхватил лихорадку. Болезнь оказалась смертельной.

Весь Рим оплакивал художника. Его все любили. В Рафаэле счастливо сочеталось невероятное чисто человеческое обаяние и потрясающая творческая мощь. «При одном виде Рафаэля рассеивалось любое дурное настроение и любая подлая или злобная мысль вылетала из головы... Поистине именно благодаря ему мы обладаем единством искусства, цвета и замысла, доведенным до той вершины и того совершенства, о которых нельзя было и мечтать, и пусть не одна человеческая душа не думает о том, чтобы когда-либо его превзойти», — писал Вазари. Похоронили Рафаэля в Пантеоне. Тридцать семь лет было даровано ему судьбой, всего тридцать семь... Он прожил короткую, но, наверное, счастливую жизнь, наполненную творчеством, любовью, дружбой, обласканный властью, всегда занимавший тем, что ему было дорого и интересно. «Он творил всегда то, что другие только мечтали создать», — говорил о Рафаэле Гете.

Умирая, Рафаэль завещал Форнарине неплохой капитал — она

вполне могла бы вести приличную жизнь, но, видно, уж такова была ее природа — она прославилась как одна из самых знаменитых римских куртизанок. Правда, есть и другая версия — Форнарина была всегда верна и глубоко предана художнику, а после его смерти ушла в монастырь, где и умерла. У этой версии существует серьезное доказательство — итальянский ученый Антонио Валери обнаружил ее имя в списке монахинь одного монастыря, где она фигурирует как вдова Рафаэля.

А не так давно в прессе появились статьи о последних исследованиях другого итальянского историка Маурицио Бернаделли Куруза. Профессор утверждает, что Рафаэль все-таки женился на Форнарине — на ее портретах художник нарисовал на лбу любимой жемчужину; а такие жемчужинки назывались «ромашками», «маргаритками», и носили их замужние женщины. И недаром Форнарина, как гласят документы, называла себя, уходя в монастырь в 1520 году, вскоре после смерти художника, вдовой Маргаритой. Реставраторам удалось обнаружить на портретах и обрубчатое кольцо, впоследствии тщательно закрашенное.

Однако сейчас все это уже не очень важно. Законная жена или возлюбленная, преданная подруга или коварная изменница — прекрасная Форнарина навсегда останется в истории искусства и в памяти людей «невинным созданием с небесными чертами», запечатленным в образе всемирно известной Сикстинской мадонны. Рафаэль преподнес ей самый дорогой подарок — бессмертие!

Шли годы. В 1754 году «Сикстинская мадонна» была куплена у пьяченских монахов королем Августом III Саксонским для Дрезденской картинной галереи за 70 килограммов золота — 20 000 цехинов. Это было время, когда европейские монархи для повышения своего престижа считали необходимым собирать произведения искусства. Не отставали от

королей и саксонские курфюрсты, агенты которых старались заполучить для своих хозяев произведения искусства самых лучших мастеров. Вокруг продажи немцам «Сикстинской мадонны» в Италии разгорелся скандал. Чтобы его хоть как-то погасить, в алтаре церкви Святого Сикста установили срочно выполненную художником Нагари копию полотна.

Август III был счастлив, заполучив в свое собрание настоящий шедевр. С тех пор все, кто приезжал в Германию, обязательно старались побывать в галерее курфюрста, полюбоваться рафаэлевой Мадонной. Одни видели в ней художественное совершенство, другие — глубоко религиозное переживание, трети — решение нравственных проблем. Особен-

Именно благодаря ему мы обладаем единством искусства, цвета и замысла, доведенным до той вершины совершенства, о которой нельзя было и мечтать, и пусть ни одна человеческая душа не думает, чтобы когда-либо его превзойти. (Вазари)

но полюбили ее русские писатели, поэты, философы и художники. «Одной картины я желал быть вечно зритель», — писал Пушкин. Жуковский, придя в галерею, был поражен до глубины души. Настоящее чудо, говорит он, «проявление высшего благородства, созданное «не для глаз, а для души». «Перед глазами полотно, на нем лица, обведенные чертами, и все стеснено в малом пространстве, несмотря на то, все необъятно, все неограниченно... В Богоматери, идущей по небесам, не приметно никакого движения, но чем более смотришь на Нее, тем больше кажется, что Она прибли-

Монахи скромного монастыря попросили Рафаэля написать образ для монастырской церкви святого Сикста. Рафаэль словно чувствует, что «Сикстинская мадонна» станет главной картиной в его жизни

динал Библиена, его могущественный покровитель, прочил ему в жены свою племянницу Марию Довицио. Возможно, сыграло роль и то, что Рафаэль, как говорит Вазари, надеялся получить от папы тиару кардинала...

Наверное, Маргариту такое положение дел не очень устраивало. Не удивительно, что она частенько утешалась с другими ценителями ее пышных прелестей. В 1518 году в мастерской художника появился молодой красавчик Карло Тирабоччи из Болоньи, завоевавший особую симпатию прекрасной Форнарины. Вскоре уже вся округа знала об их связи —

жается». Огромное впечатление произвела Мадонна на Достоевского. Его герои реагируют на картину в зависимости от величия или ничтожности их души. Она — словно лакмусовая бумага, проявляющая их душевные свойства. Сам Федор Михайлович, как и другой великий русский писатель, Лев Толстой, имел дома репродукцию картины. По словам жены Достоевского Анны Григорьевны, выше всего в живописи муж ее ставил Рафаэля, а лучшим в его наследии считал «Сикстинскую мадонну».

Восхитила Мадонна и Белинского. Критик писал: «Что за благородство, что за грация кисти! Нельзя наглядеться! Я невольно вспомнил Пушкина: то же благородство, та же грация выражения... Недаром Пушкин так любил Рафаэля — он родня ему по натуре».

Почитали рафаэлев Мадонну и русские художники. «Чем больше

ясно, что войне скоро — конец. В это время начинается охота за немецкими шедеврами — в ней принимают участие и русские, и союзники. По указанию советского правительства, создаются трофейные бригады, которые ищут художественные ценности на оккупированных российскими войсками территориях. В этих бригадах работают известные советские искусствоведы. Найденные произведения должны украсить новый грандиозный музей в Москве, который создается на базе Государственного музея искусств и которому предстоит стать символом могущества сталинского режима. Два месяца солдаты и офицеры Красной армии разыскивали шедевры. Все найденное свозили в Пильниц — в летнюю резиденцию саксонских курфюрстов. Уже многое нашли — не было только «Сикстинской мадонны». Однажды в Пильниц привезли трехметровый деревянный ящик. Он так легко мог воспламениться, попади в него какая-нибудь бомба или граната. Или просто от случайной искры... Ящик открыли. На дне его был укреплен картон, а на рамке, покрытой войлоком, лежала Сикстинская мадонна — она смотрела своими прекрасными глазами на солдат, многое повидавших за эти страшные годы войны, и на искусствоведов, знавших, что такое настоящее искусство. И эти люди, пережившие ужасы войны, уже, казалось бы, не способные ничему ни удивляться, ни восторгаться, сняли перед рафаэлевой Мадонной свои пилотки и фуражки.

Спасенные сокровища отправляли в Москву, причем так, чтобы союзники и немцы об этом не знали. Осенью 1945 года в Москву была доставлена первая партия произведений искусства из Берлина и Дрездена. Картины были в ужасном состоянии, и лучшие советские реставраторы не щадили себя, приводя их в порядок, восстанавливали красочный слой, делали все, чтобы вернуть их к жизни. В октябре 1946 года сотрудники ГМИИ им. Пушкина подготовили вы-

смотришь, тем более чувствуешь непостижимость сих красот, — восхищался Карл Брюллов, — каждая черта обдуманна, переполнена выражения грации, соединена со стройнейшим стилем».

В 1939 году началась самая страшная война в истории человечества — Вторая мировая. Понимая, что поражение весьма вероятно, не полагаясь на везение и удачу, гитлеровцы, торопясь, спрятали шедевры Дрезденской галереи, как и другие сокровища страны, в совершенно непригодном для хранения картин месте — в штольнях, сырых шахтах под землей, старых замках.

Английские воздушные силы полностью разрушили Дрезден и знаменитый Цвингер, дворцовый ансамбль саксонских курфюрстов. В начале 1945 года всем уже было

Рафаэль преподнес Форнарине самый дорогой подарок — весь мир!

СУТЬ ВЕЩЕЙ

История одного шедевра

Женский портрет
(Форнарина)

Святая
Щецлия

ставку, на которой перед зрителями должны были предстать как трофейные, так и наши музейные шедевры. Одного Рембрандта тут было 15 полотен, Рубенса — 8. Но главным украшением выставки предстояло стать «Сикстинской мадонне». Уже напечатали пригласительные билеты, но вдруг почему-то выставку запретили. Трофеи собрали в двух залах музея — на стенах, снизу доверху, висели величайшие полотна мирового искусства из Дрездена, Готы и Лейпцига. И «Сикстинская мадонна» — среди них. Сюда, в эти секретные залы, допускали только по особому указанию маршала Ворошилова, «крупного» специалиста по искусству, а потому курировавшего культуру в Политбюро КПСС. Однажды в этот полузакрытый музей в музей пришел влиятельнейший помощник Сталина Поскребышев, после чего залы с трофеями закрыли для всех, кроме директора Пушкинского музея и реставраторов. Чего испугался Поскребышев? Об этом можно лишь догадываться. А трофейное искусство, в том числе и «Сикстинская мадонна», было окончательно засекречено и, таким образом, потеряно для мира. Почти на десять лет!

В 1953 году Сталин умер, в Кремле появились новые хозяева, и перед ними снова встал вопрос — что делать с ценностями? Начинаясь «оттепель», в стране менялся политический климат, и в 1954 году СССР подписал Гаагскую конвенцию «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта». К этому моменту единой Германии уже не было — их стало две: дружественная нам Германская демократическая республика (ГДР) и недружественная Федеративная республика Германия (ФРГ). За годы, прошедшие после войны, американцы успели вернуть Германии уже множество произведений искусства, СССР же довольно долго делало вид, что ничего о них не знает. И теперь советское правительство решает вернуть шедевры если не ФРГ, то хотя бы своим друзьям по идеологии — ГДР. В 1955 году карти-

ны Дрезденской галереи возвращаются домой. Вернулась в Дрезден и «Сикстинская мадонна».

3 июня 1956 года посетители Дрезденской галереи, восстановленной после страшных бомбежек, смогли увидеть ее сокровища. И самую боль-

Высокое Возрождение названо Высоким и благодаря этому творению Рафаэля

шую жемчужину живописного собрания — «Сикстинскую мадонну» Рафаэля.

С тех пор в галерее, одной из лучших собраний мира, побывало множество людей. И каждый из них долго стоит перед рафаэлевским шедевром, глядя в глаза Богоматери, покоренный Ее великой Красотой.

Прошло столько времени со дня пришествия ее в мир людей, но Она по-прежнему идет к нам, несет на руках Свое Дитя, готовая отдать Его в жертву, и просит — сохраните в себе Любовь, будьте добрее, чище, лучше, мудрее.

Но вот слышим ли мы Ее голос и голос Ее создателя, великого Рафаэля?.. □

Иллюстрация Сергея Павлова

Андрей Седых (настоящее имя — Яков Цвибак, 1902—1994) — заметная личность в литературе и журналистике русского зарубежья. В 1919 году он окончил гимназию в Феодосии и нанялся матросом на пароход, отправляющийся в Болгарию. А дальше — популярный путь русского эмигранта: Стамбул—Италия—Париж.

В Париже, где он обосновался, ему удается окончить Парижский университет. Вскоре он становится парламентским корреспондентом крупнейшей парижско-русской газеты «Последние новости». Помимо отчетов о работе парламента, он

публикует свои рассказы и очерки, которые сразу же привлекли внимание А.И.Куприна, подтолкнувшего молодого журналиста к написанию книги «Париж ночью», и в 1928 году, с предисловием того же Куприна, эта книга выходит. А спустя двадцать лет вышла книга «Звездочет из Босфора» (предисловие к ней готовил Иван Бунин). С Буниним писателя связывала многолетняя дружба (известно более ста писем Бунина к Седых), а в 1933 году Седых практически выполнял роль секретаря при Бунине во время его поездки в Стокгольм для получения Нобелевской премии. В 1941 году Седых бежал из оккупированной Франции, а в

1942, попав в США, он сразу же начал сотрудничать в газете «Новое русское слово», а с 1973 года стал ее главным редактором. Он написал еще много рассказов и очерков, опубликовал книги «Замело тебя снегом, Россия», «Крымские рассказы» и другие. А в своей книге «Далекие, близкие» он рассказал о встречах со своими знаменитыми соотечественниками — Куприным, Буниным, Шаляпиным, Волошиным, Глазуновым, Рахманиновым.

В России, к сожалению, этот автор почти неизвестен. Мы предлагаем вашему вниманию два рассказа Александра Седых, написанных в эмиграции.

МИССИС

КАТЯ ДЖЭКСОН

Рассказ этот приходится начать в духе бульварного романа: мы сидели в баре на 57-й улице и пили какую-то подозрительную бурду, причем мне показалось, что бармен сильно приналег на джин, — коктейль его был довольно крепкий. После третьей рюмки Катя слегка опьянела. Потом я думал, что, если бы не это случайное обстоятельство, я никогда не узнал бы

истории миссис Джэксон — так Катя официально именовалась в своих бумагах... Повторяю — началось все это в духе бульварном, и этот полутемный бар для парочек, и бармен, не замечавший того, что творилось кругом, — вульгарно было все, кроме самой Кати. Удивительные были у нее глаза — какой-то прозрачной синевы, — такие глаза я видел только у эстонки, а она была русской, совсем русской, вероятно, откуда-то из Орла или Полтавы. Было в ней что-то очень чистое и хорошее, — может быть, ее молодость, эти глаза или чуть вздернутый нос, — была она хороша спокойной, русской красотой.

Все в ней было очень просто и ясно, ничего «фатального», и, когда она начала рассказывать свою историю, я удивился, — уж очень вышло необычно: провинциальная русская девушка, десятилетка, прогулки с подружками на берегу Днепра — и вдруг заколоченные теплушки, немецкие часовые, бесконечное путешествие, голод, жажда.

— Это в прошлом, и вы, верно, уже тысячу раз слышали такие рассказы. Лагерь для рабочих с востока, грязные нары в три этажа, холод, сырость, ведра с тепловатой водой, в которой плавают капустные листья, и по вечерам, после изнурительного дня работы, ломоть хлеба и убогий кусок колбасы-эрзаца... Нас было несколько девушек из одного города, мы держались вместе, и теперь я с удивлением вспоминаю, что во всем этом аду мы не растерялись. Крепкая у нас была спайка, самые сильные поддерживали слабых, и в свободный день, после стирки, после приборки барака, мы еще собирались где-нибудь в углу лагеря и читали друг другу по памяти стихи, — представляете себе «Незнакомку» в зловонном беженском бараке? Но это помогало, появилась внутренняя, духовная жизнь, и легче было переносить все наши невзгоды. Очень скоро к этим невздам прибавились новые: шли бомбардировки, соседний город горел, завод, на котором мы работали, уже был наполовину разрушен, и мы теперь уже работали не на производстве, а были заняты очисткой улиц от развалин, от груд щебня и кирпичей. Во время налетов немцы не пускали «остов» в бомбоубежище. Приходилось прятаться, где придется, и иногда мне казалось, что все уже кончилось: сейчас, сию минуту, свистящая над головой бомба ударит в меня, и ничего не останется, — и не нужно будет ворочать камни голыми руками, не придется больше спать в бараке на нарах и есть суп с капустными листьями...

Катя помолчала, потом слегка потерла виски своими тоненькими, почти детскими пальцами, и я подумал: неужели вот этими самыми беспомощными руками она ворочала на мостовой камни?

— ... Знаете, мне иногда еще теперь по ночам снится резкий, пронзительный свисток, по которому мы вскакивали на работу. Еще ночь, предрассветный ледяной холод, тяжелый сон, сквозь который продолжаешь чувствовать ломоту и усталость во всем теле, и вдруг этот протяжный, с трелью свисток, возвращение к проклятой жизни!

И наступил удивительный день, когда свисток не раздался. Наши немецкие надзиратели накануне благополучно сбежали, бомбежка прекратилась еще дня за два до этого, и мы знали, что с минуты на минуту могут прийти американцы. Они пришли только к вечеру, — колонна запыленных джипов с усталыми мальчиками в касках, надвинутых на воспаленные глаза. Спросили, где немцы, и куда-то уехали, объяснив нам через переводчиков, что мы теперь свободны и скоро вернемся на Родину... Так омрачилась моя первая большая радость в жизни, — на Родину я возвращаться не собиралась. Рассказ выйдет слишком длинным, если объяснять, почему именно. В общем, вы все это знаете, а самое главное — это то, что я была очень молода и очень хотела жить для себя, хотела просто человеческой жизни, а возвращаться домой было страшно: знаете этот старый анекдот, когда надо доказывать, что ты — не верблюд...

Драма началась месяца через три. К этому времени наш лагерь оказался в английской зоне, и к нам прибыла советская репатриционная комиссия. Несколько сот человек уехали домой добровольно. Я осталась с теми, кто уехать отказались, и вдруг среди нас обнаружили поляки, не знавшие ни слова по-польски, латыши из Тамбова, — у них были какие-то фантастические бумажки с печатями, а те, у кого бумажек не оказалось, прятались от репатриантов в лесу или уходили из лагеря куда глаза глядят. Вы слышали о насильственных выдачах на основании ялтинского договора? Не знаю, как это рассказывали в американских газетах, но на практике это выходило так: приезжали грузовики с красноармейцами. Лагерь окружали, и люди, считавшие себя смертниками, запирались в бараках, пели «Со святыми упокой», перерезывали себе вены на руках или лезли в петлю: так скоро и сравнительно безболезненно. Во всяком случае, лучше десяти лет принудительных работ на строительстве.

Англичане выдавали нас холодно, методично и безжалостно. Делегатам от барачников объясняли, что они бессильны, — решение о репатриации Ди-Пи было принято где-то в высших сферах. Для высших сфер мы не были живыми людьми, которых посылали на верную смерть, а попросту неприятной статистикой.

Наступила зима. Я хорошо помню, что в этот день выпал первый снег, прикрыл каменную, давно промерзшую землю. Утром я вышла из барака и пошла к канцелярии, — кто-то на ходу мне бросил, что вывешены новые листы репатрируемых, и что за ними сегодня приедут... И первое, что я увидела на листе, было мое имя.

Я прочла его несколько раз, машинально, почти бессознательно, как будто речь шла не обо мне. Ждала этого и боялась. И вот — свершилось. Теперь, сегодня же, через час или два — конец. Опять грузовики с конвойными, теплушки, следственная комиссия, ссылка... Или умереть сразу, — больше никогда не дышать свежим, морозным воздухом, больше никогда не видеть этого белого, чистого снега.

Сейчас очень трудно понять, что происходило тогда со мной. Помню, я металась по лагерю, — переходила от одной группы к другой и о чем-то говорила с такими же обезумевшими от страха и горя людьми. Потом я повернула к барачнику коменданта, покружилась у крылечка, не зная, что предпринять, и машинально вошла внутрь. В сенях сидели солдаты, говорили о каких-то своих делах и, должно быть, один из них рассказал что-то смешное, потому что все покатились со смеху. Как они могут смеяться сегодня, в такой день, когда я хочу умереть? Очевидно, солдатам это не приходило в голову, они жили своей, обособленной жизнью, и, верно, им ужасно опротивела война, и лагерь, и они считали нас виновниками того, что их держат в этом тоскливом месте, где нет даже приличного кинематографа или клуба... Один повернул голову и спросил на ломаном немецком языке:

— Вы — к дежурному офицеру?

Я не знала, к кому и зачем я пришла, — мне нечего было терять. И я ответила:

— К дежурному офицеру.

Солдат вошел в соседнюю комнату, пробыл там несколько секунд, и потом дверь растворилась, — он пропустил меня в комнату дежурного. Я помню, что комната была чисто выбелена, в углу стояла докрасна накаленная печурка, были какие-то полки с бумагами и посреди комнаты — стол. За столом сидел капитан с орденовыми лентами на кителе.

В первый момент я его не очень рассмотрела. Ему было, вероятно, лет тридцать пять, может быть, и меньше. Лицо было усталое, глаза грустные, и на лбу пролегли две глубокие морщины. Позже, когда я тысячи раз

старалась вспомнить его черты, мне казалось, что было в его внешности что-то необыкновенное, но что — до сих пор не могу понять.

Он показал на стул, внимательно меня оглядел и помолчал, ожидая, что я скажу.

— Мое имя значится в списке подлежащих репатриации, — сказала я.

Он одобритительно кивнул головой и продолжал молчать.

— Я не хочу возвращаться в Россию.

— Почему?

Я сказала, что у меня в России никого не осталось. Нет больше дома и семьи, и я боюсь, — из меня, которую едва не замучили немцы, сделают на Родине государственную преступницу, заморят в каком-нибудь концлагере... Мне очень хотелось что-то сделать, броситься перед ним на колени или заплакать, умолять, заклинать, а вместо этого я сидела на стуле, грелась у печки и что-то говорила, а он слушал внимательно и грустно. Тепло разливалось по всему моему телу, я как-то вся разомлела и под конец все-таки заплакала — это случилось, когда я сказала, что покончу с собой, но не уеду из лагеря.

Капитан о чем-то думал. Мне даже показалось, что он не слушает меня и мысленно находится совсем в другом месте, думает о чем-то своем. Кажется, он задал мне несколько вопросов — кто я, откуда, есть ли у меня родные или жених? Я перестала плакать и отвечала на его вопросы очень односложно и точно. Капитан закурил, между ним и мною образовалась голубоватая дымчатая пелена, и остальное показалось мне нереальным, бредовым, — так все это произошло ужасно быстро и неожиданно.

— Я бы хотел помочь вам, — сказал капитан. — Вы должны перестать быть советской гражданкой. У вас очень мало времени, — репатриационная комиссия прибывает в два часа дня, а сейчас уже около одиннадцати... Очень мало времени, но и это можно преодолеть, если действовать быстро и решительно. Я вижу единственный выход из положения: вы должны стать женой англичанина. Только тогда вас не выдадут.

— Значит, все пропало, — вслух подумала я. — Никакой англичанин на мне не женится, — да еще сейчас, вот так, немедленно.

— Мое имя — Джэксон. Капитан Хауэрд Джэксон... Если вы хотите, я могу на вас жениться.

Мне было ужасно жарко, — должно быть, от печки. И я не знала, начать ли мне снова плакать или смеяться. Капитан Джэксон смотрел на меня вопросительно и очень спокойно, и по его глазам я видела, что он не шутит, а выполняет какой-то важный акт в своей жизни, может быть, искупает какую-то вину или просто хочет сделать доброе дело.

Я раскрыла рот и хотела что-то сказать, но он поднял руку и показал, что еще не закончил:

— ... Я ничего о вас не знаю, и вы ничего не знаете обо мне, но в данном случае это не имеет большого значения. Брак наш будет, если можно так выразиться, чисто формальным. Сегодня вечером я вылетаю в Англию и, по всей вероятности, сюда не вернусь. Вы больше никогда в жизни меня не увидите и ничего обо мне не услышите. Я попрошу вас никогда не предпринимать ничего, чтобы найти меня... Вы согласны?

В этот момент я уже не хотела ни смеяться, ни плакать, — я была близка к обмороку. Вероятно, я кивнула головой, потому что он поднялся, попросил его извинить и сказал, что придется обождать несколько минут, — нужно предупредить полковника и лагерного «чэплена». Он ушел, я сидела, как каменная, все еще плохо соображая, — на столе тикали небольшие часы в дорожном кожаном футляре, и я отчетливо еще сейчас слышу, как они отсчитывали ход времени. Было, вероятно, около двенадцати. В окно я видела, как дежурные пронесли ведра с дымящимся супом, и к баракам,

смешно подпрыгивая на снегу, пробежал лагерный пес Каштанка... Начал падать мелкий снег, очень медленно, нерешительно. Тикали часы. Капитан Джэксон не возвращался. С того времени, как он вышел, прошла целая вечность.

Дверь открылась, и в комнату вошел полковник, еще молодой, с сидящими висками и коротко подстриженными усами, и священник в военной форме с крестом на рукаве. Хауэрд был третьим. Полковник приветливо улыбнулся, подал руку и поздравил. Он спросил, как «спеллируется» моя фамилия, — этого слова я сразу не поняла, я тогда еще плохо говорила по-английски.

Они позвали из передней сержанта, который присел за пишущую машинку и под диктовку полковника написал акт о вступлении в брак. Мы стали у стола. Полковник прочел акт и спросил, согласны ли мы, и при этом быстро взглянул на Хауэрда, который твердо ответил, что согласен, и, должно быть, я тоже ответила, — но теперь не могу вспомнить. Священник что-то прочел из молитвенника, сказал несколько слов, и нас поздравил. Я стала миссис Джэксон, женой английского офицера, и с этого момента никакие репатриационные комиссии мне не были страшны...

Полковник пригласил нас к себе на завтрак. Он жил в частном доме, по соседству от лагеря. Я молчала, ничего не ела и почти ничего не понимала, — офицеры говорили между собой о вещах мне чуждых и непонятных, и только в конце обеда, когда подали вино, полковник провозгласил тост за новобрачных, — все встали и чокнулись с нами.

Около двух часов дня сержант доложил, что прибыла советская репатриационная комиссия, ожидающая в канцелярии. Полковник извинился, — ему нужно присутствовать при операции. Мой муж взглянул на часы и, в первый раз за все время, с видимым смущением сказал:

— Мне нужно идти укладываться... На аэродром следует приехать заранее. Простите, я тоже вас оставляю. Вы больше ничем не рискуете. Вам будет выдана копия брачного свидетельства. Желаю счастья...

Он пожал мне руку и вышел. И я ушла, но не в лагерь, у ворот которого уже стояли советские грузовики, а куда-то прямо перед собой. Я шла по заснеженным улицам полуразрушенного германского городка и повторяла имя моего мужа. Я отдала бы в эту минуту все на свете, чтобы он остался со мной навсегда. Не знаю, что стало с Хауэрдом Джэксонем. Не знаю, где он, что с ним. Все это теперь — как в тумане, и временами мне кажется, что я не узнала бы при случайной встрече на улице человека, который спас мне жизнь.

TAKE IT EASY

Жизнь Алексея Колесова была простая и несложная, и, когда он умер, в газете напечатали небольшое объявление, по которому чужие люди равнодушно скользнули глазами и тотчас же о нем забыли: мало ли кто умирает на свете? Должно быть, по этой же причине, полной неизвестности и отсутствия общественных заслуг, не поместили о нем и некролога, — в отделе хроники появились только две строки о том, что в Нью-Йорке скончался А.И.Колесов, выходец из Волынской губернии. Но для самого Алексея Ивановича собственная его жизнь представлялась необычайно длинной и сложной, цепью бесконечных дней и событий, полных глубокого значения, и были в ней элементы даже героические, никого, впрочем, не интересовавшие. Есть такие элементы в биографии каждого эмигранта: война, революция, бегство из России. В эти немногие слова можно вложить большое содержание. Одни пишут многотомные мемуары, из которых становится ясно, что их авторы все предвидели и все правильно предсказали; другие снисходительно молчат, раз навсегда решив, что рассказы об арестах, ночных допросах в Чека и эпизоды гражданской войны давно всем набили оскомину и никого больше не интересуют.

Именно к числу этих людей относился и Алексей Колесов. В первые годы своей эмигрантской жизни он еще пытался рассказывать приятелям, как пробирался в двадцатом году через Украину к себе домой, как ехал в сыпнотифозных вагонах, как сражался потом на Перекопе и переходил вброд солончаки под пулеметным огнем, но почему-то слушатели очень быстро его перебивали и немедленно начинали рассказывать свое: «Это что, а вот у меня был случай!..» И тогда уже наступал черед Алексея Ивановича их не слушать. Поэтому рассказ о его жизни мы начнем прямо с того зимнего, снежного дня, когда пароход с беженцами пришел в Нью-Йорк, и Алексей Колесов с фибровым потертым чемоданчиком в руке очутился на набережной.

В шумной, суетливой толпе на него решительно никто не обращал внимания. Люди отыскивали родственников или друзей и, после первых минут беспорядочных объятий и лобызаний, забирали свои вещи и быстро исчезали. Русских увозили в какое-то общежитие при церкви. Колесов уже собирался сесть в автобус, заполненный земляками, когда прошел слух, что тут же, на набережной, берут на работу: нужны люди для уборки снега, выпавшего за ночь.

— Вот так страна! Не успел человек сойти на берег, — уже работу ему предлагают, — сказал кто-то в толпе. — Одно слово: Америка!

Колесов отдал свой чемодан знакомой семье, ехавшей прямо в общежитие, а сам направился к группе людей, в центре которой стоял высокий, толстый человек в странной клетчатой куртке, что-то говоривший по-английски. Поляк-переводчик объяснял:

— Тщеба зберать снег лопатами... Два доллара джение.

Когда набралось два десятка желающих работать, толстяк повел их за собой. Вышли на улицу, и Алексея Ивановича удивило, что дома какие-то низкие, а не небоскребы, как он ожидал, и довольно невзрачные: все больше из кирпича или из коричневого камня, и по фасадам зигзагообразно спускались уродливые пожарные лестницы. На них лежал совсем еще белый, пухлый снег. А на тротуарах и посреди мостовой снег был уже притоптан и напоминал противную бурую кашу, разлетавшуюся во все стороны из-под колес проезжавших мимо автомобилей. Скоро они подошли к воротам какого-то склада, где томилось уже много других плохо одетых и промерзших людей; все они переминались с ноги на ногу, и у всех обувь давно отсырела, набухла от воды, и это придавало им особенно несчастный вид. Им выдавали лопаты, кирки и, разбив на небольшие группы, отправляли на работу.

В группе Алексея Ивановича, которой командовал тот же толстяк, других русских не было. Он сразу оказался человеком без языка. Рабочие посадили на грузовики и долго везли по широкому, заснеженным бульварам. Когда приехали на место, толстяк объяснил, что снег с тротуаров нужно сбрасывать на мостовую. Собственно, объяснений его Колесов не понял, а просто стал делать то, что делали другие, — шаркал лопатой по асфальту, поднимал пласты снега потолще и широким жестом сбрасывал их на середину мостовой.

Снова пошел снег, но работа не прекратилась, и Колесов подумал, что американцы — большие чудачки, — зачем чистить улицу, когда через час снова насыплет сугробы? За работой он быстро согрелся, скинул пальто и, бодро работая лопатой, думал о том, как хорошо все складывается: первый день в Америке, и уже работает, а вечером получит за свой труд два доллара. При мысли этой он даже засмеялся от удовольствия и еще веселей принялся сгребать снег.

Толстяк, наблюдавший в сторонке за работавшими, медленно подошел к нему и сказал:

— Take it easy, Alex!

Фразы этой Колесов не понял, как не понял и того, что из Алексея Ивановича он вдруг превратился в Алекса. С непривычки, вероятно, обиделся бы.

«Языку надо выучиться поскорей, — думал он. — А то не поймешь, чего этот дядя по-своему пролаял».

Дядя хотел, чтобы Колесов не слишком старался, — другие за ним не поспевали. Простояв минут пять, он снова подошел, но на этот раз уже с недовольным выражением лица, и снова повторил все ту же короткую и загадочную фразу:

— Take it easy!

На этот раз Колесов сообразил, что им недовольны, и это обидело и огорчило его.

— Полегче, Алекс!

«Ишь ты, — думал он, — как будто стараюсь, сил не жалею. Другие просто ни черта не делают, как мухи осенние шевелятся, еле лопаты поднимают. А я уж сколько расчистил! Ну, конечно, видят — человек новый и старается выжать из него как можно больше. Ладно, я уж покажу вам, как наш брат, русский, работает!»

Поплевал Алексей Иванович себе на ладони, взялся снова за лопату и, раз, по его мнению, в дело был замешан престиж русского имени, пошел работать так, что пот градом с него катился. Поднимал на лопату громад-

ные комья снега, лихо отбрасывал их на самую середину мостовой и чувствовал себя при этом не то жертвой американской эксплуатации, не то заслуженным героем труда. А в это время над героем труда собиралась настоящая гроза. Другие, за ним не поспевавшие, уже бросили работу, опирались на лопаты и неодобрительно поглядывали на этого «чудо-богатыря», явно решившего завоевать Америку. И толстяк, ни к кому специально не обращаясь, сказал, что он уже дважды советовал этому сумасшедшему работать полегче, чтобы другим не портить и не умереть от разрыва сердца, и что таких ему в группе не нужно. Выплюнув изо рта окурки сигары, он подошел к Колесову, забрал у него из рук лопату и лаконично сказал:

— Уходи. Довольно.

Так Алексей Иванович потерял свою первую работу в Америке. Но прошло еще немало времени, прежде чем он разобрался в смысле происшедшего и понял, что означают слова *take it easy*, которые он впоследствии так часто слышал на работе и к которым все же никогда не смог привыкнуть. Работал он всегда тяжело, немного по-мужицки, ни от какого труда не отказываясь: месил цемент на стройке домов в Бруклине, был разборщиком, пока не свалился со стены и не сломал ногу; после этого случая пришлось малярствовать, потом работал на спичечной фабрике, мыл бутылки на пивоваренном заводе. Почему-то Колесов нигде долго не задерживался, и всегда поражала его та легкость, с которой человека выгоняли с работы: протягивали несколько заработанных долларов и просто говорили: «Алекс, завтра не приходи. Больше не надо». И при этом не принимали во внимание ни то, как он старался, ни что был он человеком серьезным, непьющим и аккуратным. И почему-то очень часто увольняли его, а на работе оставляли лентяев, умевших ладить с начальством.

Так проходили годы. Позже, лежа на больничной койке, Алексей Колесов старался припомнить самые важные события из своей жизни и всегда удивлялся, как мало сохранилось их в памяти и как ровно, спокойно, а главное, быстро прошли эти тридцать с лишним лет в Америке... Года через три после приезда в Нью-Йорк он познакомился на вечеринке в Русском клубе с простой и приветливой русской женщиной, недавно овдовевшей и не знавшей, как ей жить дальше. Роман с Машей вышел несложный. Он пригласил ее два раза в кинематограф, погулял как-то в воскресный день под ручку в Центральном парке и во время этой прогулки серьезно и деловито изложил свои взгляды на жизнь. Она всплакнула, вспомнив о покойном муже, и сразу согласилась. Месяц спустя они обвенчались.

Маша убирала и стирала, работала по богатым домам, и она научила его копить деньги, откладывая доллар за долларом. Скоро появилась у них и квартирка — комната с кухней, свой угол, и пришлось обзавестись кое-какой мебелью, купленной по случаю у старьевщика. Жили они хорошо, оба работали, а по воскресеньям принимали друзей, больше холостяков из общегития, в котором жил до свадьбы Колесов. Один из них был земляк-белорус, громадный и неповоротливый, как медведь, которому всегда было тесно в комнате. Он приносил с собой вино и, отдавая его хозяйке, говорил:

— Выпейте румку!

А другой был кубанский казак Шило, которого все почему-то называли станичником. Любил он к самому концу обеда пригорюниться и поговорить по душам. Глядя на счастливую семейную жизнь Колесовых, Шило пил, закусывал домашним пирогом с мясом и, когда бутылка была осушена, вытирая выступившие слезы на глазах, говорил:

— Алеша, исхожу я тоской: гибнет зря мужская сила... Найди мне жену, Алеша!

— Чего ж ты сам не найдешь?

— Не умею я... Ходил в газету, адвертаймент пустил. Статейка такая: ищу, мол, хорошую женщину, цель — брак. Думал я, — откликнется родная душа, народит мне казачат, и буду я рассказывать им про родную Кубань, про поля наши и нивы. Так ничего же не вышло. Найди, брат, жену, — какую можешь, хучь еврейку!

А что же стало с Шилов и с земляком-волынцем? Что стало со всеми людьми, которых знал он когда-то, со старыми соратниками, что встречались раз в год в церкви, на молебне по случаю полкового праздника, с людьми, которые приехали в Америку на одном с ним пароходе, со всеми теми, с кем работал он долгие годы, делился надеждами и пил вино? Всех их разметала куда-то жизнь, разбросала по разным углам. Большой город Нью-Йорк — люди приходят, уходят, исчезают на веки вечные... Что же было потом? Лет через шесть или семь получил Колесов вторые бумаги и стал американским гражданином. Как волновался он тогда, перед экзаменом! Вызубрил все ответы, знал все — и сколько есть сенаторов, и все добавления к Конституции, и что именно празднуется Четвертого июля, а судья спросил только:

— Были ли вы когда-нибудь коммунистом?

— Контрари! — ответил, волнуясь, Алексей Иванович.

Вскоре после этого он получил свидетельство об американском гражданстве и, по совету хозяина мастерской, в которой тогда работал, переименовал для краткости свое имя, — из Колесова превратился в мистера Коллс, но имя это значилось только в бумагах: при знакомстве называл себя прежней, русской фамилией.

Что же было в жизни Алексея Ивановича? Какую радость доставил первый автомобиль, купленный в кредит! Это был слегка устаревший «форд», сделавший уже около тридцати тысяч миль, но внешне машина выглядела вполне прилично, и Колесов даже упросил приятеля сфотографировать его с женой в машине, за рулем... Эх, если бы можно было послать эту карточку домой, в Россию! Но в России уже никого не осталось в живых, письма больше никогда не приходили, и острота тоски по дому, от которой так страдал он в первые годы, постепенно притупилась и начала носить искусственный характер. На банкетах в Русском клубе принято было говорить о любви к старой Родине, — обязательно с большой буквы, — но Колесов где-то в душе чувствовал неискреннюю напыщенность этих фраз и, возвращаясь домой, думал, что многие из тех, кто твердят на эмигрантских собраниях и банкетах о любви к Родине, не захотели бы вернуться в Россию даже после свержения советской власти. Россия незаметно стала для них чужой, непонятной, а здесь сложилась уже прочная, спокойная жизнь, и квартира с ванной и горячей водой, и вот этот «форд», на котором в праздники они выезжали из Нью-Йорка и колесили по шоссе дорогам Америки, так напоминающим цветущие парки.

Незадолго до второй войны Колесовы обнаружили, что после двадцати лет упорного труда и экономной жизни они собрали изрядную сумму денег, лежавшую в сберегательной кассе. Именно в это же время, выезжая за город, они начали присматривать для себя домик с садом, — это была их давняя мечта, глухое желание «сесть на землю» и хоть на старости лет пожить, как старосветские помещики. Рисовался им небольшой, но крепкий дом, фруктовый садик и огород с пониженными от жары головками подсолнухов, и деревянный стол под яблоней у самой террасы, за которым в летние дни можно будет распивать чай с домашним вареньем.

Домик они купили в Коннектикуте, в полутора часах езды от города. Был он не совсем такой, как они мечтали, — неказист, староват, без особых удобств и всего пол-акра земли, — все больше аккуратно подстриженная травка, американский газон, которым очень гордился бывший владелец. Ни огорода, ни развесистой яблони не оказалось, но было несколько ста-

рых каштанов, дававших порядочную тень. В три года все в этом доме и в саду изменилось. Алексей Иванович оказался неплохим плотником и мастером на все руки. С помощью соседа он пристроил к дому террасу с сеткой от комаров и мошкеры, и на террасе этой, сообщавшейся с кухней, летом помещалась столовая. Выяснилось, что у американцев не принято обедать в саду, — разве только по случаю специального пикника, и тогда обязательно с сосисками, жареными в садовом очаге; но такого очага у них не нашлось, и есть пришлось внутри дома, да и мухи, таким образом, не разводились. Во время двухнедельного отпуска, а кроме того, по субботам и воскресеньям, работали они с утра до ночи. Вечно что-то нужно было покрасить, заменить испортившиеся трубы, починить протекавшую крышу... Садом заведовала жена. В глубине, за домом, был разбит огород, на котором выращивали сладковатые на вкус русские огурцы, помидоры и даже дыни и, конечно, не были забыты и подсолнухи. Сосед-американец не мог понять, как мистер и миссис Коллс лузгают семечки и что находят они вкусного в этой пище, предназначенной не для людей, а для попугаев. Из большого садоводства выписали каталог, серьезно все изучали и заказали наконец несколько фруктовых деревьев-пятилеток: яблони, вишни, груши и кусты крыжовника. Осенью копали ямы для деревьев; и опять появился сосед, — он и его жена оказались милейшими людьми, всегда готовыми помочь словом и делом. Зато когда пришел День Благодарения, соседей пригласили на обед, — кроме индейки, Маша сварила великолепный малороссийский борщ, испекла кулебяки с мясом и с капустой, и соседи долго потом хвалили этот обед, — ничего подобного они никогда не ели.

Во время войны стало трудно приезжать на дачу. Бензина было мало, а ехать поездом сложно, с пересадками. Да и работали на заводе, который выполнял военные заказы, не покладая рук, были сверхурочные, возвращался он домой поздно. Едва хватало сил, чтобы пообедать, и скорей в постель. Но все же и теперь изредка ездили в Коннектикут и с грустью замечали первые признаки запустения и одичания, — сад и огород требуют внимательного, ежедневного ухода и не прощают небрежительного к себе отношения. Не подстрижена была зеленая изгородь, поднявшаяся в человеческий рост, грядки зарастали сорными травами, и все, что нуждалось в частой поливке, засохло и погибло.

Кажется, именно с этого момента в жизни Алексея Колесова стал намечаться постепенный упадок. Началось это с мелочей — вот этот, слегка заросший сорными травами сад, чувство физической усталости и апатии по утрам, какое-то глухое и непонятное душевное беспокойство и неудовлетворенность. Когда война кончилась, и на заводе начались сокращения, Алексей Иванович дал себе небольшую передышку, дней десять отдыха, — первого за четыре года войны, а затем пошел искать работу. Очень скоро выяснилось, что найти новое место не так уж легко, ему было за шестьдесят, виски предательски побелели, и работу давали людям помоложе. На старом месте, где его хорошо знали и где к Колесову, в общем, отлично относились, хозяин похлопал рукой по плечу и сказал:

— Пока ничего нет. Почему бы вам не отдохнуть, Алекс? В ваши годы... Take it easy, take it easy!

Фразу эту, которой встретила его Америка в первый же день, теперь слышал он все чаще и чаще. Она преследовала его, нависла над ним, как некая угроза, мешавшая жить. Проходив два месяца без дела, Колесов начал брать работу случайную, плохо оплачиваемую, — то малярничал неделю, то помогал кому-то при переезде на новую квартиру, и именно на этой работе, поднимая тяжелый сундук, он надорвался. В нижней части живота появилась тупая боль, не дававшая ему разогнуться и мешавшая дышать. Колесов промучился несколько дней, и жена умолила его лечь в

больницу, а на следующий день его оперировали. Потом он лежал в большой палате, полузакрыв глаза, о чем-то думал, стараясь понять, что с ним произошло, какие последствия все это будет иметь для его будущей жизни, и — не мог представить себе, что он стал инвалидом и что никогда уже не сможет работать по-настоящему и перекапывать грядки в саду... Поправлялся он очень медленно, истощенный организм не поддавался лечению, но наступил все же день, когда его выпустили из больницы домой, сильно исхудавшего и ослабшего. Болезнь и операция съели много денег, ушло все то, что было отложено за время войны, пропали все бесчисленные сверхурочные часы, проведенные за станком в мастерской.

Алексей Иванович перестал искать работу и подолгу сидел в кресле, почитывая газету, которая вдруг потеряла для него интерес, или просто дремал. Маши большей частью не было дома — она работала по хозяйству у чужих людей, стирала, мыла полы, убирала, готовила, и возвращалась поздно вечером, с несколькими долларами в кармане. Приходилось жить на ее скудные заработки. Штатного пособия, полагающегося за болезнь, он уже не получал, так как болел слишком долго, гораздо дольше того срока, который разрешает гуманный закон.

Друзья постепенно исчезли, да их много и не было. У каждого — своя жизнь, свои заботы, а посещение больного никакой радости не приносит. Два-три приятеля вначале заглядывали, но постепенно визиты их становились все реже и реже, — очевидно, они, как и закон, страхующий на случай болезни, считали, что Алексей Иванович болеет слишком долго и пропустил все приличествующие сроки. Когда друзья совсем перестали приходить, Алексей Иванович даже обрадовался: вид здоровых, работающих людей теперь почему-то приводил его в дурное настроение.

Изредка заглядывал к больному врач. Хмуро щупал пульс, выслушивал сердце и говорил, что все это пустяки, он пропишет пилюли, и вообще нужно лежать спокойно и отдыхать. И, уходя, доктор говорил все ту же знакомую фразу, звучавшую теперь как-то особенно зловеще:

— Take it easy!

Алексей Иванович промаялся еще несколько месяцев и, наконец, умер, — не то от полного истощения организма, не то от какой-то загадочной болезни, начавшейся у него в тот момент, когда он оказался лишним человеком, для которого не было ни работы, ни смысла в жизни, — от этого уж не могли помочь никакие пилюли. Отпевали его в маленькой русской церкви, и, так как день был будний, на похороны пришло мало народу, и все больше люди случайные. Похоронили его на русском кладбище. Над могилой Маша поставила восьмиконечный крест и приказала фамилию вырезать славянскими буквами. И на этот раз, уже навсегда, раб Божий Алексей превратился из Коллса в Колесова. А несколько лет спустя легла рядышком, под этим же самым крестом, и сама Маша.

На этом кончается история обыкновенного человека, не имевшего биографии и общественных заслуг. Никто никогда не вспоминает Алексея Ивановича, прожившего трудовую и полезную жизнь. Наследников он не имел, завещания не оставил. Домик в Коннектикуте был года три спустя продан штатом. Приобрел его за гроши молодой американец, имевший жену, двоих детей, работу на заводе и маленький «форд».

Американец вырубил яблоню, которая слишком разрослась и не пропускала в дом солнца, и уничтожил не нужный ему огород: овощи он покупал в соседнем супермаркете. На месте огорода был снова посажен английский газон, который хозяин любовно стриг раз в неделю, поливал по вечерам и который удался на славу. □

КРАСАВИЦА БЕЗЪЯЗЫКАЯ

Светлана
БЕСТУЖЕВА-
ЛАДА

— Маменька, милая, пожалейте дитячко свое... Маменька, помогите мне пережить это... Маменька, возьмите меня к себе, тошнехонько мне тут горе горькое мыкать... Запавшие губы шевелились, но с них не слетало даже легкого шепота. Трудно безъязыкой слово сказать. И жить трудно: ни кусочка съесть, ни водицы испить... А по ночам не уснуть: как бы не захлебнуться. Своею же слюной захлебнуться — Господи, Твоя воля, Твоя власть, за что Ты послал такие мучения? Прибрал бы уж... Бог услышал мученицу. Прибрал свою рабу Наталью. В светлый праздник Покрова Богородицы лета 1763 от Рождества Христова. Православие она, урожденная и убежденная лютеранка, приняла за пять лет до смерти, в сибирском остроге...

— Царь пожаловал! Его императорское величество изволили прибыть! Придворная дама герцогини Екатерины Мекленбургской, Модеста Балк, изрядно запыхалась, единым духом взбежав по лестнице в покои своей госпожи... Могла бы и не спешить так: о приезде высокого гостя можно было догадаться по гомону во дворе, неистовому лаю собак, топоту челядинцев по всему дворцу. Но ведь знала Модеста, как радуется герцогиня, урожденная русская царевна Екатерина Иоанновна, приезду своего дядюшки, царя и самодержца всея Руси, а теперь еще и с императорским титулом.

За Модестой неотступно следовала ее единственная дочь Наталья, особа хоть и весьма юная, но уже весьма смышленная и очень красивая. Последнее, впрочем, было не удивительно: Наталья приходилась ближайшей родственницей знаменитой фаворитки Петра, прекрасной Анне Монс, столь неосмотрительно пренебрегшей в свое время венценосным любовником.

Анна-то отделилась только недолгим домашним заключением, а вот старшую ее сестру — Модесту — Петр отправил, считай, в ссылку: приставил к выданной замуж за герцога Мекленбургского Екатерине. Впрочем, их младшему брату, тоже красавцу, повезло еще меньше: за слишком пылкую любовь к императрице поплатился головой, а голова была заспиртована и поставлена ревнивым мужем в спальню к дорогой супруге — чтобы впредь себя помнила.

Императрица Екатерина, в девичестве то ли чухонка, то ли немка, угодившая из солдатских казарм в царскую постель, а оттуда — на трон, после казни любовника себя действительно «не забывала», верность Петру хранила свято. Чего нельзя было сказать о нем самом: ни одного смазливового личика пропустить не мог, даже собственную племянницу Катюшу при каждой встрече первым делом на ближайшую кушетку заваливал.

Наталья все это видела — и помалкивала, только запоминала. С энных лет стала верной наперсницей и поверенной всех тайн герцогини. Только недолго это продолжалось: при очередном приезде в Мекленбург Петр объявил, что желает выдать Наталью замуж за своего близкого родственника. Ни много, ни мало — за двоюродного брата первой супруги Петра, злосчастной царицы Евдокии. Любил царь пошутить: сочетал браком родственника отставной супруги с племянницей той самой женщины, которая и вытеснила законную супругу из его сердца.

Впрочем, Степан Васильевич Лопухин был человеком легким и уживчивым, царской воле не перечил, женился на «немецкой кошке» и даже не настаивал, чтобы та оставила лютеранское вероисповедание и перешла в православие. Особой любви между супругами не было, но в положенное время родился сын, потом — дочь, а там новоиспеченная императрица Екатерина стала поговаривать о том, чтобы взять красавицу Лопухину к себе фрейлиной.

Иллюстрация Романа Львова

Наталья приходилась ближайшей родственницей знаменитой фаворитки Петра Анны Монс, столь неосмотрительно пренебрегшей в свое время венценосным любовником

Но тут грянула гроза, откуда не ждали: не выказал Степан Лопухин положенной скорби, когда скончался во младенчестве сыночек Екатерины и Петра, да еще и проговорился спяну, что теперь-де у трона один наследник — сын казненного царевича Алексея. Вот и станут Лопухины снова в силе при новом-то государе-императоре, своим близком родственнике.

Такого Петр не прощал никому: сыскал в действиях Лопухина государственную измену и закатал вместе со всем семейством в ссылку: в Архангельскую губернию, в Колымский острог. А перед этим дважды батогами избили, после чего стал Степан крепко выпивать и останавливаться уже не собирался. Лучшие молодые годы провела Наталья в остроге, но, удивительное дело, красоты не потеряла, скорее, наоборот: расцвела в снегах и морозах, на зависть многим.

То-то ахнула Москва три года спустя, когда благодаря неустанным хлопотам матушки — Модесты Балк, да дядюшки Виллима Монса семейство Лопухиных высочайшим указом переехало в Первопрестольную! Хотя и трудно было московское общество удивить красавицами — их туда со всей России свозили на знаменитую «ярмарку невест», но Наталья Лопухина затмила всех: стройна, пышноволоса, глаза — медовые, губы — коралловые, зубки — жемчужинка к жемчужинке. Да еще и муж покладистый: на ухажеров жены внимания обращал не больше, чем на мух, что вьются вокруг крынки с вареньем.

Только самой Наталье московские щеголи не показались. Она рвалась в Петербург, к любимой маменьке, к обожаемому дядюшке, к настоящим ассамблеям, а не к провинциальным посиделкам, которые и заканчивались-то на закате: Москва рано ложилась спать. А вот «парадиз» на Балтийском море, город, заложенный грозным императором, казалось, и не спал никогда...

Дождались светлого часа, прибыли в Санкт-Петербург. Только радовались этому недолго: их родственники и благодетели — Модеста и Виллим — были арестованы и подверглись каре. Официально — за взяточничество непомерное, да только всем было доподлинно известно, что единственной настоящей виной Виллима Монса была слишком пылкая любовь императрицы к своему красавцу-камергеру. Модеста же просто оказалась слишком близка к этой опасной страсти: ближайшая подруга Екатерины, сестра ее фаворита...

Виллима обезглавили, Модесту выпороли кнутом и сослали в Тобольск в простой телеге. Наталья почернела от горя в те дни и поклялась себе отомстить и Петру, и всему его семейству, особенно дочерям, девкам незаконно рожденным, Анне и Елизавете.

Неизвестно, что бы сотворила обезумевшая красавица, да колесо Судьбы в очередной раз повернулось: Петр скоропостижно скончался в страшных мученьях. Модесту с дороги вернули обратно, но до Петербурга она не доехала — умерла. Чтобы хоть как-то утешить дочь близкой подруги, императрица Екатерина сделала Наталью фрейлиной двора. На свою же беду, как оказалось.

Вдовством Екатерина сильно тяготилась, но нрав у нее был легкий: не прошло и двух месяцев, как место в сердце и в постели было занято очередным фаворитом: камергером и графом Рейнгольдом Левенвольде, признанным красавцем того времени. Место-то он занял, а сам думал только о красавице-фрейлине, прекрасной Лопухиной, которая очень скоро ответила ему взаимной страстью. Не просто страстью — сокрушительной, умопомрачающей, безрассудной...

Об осторожности любовники даже и не думали: Наталья могла отдаться своему возлюбленному за любой дверью, да хоть в чистом поле! Тем более, что императрица все чаще болела, о любовных утехах уже не помышляла, а двор был занят тем, что гадал: кто наследует престол российский. Екатерина же назначила наследником... внука Петра, малообразованного, угрюмого отрока, жившего в полном забросе, зато приходившегося близкой родней... да, да, все тем же Лопухиным!

Вот когда на эту чету посыпались настоящие царские милости! Степан Васильевич мигом стал вице-адмиралом и кавалером ордена святого Александра Невского, его супруга — статс-дамой сестры юного царя, царевны Натальи Алексеевны. Рейнгольд скромненько стоял в стороне, но и его не обидели: наделили поместьями да крепостными душами. На радостях Наталья Лопухина совсем забыла об осторожности и вскоре родила дочь — копию прекрасного камергера.

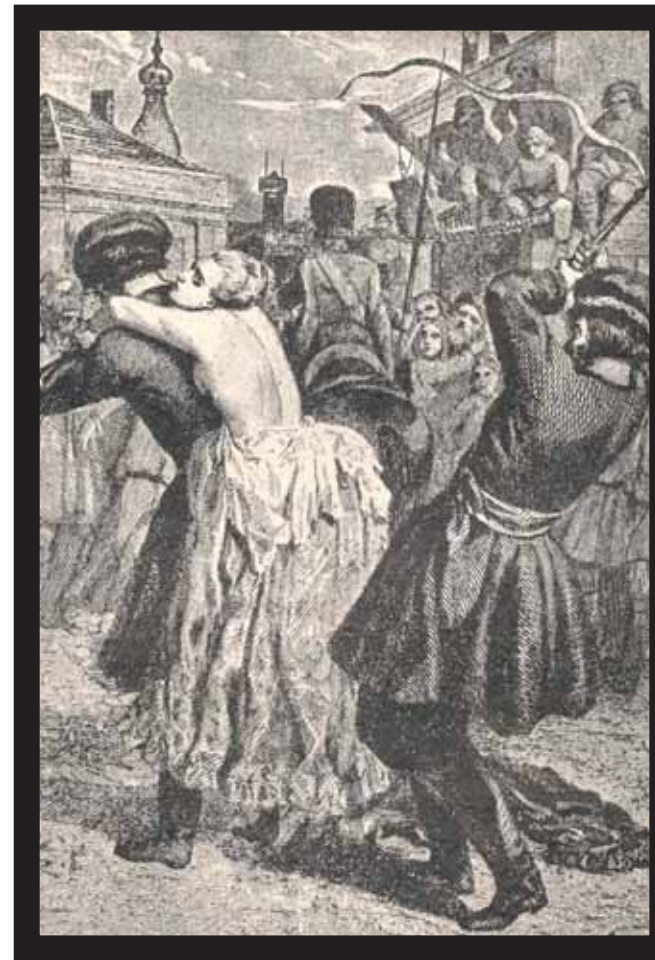
Ее терпеливый и кроткий муж только плечами пожал: не давить же младенца. Да и к своим рогам он давно привык, они его не тяготили, коль скоро не было сумасшедших при дворе, чтобы ему этим глаза колоть. Так и жили бы мирно, да юный царь внезапно заболел оспой и в несколько дней угас. Пресекался мужской корень рода Романовых...

Наталья Лопухина затмевала всех: стройна, пышноволося, глаза — медовые, губы — коралловые, зубки — жемчужинка к жемчужинке

Лопухины пережили несколько неприятных дней, пока решался вопрос о том, кто же займет российский престол. Чуть было не посадили на него Елизавету, да вот незадача! Красавица-царевна не ко времени оказалась в «интересном положении». Впрочем, тогда будущую императрицу и «дщерь Петрову» трон волновал мало, она еще всласть не нагулялась, не налюбилась. Проще говоря, ее время еще не настало.

Зато настало время «дщери Иоанновой». Совет верховных вельмож, перелавшись до хрипоты, решил пригласить на царство дочь покойного царя Иоанна, вдовствующую герцогиню Курляндскую Анну. Но пригласить не самодержицей, а лишь — олицетворением императорской власти на Руси. Править же должен был сам Совет, точнее, семь «верховников», которые и написали Анне письмо с просьбой подтвердить свое согласие на предложенные условия.

Делалось все это в строжайшей тайне. Одному из доверенных, Павлу Ягужинскому, поручили отвезти депешу герцогине в Митаву, где находилась родовая резиденция курляндских герцогов. Только Павел был женат на

*Сцена казни
Натальи Лопухиной*

одной из умнейших женщин того времени — Анне Гавриловне, урожденной Головкиной. А та приходилась ближайшей подругой... конечно же, Наталье Лопухиной!

Ночью из дома Лопухиных выскользнула женская фигура, которая через какое-то время постучалась в потайную дверь к Рейнгальду Левенвольде. На сей раз свидание влюбленных было кратким: через четверть часа граф, как простой курьер, во весь опор скакал в Курляндию с секретной депешей к Анне о замыслах верховников. Он опередил официальных послов на сутки — и эти сутки решили судьбу России на ближайшие десять лет.

Одуревшая от скуки двадцатилетнего пребывания в заштатной Курляндии герцогиня Анна большим умом не отличалась. Для решения немногих государственных дел к ней были приставлены особые советники: сначала — Михаил Бестужев, потом — Василий Долгорукий. Оба они попутно исполняли и другие, сугубо мужские, обязанности при сиятельной вдове. Пока не появился Эрнест Бирен (впоследствии — Бирон), сперва конюший, потом камергер, а потом и тайный супруг Анны, отец ее детей.

Практичные курляндцы, окружавшие свою герцогиню, мигом смекнули, какие выгоды может им принести неожиданная прихоть Судьбы. Их герцогиня, задолжавшая уже всем своим вассам

лам, станет российской императрицей, и на Курляндию прольется золотой дождь, а самые прыткие окажутся у трона — вообще по горло в золоте и прочих драгоценностях.

Приближенные быстренько уговорили Анну для вида согласиться на предложение верховников торжественно въехать в Россию, короноваться, а потом... Потом на все соглашения (или, как их тогда называли, «кондиции») можно будет наплевать и стать истинной самодержицей.

Возможно, Анна и не уступила бы так легко нажиму своих сторонников, но... Но «верховники» допустили оплошность: в «кондициях» имелся пункт о том, что «присноизвестная особа, сиречь Эрнест Бирен, со чадами и домочадцами в России не должен появляться» ни под каким видом как «персона нежелательная». Да только из-за одного этого пункта Анна была готова не только кондиции порвать — самих верховников в кусочки изрубить. Ограничения монаршей власти, оговоренные в кондициях, ее мало волновали, поскольку в таких делах она мало смыслила. Но разлучиться с любовником? Это чересчур!

На этой струнке ловко сыграла Наталья Лопухина, которая с помощью братьев Левенвольде и «немецкой партии» при дворе устроила так, что Бирон все-таки поехал в Россию вслед за Анной, но — тайно, на расстоянии нескольких часов пути от царского поезда. Все семейство Бирона было с ним, включая младшенького, двухмесячного Карлушу, которого Анна еще кормила грудью. Гениальный план Натальи Федоровны состоял в том, что Карлушу два раза в день тайно привозили к будущей императрице. А кому придет в голову проверять пеленки грудного младенца? В которых, между прочим, постоянно были письма к Анне от ее сторонников и ее ответы им.

«Верховники», в числе которых был и бывший советник-любовник Анны Василий Долгорукий, считали, что надежно оградили свою государыню-марионетку от чуждого влияния. Не тут-то было! Не успела Анна въехать в Москву, как Наталья Лопухина пожаловала к ее величеству собственной персоной. Ну, как воспрепятствовать встрече двух давних подруг? Тем более, что родная сестра Анны, Екатерина, герцогиня Мекленбургская, тоже перебралась в Москву и тоже возобновила самые тесные отношения с прекрасной Лопухиной.

Благополучно короновавшись, Анна Иоанновна «разодрала» злополучные «конвенции», то есть просто-напросто порвала в клочки ненавистный документ и объявила себя самодержицей российской, готовой излить на свой пострадавший в безвластии народ «матерние милости».

И — излила. Уменьшила налог на соль. На сем о народе благополучно забыла и окунулась в такую жизнь, о которой и мечтать-то не осмеливалась. При дворе начался праздник, непрерывно (!) продолжавшийся десять лет, то есть ровно столько, сколько длилось правление Анны Иоанновны, получившей, кстати, прозвище «Кровавой». Честь, которой ни до нее, ни после не удостоивался ни один российский император или императрица.

Начала Анна с самого верха: разогнала по дальним острогам тех, кто вручил ей монарший жезл. Первыми в далекое северное Березово поехали Долгорукие, имевшие дерзость возмечтать о том, чтобы породниться с царской семьей (старшая княжна Долгорукая, Екатерина, была обрученной невестой государя Петра Алексеевича, столь скоропостижно скончавшегося от оспы). Василия же Лукича Долгорукого Анна удостоила особой «честью»: отправила на Соловки, где он почти десять лет провел в подземной тюрьме, проклиная жестокость и вероломство бывшей любовницы.

После Долгоруких взялась за Голицыных, потом пришел черед остальных. Вместо исконно русских фамилий при дворе все чаще слышались немецкие. Чин вице-канцлера получил бывший воспитатель императора Петра Андрей Остерман, в почете были оба брата Левенвольде, а уж всяким Корфам, Кайзерлингам и прочим числа не было. Бирон стал герцогом Курляндским, но на Митаву так и не вернулся, во всяком случае, при жизни своей царственной подруги.

Дочь Петра Великого Елизавета жила в великом забросе и страхе. «Тетенька» (как она величала Анну Иоанновну) была скоро на расправу и тяжела на руку, да к тому же во всех мнимых и подлинных заговорах против нее усматривала влияние проклятой «Лисаветки». Чуть возникнет какое дело о государственной измене, так Елизавету и тащат пред светлы очи государыни, а та от души охаживала племянницу по щекам и грозила упечь в монастырь. Не раз и не два пожалела «дщерь Петрова», что не ко времени «залетела»: могла бы занять опустевший трон и не мучится от страха и боли чуть ли не каждую неделю.

Наталья же Федоровна Лопухина расцвела майской розой. На ее счастье, взгляд Эрнеста Бирона ни разу не задержался на прекрасной немке (он предпочитал женщин другого типа), потому императрица Лопухину всячески привечала. Да и герцогиня Екатерина Мекленбургская («Дикая герцогиня», как прозвали ее русские) души в любезной Натали не чаяла. Особенно после того, как в светлую головку Натали пришла мысль сделать наследницей Анны единственную дочь Екатерины.

Девчущку быстренько окрестили по православному обычаю, нарекли Анной Леопольдовной и провозгласили: царствовать на Руси после Анны Иоанновны будет дитя ее родной племянницы. Мальчик это будет или девочка, всем было безразлично. Даже жениха новоявленной царевне стали подыскивать после того, как армия и двор присягнули на верность тому, «что породит чрево сие».

Поистине столь изощренная интрига могла родиться только у двух страстных любовников: Натальи Лопухиной и Рейнгальда Левенвольде. Попутно Наталья родила своему «галанту» еще одну дочь, причем на очередном балу появилась спустя день после родов, ослепляя всех тончайшей талией и затмевая блеском бриллиантов. Заслужила!

Кстати, красавице пошел четвертый десяток, по тем временам — вполне солидный возраст. Но по свидетельству современников, Наталья Федоровна

На совести Лопухиной, если верить слухам, было не меньше десятка странных смертей, в частности, ее обвиняли в безвременной кончине царевны Натальи Алексеевны

мало изменилась со времен своей ранней молодости. Постоянно окруженная толпой воздыхателей, она казалась едва ли не ровесницей своей старшей дочери.

Один из таких современников писал: «...с кем танцевала она, кого удостаивала разговором, на кого бросала даже взгляд, тот считал себя счастливейшим из смертных. Молодые люди восхищались ее прелестями, любезностями, приятным и живым разговором, старики также старались ей нравиться; красавицы замечали пристально, какое платье украшала она... старушки рвались с досады, ворчали на мужей своих, бранили дочек...»

Тем временем сыскали жениха для Анны Леопольдовны: принца Антона Брауншвейгского. Ничем не примечательный молодой человек вызвал неприкрытое отвращение у своей нареченной, и только угроза стать женой сына Бирона заставила капризную царевну согласиться на сугубо династический брак. От которого, впрочем, меньше чем через год появился на свет младенец Иоанн, названный так в честь своего деда и официально объявленный будущим императором российским.

А еще через год скончалась Анна Иоанновна. Умерла сорока семи лет от роду, оставив возлюбленного Бирона регентом при младенце-императоре, вызвав тем самым лютую ненависть его матери, Анны Леопольдовны, которой самой хотелось быть регентшей.

Что ж, ее желания совпадали с чаяниями «немецкой партии». Хитрый и изворотливый политик Андрей Остерман (уже барон!) сумел сделать так, что еще один немец — генерал Миних — совершил вооруженный переворот и сделал регентшей Анну Леопольдовну. К бурной радости Натальи Лопухиной, которая давным-давно, еще со времен пребывания в Мекленбурге, вертела безвольной принцессой, как хотела, и теперь мечтала занять при новой правительнице достойное место. Наконец-то — самое достойное!

Единственной досадной помехой при этом оказалась... царевна Елизавета, про которую при дворе частенько забывали, зато в народе помнили.

Не раз и не два Лопухина на коленях умоляла свою высокопоставленную подругу-правительницу заточить негодную Лизку в монастырь, а то и удавить тишком. Но тут, как назло, путался под ногами муженек, формально приходившийся Елизавете троюродным дядюшкой и свято почитавший

Суд по делу Лопухиных был скор и несправедлив: Наталью, ее мужа и сына, а также подругу Анну Бестужева приговорили к смертной казни через колесование, четвертование и усекновение головы...

родственные узы. Анна Леопольдовна была для него всего лишь «белобрысой немкой», а он с одной такой, собственной законной супругой, уже досыта намаялся.

Анна Леопольдовна, по природной глупости и лени, от решительных действий отказалась. Да и мысли ее были заняты совсем иным: саксонским посланником Морисом Линаром, мужчиной необыкновенной красоты и столь же необыкновенной наглости. Очень скоро она стала его любовницей, и для нее свет в полном смысле слова сошелся клином только на нем. Над несчастной же Россией выростала тень новой «немецчины», поскольку Линар лез в государственные дела столь же бесцеремонно, как и в постель к правительнице.

Лопухина была бессильна и только кусала от злости губы. Не зря злилась: вьюжным зимним вечером гвардейцы на руках внесли Елизавету в императорский дворец и присягнули новой государыне. Брауншвейгское семейство почти немедленно отъезжало в ссылку — в Архангельск. Исключение было сделано только для свергнутого годовалого императора: ребенка заточили в Шлиссельбургскую крепость, откуда он так никогда и не вышел...

Наталья Федоровна стала... придворной дамой императрицы Елизаветы. Та, казалось, забыла прежние обиды, всячески жаловала своего «дядюшку», Степана Лопухина, дала чин камер-юнкера его старшему сыну Ивану, что предвещало быструю и блестящую карьеру. Не обошли милостями и Наталью, но..

Но по натуре мстительная и злопамятная, Елизавета отправила в ссылку красавца Рейнгольда Левенвольде, пылкую любовь к которому Наталья Лопухина пронесла через всю жизнь. Теперь граф, мгновенно состарившийся и занемогший, влачил жалкое существование в Соликамске, куда в

те времена, как говорили, «ворон костей не занашивал». А его возлюбленная тосковала в столице, тщетно пытаясь найти забвение в придворных увеселениях, но по-прежнему слыла первой красавицей при дворе, хотя ей уже и перевалило за сорок.

Вот чего Елизавета не терпела, так это соперниц: в красоте ли, в модах ли, в прическах. Поэтому придворные дамы старались казаться не слишком привлекательными, чтобы, упаси Боже, не прогневить «дщерь Петрову»: ручка у той была тяжеленькой, папенькиной.

Не боялась Елизавету только одна женщина — Наталья Лопухина, хотя ее закадычная подруга, Анна Ягужинская, вышедшая после смерти мужа за брата канцлера Бестужева Михаила, предупреждала ее:

— Ты, душа моя, понапрасну государыню-то не зли. Она хоть и взбалмошна, да отходчива, глядишь, и вернет твоего друга в столицу. Или хотя бы в Москву. А ты все дразнишь ее да дразнишь... Правда, ты не виновата, что годы тебя не берут: красавицей была, красавицей и осталась.

Но в Наталью точно бес какой вселился, хотя и знала прекрасно, что императрица терпеть ее не может, считает гордячкой и стервой. Ведь надо же, старая, вот-вот помрет — а нет, рядится на балы лучше всех, да еще в платье того же цвета, что и сама государыня! А это строжайше запрещено.

Как-то раз Елизавета сама наказала ослушницу — прямо на балу срезала у нее прядь густых волос, искусно украшенную розой: сама только что сделала такую прическу, налюбоваться на себя в зеркале не могла, а вышла в бальную залу — Лопухина тут как тут. Тоже локоны по плечам распустила и розой их украсила.

После этого гордячка-Лопухина под разными предлогами перестала являться ко двору, а сама затаила к императрице еще большую ненависть. Но сделать уже ничего не могла: прошло ее время плести интриги да устраивать заговоры. Только и осталось, что о прошлом с тоской вспоминать. Если она еще и красоту свою прославленную потеряет, вот тогда — всему конец. Ложись и помирай.

Но Наталья Лопухина, помимо красоты, пользовалась еще и отменным здоровьем, которому были нипочем ни суровый российский климат, ни частые роды (рожала она раз десять, но до совершеннолетия дожило лишь пятеро ее детей), ни бесконечные переживания. На балах она бывала неутомимее шестнадцатилетних девиц, кавалеров «затанцовывала» до полусмерти.

Будь у Елизаветы характер самой Натальи, давно бы отравила намозолившую глаза придворную даму. На вести Лопухиной, если верить слухам, было не меньше десятка подобных странных смертей, в частности, ее обвиняли в безвременной кончине царевны Натальи Алексеевны, а некоторые поговаривали и о том, что смерть самого отрока-императора не обошлась без некоего участия Лопухиной. Но Елизавета к таким средствам не прибегала.

Помог же ей, как ни странно, именно большой специалист по всяческим снадобьям, а официально — придворный врач Лесток, занимавший в то время одно из первых мест подле императрицы. Но роль лейб-медика явно казалась ему слишком незначительной, поэтому он из кожи вон лез, чтобы стать еще и негласным советником по всем вопросам. И начал с того, что повел активные поиски «злоумышленников против престола». Искал просто: негодных ему лиц объявлял изменниками, лихо раскрывал мифические заговоры, подводил их участников под опалу и более жестокие наказания, сам при этом выступая в выигрышной роли Спасителя Отечества.

На Наталью Лопухину ему было наплевать, но через нее Лесток измыслил вернейший, как ему казалось, путь к свержению своего заклятого врага — обер-гофмаршала и канцлера Алексея Бестужева, брат которого, Михаил, был женат на закадычной подруге Лопухиной. Начал Лесток с того, что подучил одного из своих подручных сблизиться с сыном Лопухиной — Иваном и, как бы по секрету, рассказать ему о незавидной доле собеседника: посылают-де служить в Соликамск, а ему туда ехать — острый нож в горло.

Иван, не имевший секретов от матери, тут же насторожился: любовник Натальи Федоровны, Левенвольде, был, напомним, сослан именно в Соликамск, и Лопухина изнывала от тоски и невозможности послать весточку. А тут как раз такой случай подвернулся. Через сына Натальи Федоровна передала любовнику записку, в которой, ко всему прочему, писала, «чтобы граф не унывал, а надеялся на лучшие времена». Этого было достаточно Лестоку, чтобы захлопнуть

ловушку: понятно же, что «лучшие времена» настанут после смерти императрицы. Государственная измена!

Сам того не желая, Иван Лопухин оказал Лестоку еще одну, поистине неоценимую услугу. Подвыпив в очередной раз в очередном кабаке (неодолимую тягу к спиртному молодой человек явно унаследовал от собственного батюшки), он разоткровенничался, стал жаловаться на жизнь, а заодно — и на императрицу. Договорился до того, что объявил: Елизавета вообще — ненастоящая государыня, родилась до свадьбы Петра и Екатерины — словом, «выб...к». Да и ведет себя, как простолюдника. Эх, были же хорошие времена при правительнице! Да что там говорить! Государыню Елизавету не любят ни в народе, ни в армии. Наступят скоро иные времена: вернется правительница, да и Австрия поможет — не раз его матушка встречалась с австрийским посланником де Ботта...

Собутыльщики, недолго думая, побежали в «Стукалов приказ» — так тогда называли политический сыск — и настучали на простофилю. Не успел Иван наутро протрезветь, как взяли его под руки белые, привезли в крепость, где и устроили допрос по всем правилам. Мягкий и трусливый по натуре, Иван все подтвердил, да еще показал на мать.

От этого известия у Елизаветы мстительно загорелись глаза: в существование «нитей заговора», тянувшихся за рубеж, она свято верила — ведь сама пришла к власти, пользуясь поддержкой и деньгами шведского и французского посланников.

Недаром каждую ночь государыня покидала Зимний дворец и ехала ночевать в другое место — она опасалась ночного переворота, была подозрительна, мнительна и пуглива. Поэтому, узнав о «заговоре», перепугалась насмерть. Начались аресты и пытки.

Так внезапно измененная придворная дама, мать семейства, оказалась в зловонной тюрьме Тайной канцелярии, а вместе с ней — ее сын, муж, давняя приятельница Анна Бестужева и другие люди. Конечно, реально не было никакого заговора — обычная светская болтовня, светское злословие, но там, в застенке, где пахнет кровью и паленым человеческим мясом, признаешься во всем, о чем спросят. Впрочем, из материалов следствия видно, что Наталья Федоровна была действительно женщиной волевой и гордой. Она поначалу вела себя достойно, участие в заговоре отрицала, но дыба и кнут язык ей развязали, она во всем «призналась», оговорила себя и других.

Суд по делу Лопухиных был скор и несправедлив: Наталью, ее мужа и сына, а также подругу Анну Бестужеву приговорили к смертной казни через колесование, четвертование и усекование головы. Но государыня, «по природному своему великодушию», смертную казнь отменила, предписала всех сечь кнутом и сослать в Сибирь, а у Натальи и Анны Бестужевой к тому же еще и «урезать язык», дабы не болтали лишнего.

В объявленном манифесте говорилось, что Степан, Наталья и Иван Лопухины, «по доброжелательству к принцессе Анне и по дружбе с бывшим обер-маршалом Левенвольдом, составили... замысел...». 29 августа 1743 г. кортеж гвардейской команды прошел по улицам Петербурга и оповестил всех о готовящейся казни. Построили эшафот на Васильевском острове у здания Двенадцати коллегий.

Что чувствует человек, которого влекут на эшафот? Наталье Федоровне Лопухиной казалось, что это совсем не ее везут в грязной телеге, как подзаборную девку-побродяжку, и толпа, охочая до таких зрелищ, глумится не над ней, потешаясь над ее растрепанными волосами и драгоценным платьем, запачканным тюремной грязью... Ее должны были казнить первой, и только на эшафоте она узнала, что жизнь ей сохранят, но...

Один палач обнажил ее по пояс — сорвал с плеч платье, а потом схватил за руки и бросил себе на спину.

Другой палач принялся полосовать спину женщины кнутом из жесткой свиной кожи, заточенной по краям. Лопухина страшно закричала и лишилась чувств. Потом ей сдавили горло, разжали рот и вырвали клещами язык. После этого палач, по традиции, потряс в воздухе окровавленным кусочком мяса: «Кому язык? Дешево продам!»

Анна Бестужева, шедшая следом, успела сунуть в руку палача драгоценный нательный крест и пострадала куда меньше — палач лишь для виду «пустил кровь», да и язык только слегка «ужалил», не лишив приговоренную возможности говорить.

Степана Лопухина и его сына Ивана нещадно выпороли и, окровавленных, бросили в ту же телегу, что и измученных женщин. Впереди их ждала Сибирь — почти всех пожизненно.

Обычно ссылка для таких людей, как Лопухины, казалась погружением в ад. Их поселили в Селенгинске в общей казарме под строгим караулом. Не выдержав лишения, умер Степан Лопухин, ненадолго пережил его и Иван.

Анна Бестужева, посланная в Якутск, медленно умирала там от голода и холода, тщетно умоляя мужа и дочь выволить ее из заточения. Дочь Анастасия блистала фрейлиной при дворе Елизаветы, супруг разъезжал с любовницей по иноземным дворам. А тот, из-за кого, собственно, и была затеяна вся эта страшная интрига, вообще отделался легким испугом: императрица слишком ценила своего умного канцлера, чтобы променять его на интригана Лестока. Алексей Петрович Бестужев вошел в историю как один из искуснейших политиков своего времени, а Лесток, выйдя из фавора у Елизаветы, уехал в Европу, где его следы затерялись.

В Петербург Наталья Лопухина вернулась немая, изуродованная, но, тем не менее, нашедшая в себе силы явиться при дворе, возбуждая всеобщее любопытство

Лопухина же на всю жизнь осталась немой. Вряд ли какие-то сведения о бывшей красавице просочились бы из той преисподней, куда она угодила из-за своей гордыни и страсти к интригам, но в 1758 году Синод горделиво рапортовал, что в Сибири приняли православие 2720 душ язычников и «сохраняющаяся в Селенгинске Степана Лопухина вдова Наталья Федорова». Видно, что-то сдвинулось в ее душе — лютеранка ты или православная, но Бог един, да и в церковь теперь вместе со всеми арестантами станут водить, а это для каждого узника событие.

Спасение пришло только через 17 лет. На престол вззошел новый император — Петр III, родной племянник Елизаветы, немец по отцу, ненавидевший все русское. Ветер самовластья подул в другую сторону: свободу получили все враги Елизаветы, а уж те, в ком текла немецкая кровь, — прежде всего. Из ссылки вернулись Бирон и Миних: один стал действительно герцогом Курляндским, второй — начальником Рогервигской каторги.

Вернулась в Петербург и Наталья Лопухина, изуродованная, немая, но, тем не менее, еще нашедшая в себе силы явиться при дворе, возбуждая всеобщее любопытство. Впрочем, длилось это недолго: через несколько месяцев бывшая красавица слегла в смертельном недуге. «Безъязыкая красавица» скончалась в страшных мучениях, которые тщетно пытались ей облегчить монахи ближайшего монастыря.

Возможно, перед смертью она жалела только о том, что на эшафоте рассталась не с жизнью, а с языком и красотой. А возможно, смирилась и уже ни о чем не жалела, только молила Бога о скором конце.

А Бог — милостив. □

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Глава 1

Едва Майкл Шейн — уже без галстука и с расстегнутым воротничком рубашки — опустился в мягкое кресло, намереваясь завершить вечер традиционной рюмочкой коньяка, как раздался телефонный звонок.

Перед тем, как ответить, он немного помедлил, сжав рюмку крепкими узловатыми пальцами, не спеша поднес ее ко рту, сделал большой глоток, раздраженно взъерошил свои непокорные рыжие волосы и только тогда буркнул в трубку:

— Алло.

Голос его секретарши Люси Гамильтон — обычно живой и энергичный — на этот раз звучал встревоженно.

— Майкл, ты еще не спишь?

— Почти. Вот допью и...

— Быстро допивай, — не дала ему договорить Люси, — и приезжай сюда. Я — в «Босвик-армс» — это угловое здание напротив моего дома.

Шейн еще раз отхлебнул коньяка и поставил рюмку на столик.

— Да что стряслось, ангел мой?

— Я — в четыреста четырнадцатом номере у миссис Грот. Мы немного с ней знакомы. Дело в том, что ее муж пропал, и она очень переживает. Майкл, мне кажется, тебе нужно приехать и самому с ней поговорить.

— Грот? — нахмурившись, переспросил Шейн. — А я его знаю? Вроде бы что-то знакомое...

— Ты, должно быть, читал о нем в газетах. Майкл, приезжай немедленно.

По ее голосу Шейн понял, что дело действительно серьезное, и вздохнул.

— Буду минут через пятнадцать.

Детектив положил трубку и сердито уставился на нее, пытаясь вспомнить, что он мог читать в газетах о мистере Гроте. Он был уверен, что слышал это имя, вот только где?

Через пять минут Шейн уже выезжал на своей машине из гаража отеля, а еще через пять — сворачивал на боковую улочку, на которой жила Люси.

В глубине небольшого ярко освещенного вестибюля за конторкой лицом к коммутатору сидела немолодая сидящая женщина. Она даже не оглянулась на Шейна, когда он уверенно прошагал мимо нее к лифту. Через несколько секунд Шейн оказался в застеленном коврами холле, из которого в разные стороны вели два длинных коридора. В начале каждого на стене висели таблички с указателями номеров квартир. Скромное, но солидное здание, все продумано до мелочей, подумал Шейн, направляясь к квартире 414. Это приятное впечатление только усилилось, когда на его звонок дверь открыла Люси и провела его в большую, со вкусом обставленную гостиную, пол которой от стены до стены покрывал пушистый серый ковер. В углу стояла софа и обитые к ней в тон стулья с высокими спинками — в общем-то, стандартная, безликая обстановка, скрашиваемая лишь ощущавшейся атмосферой спокойствия и дружелюбия.

Люси была одета в ту же светло-коричневую блузку и темную юбку, в которой Шейн видел ее днем в конторе, только каштановые кудри были слегка взъерошены, а на лице уже не было никакой косметики. Она порывисто положила руку Шейну на плечо.

— Спасибо, Майкл, что сразу же пришел. — Люси обернулась к невысокой женщине средних лет, стоявшей позади нее. — Миссис Грот, это Майкл Шейн. Она знает, что я у тебя работаю, Майкл, и часа полтора назад, когда начала беспокоиться о своем муже, позвонила мне и попросила совета, что же делать.

— Я просила мисс Гамильтон не беспокоить вас, мистер Шейн, — начала миссис Грот, нервно переплетая пухлые пальцы. — Мне известно, насколько вы занятой человек. Но она настаивала...

— Конечно, это я настояла, — мягко перебила ее Люси.

Они прошли в глубь гостиной, и с кресла у противоположной стены поднялся молодой человек. У него были широкие плечи и квадратное лицо. Молодой человек улыбнулся, и за полноватыми губами блеснул ряд ровных белых зубов. Тем не менее его серые глаза под кустистыми черными бровями, словно вытянутыми в прямую линию, оставались угрюмыми, и у детектива внезапно возникло ощущение, что, во-первых, этот человек сконфужен, а, во-вторых, не испытывает ни малейшего восторга от его появления. Его недорогой серый костюм явно был куплен совсем недавно и слегка жал в плечах, коротковатые рукава пиджака приоткрывали костистые запястья крупных рук с толстыми тяжелыми пальцами. Светлые кожаные туфли и накрахмаленный воротничок белой рубашки тоже производили впечатление «только-что-из-магазина». Его густые черные волосы были подстрижены «под ёжик» от силы дня два назад, что было заметно по узкой светлой полоске на загорелой шее.

— Это мистер Каннингем, — представила его миссис Грот, и в тот же момент в голове Шейна что-то щелкнуло, и все сразу встало на свои места.

Он подошел к молодому человеку и протянул ему руку.

— Теперь я все вспомнил. Вы и Джаспер Грот были единственными уцелевшими членами экипажа самолета, потерпевшего крушение над морем пару недель назад.

— Все правильно, — опустил глаза, пробормотал Каннингем. — Я был стюардом, а мистер Грот — вторым пилотом. — Он быстро пожал Шейну руку и тут же отпустил ее.

— Вам, должно быть, пришлось несладко, — заметил Шейн. — И все это время вы проболтались на плоту в открытом море?

— Все девять суток, пока нас не подобрала. — Каннингем с угрюмым видом отступил назад и снова уселся в кресло.

Шейн сел рядом с Люси на софу и достал из кармана пачку сигарет.

— Миссис Грот, вы сказали, что ваш муж пропал без вести. Когда и при каких обстоятельствах?

— «Пропал без вести» звучит слишком официально, мистер Шейн. — Она присела на краешек прямого жесткого стула и сняла очки, что придало ей еще более смущенный вид. — Видите ли, это произошло... сегодня вечером. После всего этого кошмара, когда я почти смирилась с тем, что потеряла мистера Грота... это первый вечер после того, как Господь вернул мне его...

— У вас есть все основания для беспокойства, — мягко произнесла Люси. — Майкл, он вышел в восемь часов, даже не сказав — куда, и должен был вернуться примерно через час. Кроме того, у него была назначена встреча с мистером Каннингемом — они собирались вместе поужи-

нать, но и там он не появился. Поэтому миссис Грот позвонила мне, и я посоветовала обратиться в полицию, но она не захотела.

— Дело в том, что... весь день Джаспер вел себя как-то странно, — нервно объяснила миссис Грот. — Все время молчал, был какой-то расстроенный и даже, можно сказать, подавленный. Он ждал, что после всей этой истории и газетной шумихи кто-нибудь из Хоули позвонит ему, и не отходил от телефона. Но сам звонить отказался, когда я заикнулась об этом. Только рассердился и сказал, что я просто не понимаю подобных людей.

— Хоули? — Шейн вопросительно приподнял брови и повернулся к Люси.

— Ты бы все понял, если бы внимательно читал «Ньюс». Альберт Хоули оказался единственным, кто вместе с мистером Гротом и мистером Каннингемом спаслись на плоту. Он... умер до того, как их нашли.

— Мы делали для него все, что могли, — вмешался Каннингем. — Джаспер ухаживал за ним, как за собственным сыном. Отдавал ему часть воды и продуктов из своей доли. Никто не может нас упрекнуть в его смерти. — Он поднял голову и с вызовом уставился на них, как будто отвечал на чье-то обвинение.

— Я совершенно уверена, что Джаспер делал для бедного мальчика все, что было в его силах! — возбужденно подхватила миссис Грот. — Они могли хотя бы из уважения к приличиям поблагодарить его и спросить о своем сыне. Он был потрясен, когда они этого не сделали.

— Хоули живут в Майами? — спросил Шейн у Люси.

Она кивнула.

— Они — из очень богатой семьи. После того, как сегодня утром прилетели мистер Грот и мистер Каннингем, и стало известно о смерти Альберта, они отказались принять репортеров и отвечать на вопросы.

— И у вас нет никаких соображений, миссис Грот, куда отправился сегодня вечером ваш муж?

— Ни малейших. Как я уже говорила, он вел себя странно, и я не стала его ни о чем спрашивать. Его как будто что-то мучило, но он замкнулся в себе и ничего не объяснял. Сегодня днем Джаспер звонил по междугороднему, но кому — понятия не имею. Я как раз вышла из кухни в гостиную, когда он заказывал разговор по телефону. И уже позже он, как мне показалось, принял какое-то решение и ушел, сказав, что вернется через час. — Она поджала губы и взглянула на часы, стоявшие на каминной полке. — Это было почти три часа назад.

Шейн наклонился вперед и затушил окурки в фарфоровой пепельнице.

— Он поехал на машине?

— У нас нет машины. В промежутках между полетами Джаспер обычно бывает дома, поэтому она нам, в общем-то, и не нужна.

Шейн пожал плечами.

— Я все-таки позвоню в полицию, — сказал он и поднялся, оглядываясь в поисках телефона.

Миссис Грот тут же вскочила, испуганно глядя на него.

— В полицию? Вы думаете, что...

— Я ничего не думаю, миссис Грот, — заверил ее Шейн. — Просто у них есть список всех несчастных случаев.

Заметив телефонный аппарат на этажерке рядом с дверью, он подошел к нему, снял трубку и начал набирать номер, когда Каннингем внезапно произнес:

— Я знаю, с ним случилось что-то плохое. Я говорил об этом миссис Грот, когда Джаспер не пришел на ужин. Понимаете, мы еще тогда его запланировали. И днем и ночью на плоту мы воображали, что закажем в первый же вечер, как только доберемся до дома. Скажите об этом полицейским.

Шейн рассеянно кивнул, попросил к телефону сержанта Пайпера и продиктовал имя и адрес Грота. Выслушав ответ, он коротко поблагодарил и положил трубку.

— В их отчетах ничего такого нет. Миссис Грот, надеюсь, при нем были документы?

— Да, в бумажнике.

— Ну, мне, наверное, пора. — Каннингем неуверенно поднялся. — Миссис Грот, если Джаспер все-таки объявится, скажите ему, что я не мог больше ждать. А завтра я вам позвоню. — Он направился к двери, подобрав по пути коричневую фетровую шляпу, которую начал рассеянно вертеть в руках. — Никак не могу отделаться от мысли, что все это может быть связано с тем дневником, который Джаспер вел, пока мы были на плоту. Один из репортеров как-то пронюхал о дневнике и прямо сегодня утром предложил опубликовать его в газете за кругленькую сумму. Миссис Грот, как вы думаете, это возможно?

— Я уверена, что Джаспер сказал бы мне об этом. Он рассказывал о дневнике и о том, какие деньги за него предлагал репортер... но его это скорее позабавило. Он считает, что человек не имеет права брать деньги за подобные вещи. Хоть я и говорила ему — почему бы и нет, в конце концов?

— Вы считаете, он дорого стоит?

— Откуда я знаю? Я же его не читала. Кажется, он сказал, что сегодня утром все-таки отдал его тому репортеру.

— Ну, да, — неопределенно пробурчал Каннингем. — Ладно, я пошел. Спокойной ночи, мистер Шейн и... мисс Гамильтон. — Открыв дверь, он бесшумно выскользнул в коридор.

— Миссис Грот, что это за история с репортером и дневником вашего мужа? — спросил Шейн, как только за стюардом закрылась дверь.

— Господи, да я почти ничего не знаю. Джаспер был так возбужден, когда вернулся... Сказал, что его можно было бы напечатать и получить за это деньги. Наверное, он ждал, что репортер позвонит ему днем, но тот не позвонил. Потом он как будто потерял интерес к дневнику, все время думал об этих Хоули.

— А что это был за репортер?

— Вроде бы он говорил, что работает в «Дэйли ньюс».

Шейн повернулся к Люси.

— Статья о спасении потерпевших крушение была подписана?

— Скорее всего — нет. — Люси нахмурилась. — Почему бы тебе не спросить об этом у Рурка?

— Прямо сейчас и спрошу, — ответил Шейн и вернулся к телефону. Он набрал номер, подождал и, покачав головой, положил трубку. — Не знаю, что еще можно сегодня сделать, миссис Грот. Если до утра от вашего мужа не будет никаких известий, позвоните мне в контору, и я сделаю все, что в моих силах. Люси, ты собираешься домой?

— Да... наверное, — неуверенно произнесла она. — Если только миссис Грот не захочет, чтобы я осталась.

— Господи, конечно, нет. — Миссис Грот опять нацепила на нос очки и твердо проговорила: — Не стоило мне так нервничать. Думаю, и Джаспер не будет в восторге, что мы звонили в полицию, да и от всего остального. Идите и ложитесь спать, — обратилась она к Люси настоящим тоном, провожая их до дверей. — И я очень, очень вам благодарна, мистер Шейн, что вы пришли и поговорили со мной. Так или иначе, но вы меня успокоили.

— По-моему, завтра утром у вас будет достаточно времени для беспокойства. А сейчас думайте лишь о том, что он вернулся домой в целости и сохранности после такой ужасной передраги. — Шейн решительно взял Люси под руку, и они подошли к лифту. Взглянув на его суровое лицо, Люси вздохнула.

— Майкл, ты думаешь, мне не надо было тебе звонить по такому поводу?

Шейн нажал кнопку вызова.

— Конечно, надо было, ангел мой. А как близко ты знакома с Джаспером Гротом?

— Шапочно — просто здороваемся при встрече. Я случайно познакомилась с миссис Грот пару лет назад... они тогда только переехали в этот дом. Поэтому она и позвонила мне, оказавшись в таком положении.

Лифт остановился, и они вышли. Проходя мимо коммутатора, Шейн остановился перед конторкой и спросил у седовласой женщины-оператора:

— Вы храните записи о междугородних звонках?

— Если звонили отсюда, то... да. — Ее усталые глаза удивленно посмотрели на детектива.

— Полицейское расследование, — отрывисто сказал он, открыв свой бумажник и мельком дав ей взглянуть на удостоверение частного детектива. — Сегодня во второй половине дня мистер Грот из четыреста четырнадцатой звонил в другой город. Вы можете сказать — кому и куда?

— Полиция? — переспросила она. — Хорошо, я... одну минуту. — Выдвинув ящик стола, она достала папку и открыла ее. — Это личный звонок миссис Леон Уоллес в Литтлборо.

Шейн облокотился на конторку и закурил.

— Я понимаю, что это не общественный телефон, но... не могли бы вы заказать разговор с миссис Уоллес, если я его оплачу?

— Телефонная кабина — в углу, — чопорно ответила оператор.

Шейн поблагодарил ее и, сняв трубку, попросил телефонистку соединить его с номером миссис Уоллес в Литтлборо. К телефону никто не подходил, и он, отменив заказ, вышел из кабины, задумчиво потягивая себя за мочку левого уха.

Люси, до этого сидевшая в кресле у входа, вскочила и схватила его за руку.

— Майкл, какое отношение к этому имеет какая-то миссис Уоллес из Литтлборо?

— Черт возьми, понятия не имею, — усмехнулся он. — Я даже не знаю, где находится этот самый Литтлборо.

— Это фермерский городок примерно в сотне миль от Майами.

Они вместе вышли на улицу, и она неуверенно произнесла:

— Наверное, я все-таки сделала глупость, что тебя побеспокоила. Но миссис Грот была так взволнована... и, как и большинство жителей Майами, она абсолютно уверена, что некий рыжий верзила по имени Майкл Шейн знает ответы на все вопросы.

Шейн улыбнулся, глядя на каштановые кудри своей спутницы.

— Я провожу тебя, а потом вернусь сюда за машиной. Никаких глупостей ты не делала, ангел мой. Представь себе человека, который только-только спасся после того, как десять или даже больше дней боролся за свою жизнь на плоту в открытом море... и в первый же вечер, когда он возвращается к своей любящей жене, уходит из дома и пропадает. Не стоит, конечно, паниковать, но все-таки для этого должны быть веские причины.

Когда они оказались напротив дома, в котором жила Люси, и ступили на мостовую, чтобы перейти улицу, Шейн осторожно наклонился к ее уху и прошептал:

— Не оглядывайся, за нами следят.

— С какой стороны, Майкл? И кто?

— Сзади. А кто — я выясню позже, сначала провожу тебя до подъезда. Не забудь запереться на ночь. Все равно по делу Грота, Люси, мы сегодня

больше ничего сделать не сможем. Если к утру он не объявится, завтра начнем раскручивать дело на полную катушку. Ключ достала?

Стоя рядом с Шейном на верхних ступеньках крыльца, Люси открыла входную дверь, ведущую в небольшой вестибюль, и, положив руки ему на плечи, прижалась к Шейну.

— Майкл, будь осторожен.

— Я всегда осторожен, — ответил он и, легонько подтолкнув ее в вестибюль, захлопнул за ней дверь.

Глава 2

Шейн остановился у обочины и неторопливо закурил сигарету, одновременно обшаривая глазами наполовину скрытый пальмами противоположный тротуар. Выдохнув струю дыма, Шейн отбросил в сторону спичку и в тот же момент уловил какое-то движение напротив шпалеры, образованной кустами роз с западной стороны дома напротив. Все опять замерло, и, лишь не спеша перейдя через улицу, он смог разглядеть неясные очертания фигуры, почти сливавшейся с пышным розовым кустом.

Шейн повернул направо, громко стуча каблуками по асфальту. Оказавшись футах в десяти от затаившейся тени, он внезапно свернул в проезд и стремительно прыгнул прямо на грузное тело мужчины, не успевшего ни увернуться, ни приготовиться к удару.

Человек отшатнулся и наверняка бы упал, если бы Шейн не схватил его левой рукой за лацканы пиджака и не рванул на себя. В неярком лунном свете он сразу же узнал угрюмое загорелое лицо Каннингема, сердито встряхнул его, сжав в кулак правую руку и отведя ее в сторону, и прошипел сквозь зубы:

— В какие такие игры ты играешь?

Каннингем плечом оттолкнул Шейна, пытаясь стряхнуть с себя его руку.

— Вы не имеете права набрасываться на людей! — взвизгнул он. — Какая муха вас укусила?

Шейн продолжал наступать на него, угрожающе занеся кулак.

— В чем дело, Каннингем?

— Я только хотел переговорить с вами наедине, — задыхаясь, проговорил стюард. — Я знал, что мисс Гамильтон живет где-то поблизости, и вычислил, что вы проводите ее и пойдете этой дорогой к своей машине.

Шейн пожал плечами и опустил руку.

— Проще было прямо сказать мне об этом.

— Вот я и говорю. — Каннингем облизнул губы и несколько фамильярно наклонился к Шейну. — Мне кажется, мы с вами могли бы обтяпать одно дельце.

— Что еще за дельце? — Шейн резко повернулся и направился к своей машине, а Каннингем вприпрыжку кинулся за ним.

— Выпивка — за мой счет, — нетерпеливо предложил он.

— Садись! — прорычал Шейн, обойдя машину и садясь за руль.

Каннингем открыл другую дверцу и сел рядом. Детектив завел мотор, развернулся и выехал на ярко освещенный бульвар, даже не взглянув на своего пассажира.

— Итак, ты что-то знаешь о Гроуте, но не хочешь говорить его жене?

— Не совсем так. Я не знаю, где он находится в данный момент. И есть вещи, которые она может просто не понять.

Каннингем замолчал, а Шейн не стал его переспрашивать. В конце бульвара он на мгновение заколебался, решая, куда ехать дальше, затем повернул налево, проехал два квартала и свернул на боковую улочку, затормозив у тротуара перед освещенным входом в бар.

Человек шесть сидели на высоких табуретах у стойки, половина кабинок вдоль правой стороны тоже была занята. Полный лысый бармен за стойкой рассеянно ковырял спичкой в зубах. Увидев Шейна, он вскинул лохматые седеющие брови, поднялся и молча потянулся за бутыл-

кой коньяка на верхней полке, но детектив прошел мимо стойки, бросив на ходу:

— Мы устроимся поудобнее, Эрни.

Он направился к самой дальней кабинке у задней стены бара, и, когда они сели за столик, к ним тут же подошла бойкая молодая официантка в платье с глубоким вырезом. Шейн вопросительно посмотрел на стюарда.

— Бурбон со льдом, — облизнувшись, сказал тот.

— Мне — как обычно, — в свою очередь сделал заказ Шейн.

Как только официантка отошла, Каннингем решительным жестом положил свои массивные ладони на стол.

— Во-первых, — начал он, — я чертовски волнуюсь за Джаспера. Мне не хотелось особенно распространяться на эту тему перед его женой, но, клянусь Богом, с ним что-то стряслось, раз он не пришел на ужин. Знаете, как это бывает, когда попадаешь в переделку, как мы на этом плоту? Нечего есть, нечего пить, и все время только об этом и думаешь. — Он снова облизнул губы, тяжело сглотнул и отвел глаза. — Мечтаешь о том, что будешь делать в первую очередь, как только доберешься до берега, что будешь есть и пить... Мы с Джаспером... понимаете, мы все спланировали до мелочей. Настоящий банкет. Это... ну, вы понимаете... ни один человек такого не забудет.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — кивнул Шейн. — А Джаспер знал, как с вами связаться, если бы что-то помешало вам встретиться сегодня вечером?

— Конечно. У него был мой телефон. Я думаю, все это как-то связано с семейкой Хоули. Помяните мое слово, мистер Шейн. Если бы вы знали Джаспера, вам было бы все ясно. Настоящий псалмопевец. Фанатично религиозен. Пока мы были на плоту, он все время молился и объяснял мне и другим, что мы должны привести в порядок свои дела перед Господом, пока не поздно. Что нам нужно покаяться в своих грехах, смириться перед Всевышним, и все такое прочее. — В голосе Каннингема зазвучали язвительные нотки. — Не то чтобы я имел что-то против религии, — угрюмо добавил он. — Я всегда был способен как принять ее, так и жить без нее. Но Джаспер... он давил, как асфальтовый каток.

— По-моему, вам совсем не обязательно было околачиваться в кустах, чтобы все это рассказать, — спокойно заметил Шейн.

— Конечно, вы правы. Я просто хочу все сразу прояснить. Вы ведь — не настоящий полицейский, так?

— У меня лицензия частного детектива.

— Ага! Как раз это я и имел в виду, вроде адвоката. — Каннингем неопределенно повертел рукой. — Если у вас есть клиент, то вы ведь не обязаны все выкладывать фараонам?

— Я не препятствую правосудию путем утаивания информации, — холодно ответил Шейн.

— Ну, да. Конечно. Как я понимаю, ваши слова означают, что вы не покрываете темных делишек.

— В общем, да. — Шейн закурил, не предложив сигарету своему собеседнику. — Но в данный момент у меня нет клиента.

— А не мог бы я им стать? Тогда все, что я скажу, останется между нами.

— Но судить об этом мне, — предупредил Шейн. — Если это поможет найти Джаспера Грота... — Он вопросительно посмотрел на Каннингема.

— Если бы что-то такое было мне известно, я бы уже сказал об этом. Видите ли, я бы хотел поговорить о дневнике, который Джаспер вел на плоту. Он имеет право продать его газете для публикации?

— Свой собственный дневник? — нахмурился Шейн. — Почему бы и нет?

— Независимо от того, о чем идет речь? Вернее — о ком?

— О вас, вы хотите сказать?

— Ну... да. Я как-то не думал об этом до сегодняшнего утра, понимаете? До того, как тот репортер увидел его и предложил Джасперу кучу денег за право публикации. В нем довольно много личного — такого, что я не хотел бы видеть напечатанным. Знаете... некоторые вещи, которые я рассказал ему, когда нам казалось, что мы уже не выберемся из этой передраги живыми. В такой ситуации у любого крыша поедет.

— Ни одна уважающая себя газета не захочет публиковать что-то, что можно истолковать как клевету, — покачал головой Шейн. — Им придется исключить из текста всю касающуюся вас или кого-то еще информацию, опубликование которой может нарушить ваши права.

— Да, но ведь я точно не знаю, что Джаспер записал в дневник, а что нет. Если бы я мог раздобыть его и взглянуть, я бы чувствовал себя куда спокойнее.

— А где сейчас этот дневник?

— Вот этого-то я и не знаю. Репортер забрал его сегодня утром, но я понятия не имею, встречался ли с ним Джаспер после этого еще раз. Вот что интересно... поскольку Джаспер так внезапно исчез... если с ним что-то случилось... понимаете, о чем я? Останется ли у репортера право на публикацию?

— Вы хотите сказать — если Грот умер?

— Ну... да. Я же сказал — только что-то из ряда вон выходящее могло помешать ему прийти на ужин.

— Тогда все будет зависеть от того, заключили ли они соглашение о публикации. Мне кажется, в противном случае, дневник стал бы собственностью миссис Грот, и право заключать подобные соглашения принадлежало бы ей.

— Как вы думаете, вы смогли бы достать его?

— Не знаю. Это зависит от того, у кого он сейчас.

— Я бы заплатил хорошие деньги за то, чтобы просмотреть его и отметить места, которые с моей точки зрения, печатать не надо.

Шейн задумался.

— Я мог бы это устроить... если он у репортера «Дэйли ньюс». — Он поставил рюмку на стол и небрежно спросил: — А что там насчет Леона Уоллеса?

Рука Каннингема дернулась, и несколько капель виски выплеснулось на стол. Его глаза расширились от испуга.

— Что насчет него?

— Это я вас спрашиваю.

— Вы что, мистер, решили с Джаспером подшутить надо мной?

Шейн откинулся назад и недоуменно взглянул на Каннингема.

— Я задал вам простой вопрос.

— А я вас спрашиваю, что вам известно о Леоне Уоллесе? Где и когда вы вообще о нем слышали?

— Я — детектив, — спокойно напомнил ему Шейн. — Припоминаете? Это моя профессия — знать о таких вещах.

— Да, но... Вы что, разыграли передо мной спектакль вместе со своей секретаршей и старушкой Джаспера? Так? Чтобы я как дурак все разболтал?

— Не понимаю, о чем вы.

— Черта с два не понимаете! — вскипел Каннингем. — Они мне преподнесли все так, будто вы сегодня вечером впервые услышали о Джаспере и его дневнике! Комедию ломали, одурачить меня хотели! Что вам рассказал Джаспер о Леоне Уоллесе?

— Ничего, — ответил Шейн.

— А его жена? После моего ухода?

— Она даже не упоминала его имени.

— Вы лжете! — прохрипел Каннингем и перегнулся через стол, воинственно выпятив квадратную челюсть. — Не думайте, мистер, что вам удастся влезть в это дело. Никто не может обращаться с Питом Каннингемом, как с молокососом.

— Сядьте! — Голос Шейна прозвучал как удар хлыста. Он спокойно выдержал загоревшийся бешенством взгляд молодого человека, а когда тот медленно опустился на стул, продолжил: — Я не лгу. По крайней мере, таким соплякам, как вы. — Он поднялся. — За выпивку платите вы. Если решите продолжить наш разговор, можете найти меня в моей конторе или по этому адресу. — Он назвал Каннингему свой отель, вышел из кабинки и быстрыми шагами направился к выходу.

По дороге домой Шейн притормозил у газетного киоска и купил вечерний номер «Геральда». Поднявшись к себе, он с облегчением стянул с себя пиджак, ослабил ворот рубашки, налил в рюмку коньяка и, устроившись поудобнее в кресле, развернул газету.

Вся первая страница была отдана драматической истории спасения двух членов экипажа самолета, упавшего две недели назад в море, на котором возвращались в Соединенные Штаты сорок демобилизованных со службы в Европе солдат.

Поскольку первое сенсационное сообщение об этом появилось в дневном номере «Ньюс», статья в «Геральде» была не столь эффектной и эмоциональной, но зато более полной и содержала основные факты материалы.

Тут же были помещены снимки заросших густой щетиной Грота и Каннингема, сделанные прямо на пристани, и фотография Альберта Хоули, умершего на спасательном плоту, очевидно, извлеченная из архива газеты. Джаспер Грот оказался исхудавшим мужчиной средних лет с запавшими глазами и изможденным лицом. С фотографии Альберта Хоули смотрел стройный юноша в костюме для верховой езды; впечатление от его добродушной улыбки слегка портили вяло опущенные уголки губ и подбородок, который вряд ли можно было назвать волевым.

Шейн внимательно прочитал газетный отчет, ни разу не встретив ни одного упоминания о дневнике, который Джаспер Грот вел на протяжении всего десятидневного дрейфа на спасательном плоту. Имени Леона Уоллеса тоже нигде не попало.

Благодаря важной роли, которую семья Хоули играла в общественной и экономической жизни Майами, им и их единственному сыну была отведена значительная часть газетного репортажа. Выяснилось, что из близких родственников молодого Хоули остались лишь его мать и сестра Беатрис. Часть материала была посвящена женитьбе двадцатилетнего Альберта Хоули чуть менее года назад. Бракосочетание, ставшее одним из самых пышных торжеств года, очевидно, произошло как раз перед тем, как его призвали в армию, и автор статьи совершенно недвусмысленно намекал, что это была последняя отчаянная попытка состоятельного и избалованного молодого человека избежать службы в армии в качестве простого солдата.

Любопытство вызывало и то, что овдовевшая миссис Альберт Хоули более нигде не упоминалась. Далее утверждалось, что ни один из членов клана Хоули не согласился дать интервью. Ни слова от семьи по поводу гибели Альберта, единственного пассажира, чудом оставшегося в живых после аварии вместе с двумя членами экипажа.

Однако, как справедливо отмечал «Геральд», эта кажущаяся бесчувственной сдержанность Хоули частично объяснялась тем, что семья уже была в трауре в связи с недавней кончиной Эзры Хоули, дяди Альберта и фактического главы всего клана на протяжении последних шести лет. Эзра Хоули умер в возрасте шестидесяти восьми лет в тот момент, когда уже было известно, что самолет потерпел аварию над океаном, но до того, как появилось сообщение, что Альберт Хоули был единственным оставшимся в живых пассажиром.

Шейн нахмурился и с недовольным видом отложил газету в сторону. Он допил коньяк и, рассеянно барабанив пальцами по столу, безуспешно попытался собрать воедино разрозненные кусочки информации, чтобы они приобрели хоть какой-то смысл. Посмотрев на часы, он еще раз набрал номер Тимоти Рурка, которого не застал, когда звонил из квартиры Гротов.

К телефону опять никто не подошел, и Шейн решил позвонить в отдел городских новостей «Дэйли ньюс». Но и там Рурка не оказалось, и никто не знал, где его найти. Тогда Шейн попросил соединить его с заведующим отделом и, когда тот взял трубку, отрывисто сказал:

— Привет, Дирксон. Это Майк Шейн. Я пытаюсь найти Тима Рурка.— Некоторое время он слушал ответ, потом нетерпеливо перебил: — О'кей. Попробую достать его утром. А кстати... кто занимался историей о тех двоих, спасшихся после авиакатастрофы?

— Первое интервью у них взял Джоэл Кросс, — ответил Дирксон. — А в чем дело, Шейн?

— Да я и сам пока не знаю, — честно признался детектив. Он не был знаком с Кроссом, но слышал, что Рурк отзывался о своем коллеге не слишком лестно. — А Кросса поблизости нет?

— Подожди, сейчас узнаю, — буркнул Дирксон. Через полминуты его голос снова послышался в трубке. — Джоэл — на задании. А это важно, Шейн?

— Понятия не имею, — еще раз искренне ответил детектив. — Я тут расследую одну сплетню о том, что второй пилот, некий Джаспер Грот, вел дневник на спасательном плоту... и что «Ньюс» вроде бы планирует его опубликовать — или отрывки, или целиком.

— И где же ты это откопал, Шейн? — после небольшой паузы вкрадчиво спросил Дирксон.

— Да тут неподалеку. Ты это подтверждаешь?

— Нет! — резко ответил Дирксон.

— Отрицаешь?

— Нет! — еще резче ответил тот и бросил трубку.

Майкл Шейн еще некоторое время посидел, задумчиво уставившись в пространство, потом тяжело вздохнул и отправился спать.

Глава 3

Когда в половине десятого утра зазвонил телефон, Шейн сидел с сигаретой в зубах, допивая вторую чашку кофе.

— Майкл? — послышался в трубке голос Люси Гамильтон. — Надеюсь, я тебя разбудила?

— Не совсем, — ответил он и громко зевнул.

— Тебя в приемной ожидает клиент, — деловым тоном продолжала Люси. — Ты можешь приехать прямо сейчас?

— Ангел мой, в такую-то рань? — попытался возмутиться Шейн. — Ты что, не можешь?..

— Это миссис Леон Уоллес из Литтлборо, и ей необходимо вернуться домой как можно скорее.

— Прямо сейчас... м-м-м... — Шейн задумался. — По поводу Грота есть что-нибудь новенькое?

— Ничего. Майкл, тебя ждет миссис Уоллес.

Шейн положил трубку, одним глотком допил кофе и затушил сигарету. Затем быстро повязал галстук, схватил пиджак и отправился в контору. После звонка не прошло и пятнадцати минут, а Шейн уже направлялся к двери с табличкой «Майкл Шейн. Расследования».

Люси в одиночестве сидела за своим рабочим столом в приемной. Увидев Шейна, она многозначительно кивнула в сторону открытой двери в кабинет.

— Доброе утро, мистер Шейн. Я попросила миссис Уоллес подождать внутри.

— Ты уже разговаривала с ней?

— Очень коротко. Прийти сюда ей посоветовала миссис Джаспер Грот. Это касается ее пропавшего мужа.

— Мужа миссис Грот? — нахмурился Шейн.

— Ну, как тебе известно, он ведь тоже пропал. Но миссис Уоллес беспокоится о своем муже. Я решила, что будет лучше, если она сразу все расскажет тебе, чтобы не повторять потом еще раз.

— Ладно. — Шейн шагнул к своему кабинету, но остановился. — Кстати, почему бы тебе не взять блокнот и не пройти вместе со мной? О деле Грота ты все равно знаешь больше меня.

Едва он вошел в кабинет, со стула поднялась стройная молодая женщина. Ее темные волосы были коротко подстрижены, на высокий лоб падала слегка растрепанная челка. Тонкое интеллигентное лицо с минимумом косметики, твердый взгляд широко расставленных серых глаз свидетельствовал о вполне сформировавшейся личности, что несколько не соответствовало внешности молоденькой девушки. На ней была незамысловатая белая блузка, серая шерстяная юбка, на стройных ногах — чулки и прочные полуботинки. Вся ее одежда выглядела добротной, опрятной, явно не новой, но и не обносившейся. Она держалась с достоинством и, судя по всему, получила хорошее воспитание. Общее впечатление усиливал приятный, хорошо поставленный голос.

— Очень рада с вами познакомиться, мистер Шейн.

— То же самое могу сказать и я, — искренне ответил детектив.

Он придвинул ее стул поближе, сел на свое место, а Люси устроилась с другой стороны стола и раскрыла блокнот.

— Начните с самого начала и расскажите, почему вы здесь, — попросил Шейн.

— Я живу в Литтлборо, мистер Шейн. Вчера днем мне позвонил из Майами человек, который назвался Джаспером Гротом. Это имя я слышала впервые, не считая того, что накануне вечером передавали по радио в новостях. Он дал мне свой адрес и сказал, что у него есть сведения о Леоне — моем муже. Обещал рассказать все сегодня утром, но по телефону говорить на эту тему отказался, только повторил, что утром при встрече он сообщит мне важную информацию о Леоне. — Она немного подалась вперед, и лишь сжатые пальцы лежавших на коленях рук и неестественный блеск глаз выдавали тщательно скрываемое напряжение. — Я, конечно, тут же приехала. Только договорилась с соседкой, чтобы та посидела с моими близнецами. И когда сегодня утром пришла по указанному адресу, миссис Грот сказала мне... что ее муж тоже пропал... еще вчера вечером. Она утверждает, что ничего не знает о его звонке и никогда не слышала о моем муже. Собственно, это она и предложила мне прийти сюда и поговорить с вами.

— Ваш муж тоже пропал?

— Да. Это случилось чуть больше года назад. Мне надо было начать именно с этого и рассказать все по порядку. Слишком долго я держала это в себе. Просто не знаю... Я не осмеливалась говорить об этом ни с кем... — Голос ее звучал еще достаточно ровно, но в нем появился едва заметный оттенок начинающейся истерики, и Шейн понял, что она вот-вот сорвется.

— Миссис Уоллес, вы можете говорить со мной совершенно откровенно. Не торопитесь и расскажите все, что считаете важным.

— Мы с Леоном поженились более двух лет назад. — Она опустила глаза и медленно повернула простое золотое кольцо на левой руке. — Сразу после того, как закончили сельскохозяйственный колледж. Все наши деньги мы вложили в небольшую ферму неподалеку от Литтлборо, собирались вы-

растить овощи. Мы были очень счастливы. Это как раз то, к чему мы оба так стремились — жить на земле, выращивать овощи и... воспитывать детей. — Она подняла глаза. — Вы непременно должны понять. Это очень важно. Мы любили друг друга... С тех пор, как мы впервые встретились на первом курсе колледжа, для нас обоих уже не мог существовать никто другой. У нас была хорошая ферма, и мы верили в себя. Конечно, мы знали, что возможен неурожай, что могут наступить трудные времена, но были к этому готовы. Потом я забеременела, и Леон поехал в Майами подыскать временную работу, чтобы раздобыть денег на новую посевную. Ему повезло, он сразу же нашел ее — место садовника в одной богатой семье. Их фамилия — Хоули.

— Хоули? — переспросил Шейн. — То самое семейство?..

Она коротко кивнула.

— То самое семейство, о котором писали в газетах в связи с аварией самолета. Кажется, Леон как-то упоминал об их сыне Альберте в одном из своих первых писем. Не думаю, что Альберт ему очень нравился, но работа была нормальная, к тому же платили хорошо. Мистер Шейн, он уже проработал там почти два месяца, и тут я получаю от него вот это письмо. — Дрожащими руками она открыла свою сумку, достала оттуда длинный конверт и протянула его Шейну. — Лучше вы сами его прочтите. Вы первый, кто... ну, сами поймете, почему я никому его не показывала.

Это был самый обыкновенный конверт, проштемпелеванный в Майами чуть меньше года назад. Письмо адресовалось миссис Леон Уоллес, Литтлборо, штат Флорида. Конверт был так потрепан, что было ясно — его часто открывали.

Шейн вытащил оттуда сложенный втрое листок простой белой бумаги.

— Мистер Шейн, туда еще были вложены десять тысячедолларовых купюр, — сказала миссис Уоллес.

Он остановился и внимательно посмотрел на нее.

— Десять тысячедолларовых купюр?

Она кивнула.

— Прочтите и скажите, что вы об этом думаете.

Шейн развернул листок.

— Если можно, я прочитаю его вслух, чтобы мисс Гамильтон смогла записать.

— Конечно, — снова кивнула миссис Уоллес и, с усилием откинувшись назад, закрыла глаза и сжала губы.

«Дорогая!

Не пугайся всех этих денег. Я не ограбил банк и не совершил ничего дурного. Это честно заработанные деньги. Лучше поезжай в Форт-Пирс и положи их в банк, там у тебя ни о чем не спросят, и снимай их со счета по мере надобности.

Майра, мне придется уехать, и я не могу назвать тебе адрес. Этих денег хватит и для тебя, и для новой посевной, и на оплату больничных счетов для ребенка. Больше я не могу сообщить ничего, тебе придется просто мне верить.

Постарайся не волноваться и не обращай ни в полицию, ни к кому бы то ни было еще. Ни о чем не спрашивай. Если сделаешь все так, как я сказал, я буду посылать тебе по тысяче долларов каждые три месяца, но у меня будут серьезные неприятности и денег больше не будет, если ты расстроишь весь этот план.

Поверь, дорогая, я все продумал, и это лучший выход для нас с тобой, да и для ребенка тоже. Эта сумма куда больше того, что я мог бы заработать за целый год.

Соседям можешь сказать, что меня призвали в армию или что-нибудь в этом роде. Или что я уехал на Запад на заработки.

Только не волнуйся! И не пытайся разузнать еще что-нибудь. Когда все кончится, ты меня поймешь.

Поцелуй за меня ребенка, когда он родится... и, пожалуйста, постарайся доверить мне решать, что лучше, а что хуже.

Твой любящий муж Леон».

Молчание, наступившее после того, как Шейн закончил читать, было нарушено только шелестом бумаги, когда он осторожно складывал листок. Миссис Уоллес широко открыла глаза и судорожно глотнула.

— Что мне оставалось делать, мистер Шейн? — Она напряженно посмотрела на Люси. — Вы — женщина, мисс Гамильтон. Что бы вы делали в таких обстоятельствах?

Люси медленно покачала головой, ее карие глаза потеплели.

— Если бы я любила своего мужа... и верила ему... думаю, сделала бы то же самое, что и вы. Но что все это значит, Майкл? Десять тысяч долларов! И еще по тысяче каждые три месяца...

Шейн недоуменно пожал плечами.

— Больше никаких новостей не было? — спросил он Майру Уоллес.

— Только конверт из Майами раз в три месяца с очередной купюрой в тысячу долларов. — Ее голос слегка дрожал. — Каждый конверт надписан его рукой, с тем же обратным адресом, без единого клочка бумаги внутри. Только купюра. У меня их — уже три. Последний я получила месяц назад.

Шейн вложил письмо обратно в конверт.

— И вчера вечером Джаспер Грот позвонил вам и сказал, что у него есть информация о вашем муже... как раз перед тем, как он сам исчез?

— Да, это так. Но он не сказал, какого рода эта информация, жив Леон или умер.

— Думаю, вам пора справиться о нем у Хоули.

— Я уже это сделала! Сегодня утром позвонила им из квартиры миссис Грот и попросила к телефону мистера Леона Уоллеса, садовника. Ответил какой-то слуга. Он сказал, что у них нет никакого садовника уже, по крайней мере, год... и он ничего не знает о моем муже. Вот тогда я и решила... что должна обратиться к вам, мистер Шейн. Я, конечно, слышала о вас и раньше, — быстро добавила она. — Так же, как, наверное, и любой другой во Флориде. Могу вам заплатить, я почти не потратила тех денег, что послал мне Леон. Мне все равно, что он сделал, только найдите его. Дела на ферме идут хорошо. Мы сможем вернуть все эти деньги.

— У меня уже есть один клиент по этому делу, миссис Уоллес, — ответил Шейн. — Мне кажется, исчезновение вашего мужа и Джаспера Грота как-то связаны. — Он нахмурился и ущипнул себя за мочку левого уха. — Вы сохранили остальные конверты, в которых приходит ежеквартальная плата?

— Да. Они — у меня дома. Но они — точно такие же, как этот, мистер Шейн. Адрес написан рукой Леона. Таким образом, я знаю, что, по крайней мере, месяц назад он был жив и находился в Майами.

— Миссис Уоллес, мне бы хотелось взглянуть на эти конверты и на фотографию вашего мужа.

— Я вам все пришлю.

— Сделайте это, как только вернетесь домой. А пока расскажите, как он выглядит.

— Ему — двадцать четыре года, мы — ровесники. Он закончил колледж чуть позже меня, потому что после школы его призвали в армию. Ростом он примерно пять футов десять дюймов, стройный, темноволосый. Он... — Она вдруг потеряла самообладание и, закрыв лицо руками, разрыдалась.

Шейн встал и выразительно посмотрел на Люси, едва заметно мотнув головой в сторону Майры Уоллес. Когда Люси закрыла свой блокнот и поспешила к молодой женщине, он сказал:

— Запиши ее адрес и телефон. И проследи, чтобы она успокоилась перед уходом. Она что-то говорила о своих близнецах, которых оставила соседке.

— Я все сделаю, Майкл. А ты куда собрался?

— К настоящему моменту, — мрачно усмехнулся Шейн, — у меня уже накопилось определенное количество вопросов к семейству Хоули.

Глава 4

Первым делом Шейн направился в полицейское управление, вернее — в Бюро по розыску пропавших без вести, которое вот уже двадцать лет возглавлял сержант Пайпер — лысый и краснолицый толстяк. В его феноменальной памяти хранилось, пожалуй, даже больше информации, чем в обширных картотеках за его рабочим столом.

Увидев Шейна, Пайпер отрицательно покачал головой.

— Нет, Майк, об этом Джаспере Гроте так ничего и не известно. Надеюсь, мы будем сотрудничать в этом деле?

— Да, но сначала мне нужно кое-что проверить и еще раз поговорить с его женой. Мне очень важно узнать еще одну вещь — есть ли у вас какие-нибудь сведения о некоем Леоне Уоллесе?

— Леон Уоллес? — Сержант наморщил свой высокий лоб. — Нет, никаких.

— А имя Хоули у тебя ни с чем не ассоциируется?

Пайпер отрицательно покачал головой.

— Я дам тебе знать, когда решу, что Грота необходимо занести в твой официальный список, — сказал Шейн.

Из управления он поехал к зданию «Дэйли ньюс» и поднялся на лифте в репортерскую комнату. Поскольку утренний выпуск был уже сдан в набор, Шейн нашел Тимоти Рурка, развалившегося за своим столом в углу. Репортер широко зевнул и снял ноги с соседнего стула, освобождая его для Шейна.

— Что-нибудь новенькое, Майк?

— Пока не знаю. Джозэл Кросс здесь?

— Не похоже. — Рурк посмотрел на пустующий стол в другом конце комнаты и покачал головой. — С тех пор, как Джозэл получил право подписывать в газете свой материал, он не может работать в этом game вместе с «простыми» репортерами. — Последние слова Рурк произнес неприязненным тоном. — Как я слышал, дома ему легче «сосредоточиться».

— А с утра он здесь был?

— Скорее всего. В утреннем выпуске — продолжение его вчерашней статьи об авиакатастрофе.

— Ты слышал что-нибудь о дневнике, который вел один из уцелевших? Поговаривают, что «Ньюс» его, возможно, напечатает.

— Да уж, слышан, — скривился Рурк. — И сегодня утром читал «шедевр» Кросса. Это просто сенсация, парень.

— Насколько я понял, — не отставал от него Шейн, — никто из Хоули не согласился давать интервью по поводу смерти их сына на спасательном плоту.

— Высокомерные светские ублюдки, — с чувством проговорил Рурк. — У них — горе, и они не хотят никаких назойливых репортеров.

— Что ты о них знаешь?

— Об этой семейке? Лично я — почти ничего. Богатые и недоступные. Они многим обязаны своему пращуру, приплывшему сюда в числе первых переселенцев и основавшему факторию, где он и сколотил состояние, с успехом надувая индейцев. А благодаря двум братьям — Эзре и Абелю — они стали одним из самых богатых семейств Майами.

— Эзра — это тот, что умер неделю назад?

— Совершенно верно. Абель «сыграл в ящик» лет на шесть раньше. — Рурк подобрал ноги и выпрямился, с любопытством глядя на Шейна своими запавшими глазами. — Откуда такой внезапный интерес к семейству Хоули?

— Меня интересует пара моментов. Должно быть, в вашем архиве на них — целое досье. — Шейн старался говорить небрежным тоном, но, как только он поднялся со стула, Рурк тоже вскочил.

— Прекрасно. Я пойду с тобой и помогу, чего бы ты ни искал, черт возьми.

Шейн не стал спорить, и они, пройдя в боковую дверь, спустились по крутым ступенькам и оказались в архиве.

— Честно говоря, Тим, я и сам толком не знаю, что ищу. Два небольших факта. Первый — для меня это прямо как кость в горле — Хоули не сделали ни малейшей попытки связаться ни с одним из тех, кто остался жив после катастрофы и кто в течение нескольких дней ухаживал за их сыном на спасательном плоту. И второй — садовник Леон Уоллес, работавший у них год назад. Это имя тебе о чем-нибудь говорит?

Рурк отрицательно покачал головой, и они вошли в длинную тихую комнату с рядами картотечных шкафов, уходившими далеко в глубину архива. Прямо у двери за большим письменным столом сидела пожилая седоватая женщина, курившая сигарету в длинном мундштуке.

Она кивнула им, и Рурк, подняв свою костлявую руку, произнес:

— Только не нарушай покой своей сигареты, Эмми. Мы сами справимся.

Он прошел вперед и, остановившись у одного из шкафов, выдвинул второй ящик сверху, извлек оттуда объемистую папку с грудой газетных вырезок, касающихся деятельности семьи Хоули в течение многих лет, затем включил яркую лампу и протянул папку Шейну.

— С чего начнем?

— С вырезок годичной давности, или даже чуть большей. Точнее — с женитьбы Альберта незадолго до того, как его призвали в армию.

— И таким образом разбились сердце престарелой леди и вызвали состояние вооруженного бунта во Флориде, — весело подхватил Рурк. — Вряд ли газеты подробно писали об этом, но я помню, какой визг подняла старуха, когда Дядя Сэм подцепил на крючок ее обожаемого Альберта. Как же так, ведь есть масса других — обычных граждан, которые могут служить в армии. — Он быстро отложил в сторону несколько вырезок. — В городе ходили слухи, что старая леди сама по-быстрому организовала свадьбу, думала, если он женится до призыва, то сможет избежать службы. Но военная комиссия посмотрела на это дело скептически, и от судьбы он не ушел. А вот и невеста.

Шейн наклонился над столом и посмотрел на свадебную фотографию, изображавшую молодых на ступеньках местной церкви.

— Чтобы загнать меня к ней в постель, силу применять не понадобилось бы, — заметил он.

— Лично я не в курсе, кого именно из них загнали под венец, — равнодушно отозвался Рурк. — А вот и вся семейка, если тебе интересно.

Фотография была сделана во время свадебного приема в доме жениха на открытом воздухе. На ней были изображены худоцавая властная дама, стоявшая на лужайке под пальмой в окружении жениха и невесты, еще одна пара — как подсказал Рурк, ее дочь Беатрис с мужем Джеральдом Мини, и высокий пожилой джентльмен с ястребиным лицом — их дядя Эзра.

— От поколения к поколению кровь становится жиже, — пробормотал Рурк. — Это Беатрис. Здесь на нее — целое досье, если тебе понадобится. До того, как выйти за Джеральда, она была настоящей нимфоманкой, впрочем, может, ею и осталась. Мне рассказывали...

Шейн пожал плечами, продолжая просматривать вырезки.

— Черт побери, я и сам не знаю, что мне нужно. Какое отношение может иметь нимфоманка к исчезнувшему садовнику? Стала бы она с ним связываться?

— Да мало ли... Может, старуха решила, что ее дочери именно он и нужен.

Шейн обратил внимание еще на одну фотографию Альберта Хоули, очевидно, снятую в то же время, что и фотография в «Геральде», только

Хоули был запечатлен на ней в несколько другой позе. Здесь же приводились слова Альберта, что он не ожидает какого-то особого внимания к своей персоне в учебном лагере для новобранцев и почтет за честь разделить тяготы военной службы с остальными призывниками.

— К черту все это, Тим, — резко проговорил он. — Ничего из этого не дает мне ни малейшей идеи, почему Леон Уоллес пропал год назад, а Джаспер Грот — вчера вечером.

— Грот? Пилот того самолета?

— Кажется, второй пилот. Но это — между нами. — Шейн поднялся и направился к выходу. Рурк рысью кинулся за ним.

— Ладно, Майк, давай, выкладывай, — задыхаясь, проговорил он.

— Это пока еще неофициально, — предупредил Шейн. — А почему бы тебе самому не спросить обо всем миссис Грот... если она не будет против? Скажи, что ты от меня, но ничего не публикуй, пока я не свяжусь с тобой после визита к миссис Хоули.

— Да ты и на милую не подойдешь к этой старой ведьме! — воскликнул Рурк.

— Она должна ответить на кое-какие вопросы, — спокойно отозвался Шейн, вызывая лифт. — А ты согласуй все с миссис Грот и заодно поговори со стюардом, Каннингемом. Любопытный тип. Праздничный ужин в первый день на материке после их спасения... на который Джаспер Грот так и не явился. Почему? И еще мне бы хотелось сразу же после Хоули побеседовать с Джоэлом Кроссом о том дне. — С этими словами Шейн вошел в кабину подошедшего лифта.

Вернувшись в деловую часть города, он проехал мимо своего отеля, пересек реку и направился в сторону Корал-Гейблс — к поместью Хоули. Всю дорогу он тщетно пытался склеить те крохи информации, которые ему удалось собрать. Что случилось год назад с Леоном Уоллесом? И что известно Каннингему об исчезнувшем садовнике? Прошлым вечером имя Уоллеса вызвало у него странную реакцию. Вкупе с телефонным звонком Грота миссис Уоллес это могло означать, что Альберт Хоули перед смертью доверил тем двоим какую-то тайну, касающуюся садовника. Год назад кто-то выложил десять тысяч долларов за то, чтобы эту тайну скрыть. И вот, не успев встретиться с миссис Уоллес и поделиться с ней своим секретом, Джаспер Грот исчезает.

Шейн сбросил скорость и подъехал к дорожке, ведущей к дому № 316. Воротами служили два высоких каменных столба, за которыми простирался парк, когда-то тщательно распланированный и засаженный экзотическими деревьями и тропическими кустарниками, а сейчас жутко запущенный.

Где бы сейчас ни находился Уоллес и чем бы он ни занимался, угрюмо подумал Шейн, совершенно очевидно, что последний год он зарабатывал на жизнь не как садовник у Хоули.

Затормозив рядом с тяжелым черным седаном модели пятилетней давности, Шейн выключил мотор, и наступила полная тишина. Казалось, старый дом был полностью отгорожен от внешнего мира, и ничто не указывало на то, что кто-то живет за его толстыми стенами.

Он вышел из машины и взбежал по стертым каменным ступеням на широкую веранду с покоробленным от времени некрашеным деревянным настилом. Доски под его весом закрипели, и это был единственный звук, нарушивший тишину. На широкой дубовой двери висел фигурный бронзовый молоток, и после безуспешной попытки найти кнопку звонка, Шейн громко постучал.

Пока он ждал, у него возникло странное чувство, что на его стук никто не отзовется, и непроизвольно вздрогнул, когда внезапно с визгом проржавевших петель открылась дверь.

На пороге стоял старый морщинистый негр в потрепанной, но чистой и выглаженной форменной куртке серого цвета с блестящими медными пуговицами. Несмотря на согбенные плечи и седые волосы, его темные глаза ярко блестели.

— Да, сэр? Чем могу служить?

— Я бы хотел видеть миссис Хоули.

— Нет, сэр, сегодня она не принимает. — Негр начал закрывать дверь, но Шейн быстро сунул ногу между дверью и косяком.

— Со мной она поговорит.

— Нет, сэр. Не думаю, что вам назначено. Она вас не примет.

Шейн не сдвинулся с места.

— Скажи ей, что я пришел поговорить о садовнике по имени Леон Уоллес.

На секунду ему показалось, что в глазах у негра промелькнуло какое-то странное выражение, но слуга тут же тяжело покачал головой.

— Здесь нет никого с таким именем. И вообще нет никакого садовника.

Шейн уперся в дверь плечом и как следует налег на нее. Она легко подалась, увлекая за собой престарелого слугу.

— И все-таки мне необходимо поговорить о Леоне Уоллесе.

Перед ним открылся широкий коридор со сводчатым потолком, протянувшийся вдоль всего дома. Стены были отделаны панелями темного орехового дерева, на блестящем паркетном полу не было ни единого ковра.

Старый негр упорно цеплялся за дверную ручку, пытаясь загородить вход хрупким телом.

— Это не годится — так врываться в дом, — продолжал протестовать он. — Подождите здесь, я доложу миссис Хоули...

В занавешенном сводчатом проходе справа от входной двери появился высокий человек с портфелем. Грива седеющих волос открывала жесткое скуластое лицо. На вид ему было чуть больше шестидесяти.

— В чем дело, Бен? — спросил он повелительным тоном. — Ты прекрасно знаешь, что в доме никого не принимают.

— Да, сэр, мистер Гастингс. — Старик бросил обеспокоенный взгляд через плечо. — Объясните все этому джентльмену. — Он закрыл за собой дверь, а пожилой человек тем временем подошел к детективу и властно спросил:

— Что означает ваше вторжение?

— Мне кажется, — медленно произнес Шейн, — что сюда давно пора вторгнуться.

— Кто вы такой, сэр?

— Детектив.

Костистое лицо мужчины мгновенно напряглось.

— Могу я взглянуть на ваше удостоверение? — подозрительно спросил он.

— А вы кто такой? — в свою очередь резко спросил Шейн.

Тот поставил портфель на пол и извлек из нагрудного кармана визитную карточку, гласившую: «Гастингс и Брандт, адвокатская контора». В нижнем правом углу стояло имя — Б.Г.Гастингс.

— Я — адвокат семьи Хоули. Вы должны предъявить мне свое удостоверение и изложить суть дела.

— Я — частный детектив, — сказал Шейн, — и у меня — дело к миссис Хоули.

— Миссис Хоули ведет уединенный образ жизни и никого не принимает. Возможно, вам не известно о трагедии, случившейся недавно с ее единственным сыном.

— Мне все известно о смерти Альберта Хоули, — упрямо проговорил Шейн. — Гораздо больше, чем ей. Это одна из причин...

— Вдобавок к этой тяжелой утрате, — перебил его адвокат, — я только что закончил печальный долг оглашения завещания брата ее мужа, недавно умершего. Вы, несомненно, можете изложить свое дело мне и не беспокоить членов семьи.

— А вы можете ответить на некоторые вопросы, касающиеся Леона Уоллеса?

— Я не совсем понимаю...

— Я тоже! — оборвал его Шейн, подошел к занавешенному проходу в виде арки, раздвинул занавески и оказался в большой квадратной комнате, еще более темной, чем холл.

Три человека, находившиеся в комнате, обернулись к нему с немим удивлением.

Пожилая леди, сидевшая на стуле с высокой прямой спинкой лицом к камину, явно была здесь господствующей персоной. Высокая и худощавая, она держалась очень прямо, твердо поставив свои маленькие ноги на пол, слегка наклонившись вперед и опираясь обеими руками на тяжелую трость с медным набалдашником. На ней было глухое черное платье с длинными рукавами, доходящее до кончиков крошечных черных туфель, единственным украшением строгого платья был белый кружевной воротничок. Ее голос прозвучал неожиданно грубо и строго:

— Кто это, Б.Г.?

Слева от нее, на диване, вытянув ноги, развалился раскормленный молодой человек в бархатном смокинге и темных брюках. Мельком взглянув на Шейна, он тут же опустил глаза и начал раздраженно рассматривать кончики своих ботинок.

Третьей обитательницей комнаты оказалась долговязая девица в бесформенной темной блузе, неуклюже сутулившаяся на обитом кожей стуле напротив камина. Ее черные волосы были коротко подстрижены, и пряди взлохмаченной челки беспорядочно падали на лоб. Тонкая верхняя губа девушки слегка приоткрывала выступающие зубы, и, пока она лениво изучала детектива, глаза ее оставались полузакрытыми.

Шейн твердо шагнул в комнату, не давая адвокату ответить миссис Хоули.

— Я — детектив, — сказал он, — и у меня к вам — несколько вопросов.

— У него нет каких бы то ни было юридических оснований, миссис Хоули, — вмешался Гастингс. — Он ворвался в дом силой, и я считаю, что мы должны вызвать полицию, чтобы выдворить его отсюда.

Миссис Хоули подняла трость и громко стукнула ею по каминной полке.

— Не будьте идиотом, Б.Г. Кто вы, молодой человек, и что вам угодно?

— Миссис Хоули, меня зовут Майкл Шейн. Приходил ли сюда вчера вечером Джаспер Грот?

— Вы не обязаны отвечать на его вопросы, — поспешно вставил Гастингс. — Я уже объяснял...

— Чепуха, — перебила его миссис Хоули, еще раз стукнув тростью по камину. — Почему я не могу ему ответить? Я не знаю никакого Джаспера Грота. И вчера вечером сюда никто не приходил.

— А вы ждали его прихода? — продолжал настаивать Шейн. — Вы не просили его прийти и поговорить с вами?

— С какой стати? Я с ним не знакома.

— Миссис Хоули, вы читаете газеты?

— Я знаю, о ком он говорит, — апатично отозвалась девушка, почти не разжимая губ. — Джаспер Грот был на спасательном плоту вместе с Альбертом.

— А почему я должна пригласить этого типа в мой дом? — властно спросила старая леди.

— В подобных обстоятельствах большинство матерей стремились бы встретиться с ним, — заметил Шейн. — Вполне разумно предположить, что он мог передать вам последние слова вашего сына.

— Чепуха! — отрезала старая леди. — Ни один из Хоули никогда не изберет себе в наперники подобное отребье.

— Между прочим, он звонил сюда вчера во второй половине дня, — лениво проговорила девушка. — Я предложила ему прийти в восемь вечера.

— Беатрис! И это после того, как я недвусмысленно заявила, что не хочу даже слышать об этих негодяях, которые бросили Альберта умирать и думали только о том, как бы спасти собственные шкуры?!

— Я знаю, мама. — Верхняя губа Беатрис приподнялась в неприятной усмешке, придававшей ей вид капризного ребенка. — Мы с Джеральдом говорили о завещании дяди Эзры, которое, как мы знали, мистер Гастингс собирался сегодня зачитать, и я решила, что было бы все-таки неплохо переговорить с мистером Гротом. — Она сделала паузу, бросив на мать враждебный немигающий взгляд. — Как ты теперь считаешь, стоило с ним поговорить?

Гастингс громко откашлялся.

— Пожалуйста, Беатрис, успокойтесь, этот человек — чужак.

Шейн, не обращая на него внимания, подошел к девушке.

— Вы хотите сказать, что Грот не пришел?

— Не отвечай ему, Беатрис! — Миссис Хоули яростно стукнула тростью по камину. — Молодой человек, извольте задавать свои вопросы мне!

Шейн стоял не шелохнувшись, наклонив голову к девушке. Ее веки дрогнули, приоткрыв темные, как ночь, глаза. Беатрис прикусила нижнюю губу, неожиданно хихикнула, вскочила со стула и, отвернувшись, торопливо вышла из комнаты.

Шейн решил переключить внимание на молодого человека, который даже не шевельнулся во время легкой перепалки между матерью и дочерью.

— А вам известно, приходил ли сюда Грот?

— Старина, по-моему, ваши вопросы — просто нахальны.

— Ну, вот, еще один, — спокойно произнес Шейн и обернулся к миссис Хоули. — А где Леон Уоллес?

Ее глаза вспыхнули, и она свирепо сжала трость.

— Это еще кто такой?

— Садовник, которого вы наняли около года назад.

— У меня нет привычки держать в голове имена прислуги. Джеральд прав. Вы — наглец. Б. Г., прогоните этого молодого человека.

Шейн холодно усмехнулся, посмотрев на нерешительно двинувшегося в его сторону адвоката.

— Полиция еще задаст вам те же самые вопросы, — пообещал он и гордо прошествовал к выходу.

Негр, дожидавшийся у двери, тут же распахнул ее при приближении Шейна, и он вышел на веранду, с облегчением вдыхая чистый теплый воздух. Вдруг за его спиной раздались торопливые шаги. Его догонял Гастингс, на ходу натягивавший шляпу.

— Миссис Хоули страшно напряжена! — нервно выпалил он. — Я... э-э-э... думаю, что нам стоит обсудить некоторые вопросы у меня в конторе. Вы согласны встретиться со мной, мистер... э-э-э... Шейн, не так ли?

— С удовольствием, — кивнул Шейн, и адвокат проворно вскочил в черный седан, завел мотор и резко взял с места.

Пронзительный свист заставил Шейна поднять голову. Последний раз он слышал такой свист в детстве, когда играл в индейцев. Свист повторился.

И тут он заметил Беатрис. Перегнувшись через витые чугунные перила балкона второго этажа, она энергично махала рукой, подавая ему какие-то знаки, в то время как пальцы другой руки были прижаты к ее плотно сжатым губам.

Шейн нахмурился, нерешительно взглянув на наружную лестницу, ведущую к балкону, и девушка вновь настойчиво указала в ее сторону.

Он пожал плечами, захлопнул дверцу машины, подошел к лестнице и начал подниматься к балкону, на котором его ждала Беатрис.

Глава 5

Как только Шейн добрался до балкона, она возбужденно схватила его за руку и втащила за собой через открытую стеклянную дверь в большую спальню, своей обстановкой напоминавшую детскую. Все было бело-розовое: обои в цветочек, скатерть с оборками на маленьком столике, покрывало на кровати, сделанное из того же кретона, что и шторы.

Беатрис остановилась посреди комнаты и обернулась к нему, склонив голову набок и застенчиво положив палец в рот.

— Знаете что? — спросила она.

— Что? — серьезно отозвался Шейн.

— Когда я на вас смотрю, у меня внутри все бурлит. — Она шаловливо хихикнула, подошла к низкому книжному шкафу, сняла две книги с полки, из образовавшейся щели выудила пол-литровую бутылку виски, наполовину опустошенную, и выдернув зубами пробку, протянула Шейну бутылку.

— Придется пить прямо так, — сказала Беатрис по-деловому. — Стащить здесь лед и шейкер почти невозможно.

Шейн поднес бутылку к губам и сделал пару глотков — так, чтобы как можно меньше жидкости попало в горло. Он вернул ей бутылку, и она, сделав большой глоток, вытерла рот тыльной стороной ладони и удовлетворенно произнесла:

— Чертовски здорово! Если бы у меня не было под рукой припрятанной бутылки, я бы уже с ума сошла, сидя взаперти в этом доме.

Шейн сел на низкий стульчик в изножье кровати.

— Вы — сестра Альберта Хоули, не так ли? — небрежно спросил он.

Девушка нахмурилась.

— Была. Альберт умер. — Она присела на кушетку в нескольких футах от него, расставив ноги слишком широко, чтобы это выглядело привлекательно. В ее руках покачивалась бутылка виски. — С матерью просто невозможно жить. Джеральд, конечно, душка, но иногда надоедает мне до смерти.

— Ваш муж?

— Ага.

— И как долго вы живете здесь с матерью?

— Вот уже два года. В ожидании своей доли после смерти дяди Эзры. — Беатрис хихикнула без видимых, с точки зрения Шейна, причин.

— А что, ваш муж не в состоянии вас содержать? — мрачно спросил он.

— Думаю, что в состоянии, но с чего бы ему об этом волноваться? У дяди Эзры были миллионы. Он украл их у папы и выделял матери какие-то жалкие крохи — только чтобы она могла кое-как содержать этот чудовищный дом.

— Каким образом ваш дядя ухитрился обокрасть вашего отца?

— У них было общее дело. Когда папа умер, оказалось, что от его доли ничего не осталось. Мистер Гастингс все нам объяснил. Он — мастер на такие объяснения.

— Итак, ваш дядя умер, и вы получите все те миллионы, что он украл у вашего отца?

— В том-то и дело.

— В чем?

— Поэтому я и хотела поговорить с вами. Он все до последнего цента оставил Альберту.

— Но ведь Альберт умер.

— Вот я и говорю. — Девушка начала терять терпение. — Мы столько лет ждали и вдруг остались без гроша в кармане. Это нечестно.

— Вы имеете в виду, что все наследует его жена?

— Совершенно верно. Хотите верьте, хотите нет, но, по завещанию, он все оставил ей, даже несмотря на то, что она развелась с ним.

Шейн резко выпрямился.

— Я не знал, что Альберт развелся.

— Да? Ну, так они сделали это очень тихо, потому что со стороны это выглядело бы некрасиво. Как будто они поженились только из-за того, чтобы он смог избежать службы в армии, а когда это не получилось — сразу же развелись. Возможно, все примерно так и было, но тогда я не понимаю, почему он передумал и составил завещание в ее пользу, даже не оговорив условие о ее возможном повторном браке?

— Может, когда он писал завещание, то не знал, что Эзра собирается оставить ему все.

— Может быть. Я как-то об этом и не думала.

— А она вышла замуж еще раз?

— А как же, — насмешливо сказала Беатрис. — Как только получила развод. После нескольких месяцев жизни с Альбертом ей нужен был настоящий мужик...

В этот момент неожиданно открылась дверь, и на пороге появился Джеральд. Увидев свою жену вместе с Шейном, он остановился, но не выказал ни малейшего удивления.

— Я видел, что ваша машина все еще стоит около дома, и решил, что вы можете быть здесь, — сказал он Шейну и укоризненно посмотрел на Беатрис. — Матери это не понравится... что ты с ним встречаешься.

— Да как ты смеешь вламываться в мою спальню без стука?! — возмутилась она. — Выметайся и не приходи больше!

— Но это и моя спальня, — мягко напомнил он ей. — Мать рассердится, если...

— Выметайся! — закричала она, набрасываясь на него со стиснутыми кулаками.

— Хорошо. Но все-таки советую запереть за мной дверь, — усмехнулся Джеральд Мини, повернулся и вышел.

— Вот видите?! — с торжествующим видом обратилась Беатрис к Шейну. — Я же говорила, что ему все равно, чем я занимаюсь. Он женился на мне, главным образом, потому, что думал, что я — богатая.

— И теперь выяснилось, что это не так?

— Об этом я и хотела с вами поговорить. — Она хитро посмотрела на него. — Поэтому я вышла из гостиной первой и ждала на балконе, чтобы позвать вас сюда.

— Так давайте воспользуемся случаем и поговорим, — предложил Шейн.

— Так вы действительно частный детектив?

— Да.

— И занимаетесь розыском людей, и все такое?

— Много чего такого, — согласился Шейн.

— Ну, хорошо. Вы должны найти тех двоих, что были на спасательном плоту вместе с Альбертом. Я знаю, что один из них — Джаспер Грот, которого я пригласила вчера вечером сюда, но он не пришел. И там был еще один, в газетах об этом писали. Можете его найти?

— Могу. А зачем?

— Неужели не понимаете? Потому что в газетах писали — четыре или пять дней, вот зачем. Сколько точно, они не написали.

— Что значит — четыре или пять дней? — мягко переспросил Шейн.

— Сколько дней Альберт прожил на плоту. Это очень важно. Сегодня утром мистер Гастингс подробно все расписал. Мы не знали, какое это имеет значение, до сегодняшнего утра, когда он зачитал завещание дяди Эзры и все растолковал.

— А что конкретно он растолковал?

— Как все сложилось... ведь дядя Эзра умер десять дней назад — через пять дней после того, как самолет, на котором летел Альберт, потерпел аварию. Если он прожил на плоту только четыре дня, значит, к моменту смерти дяди Эзры он был уже мертв, и все деньги достаются нам. Но если он был еще жив, когда дядя Эзра протянул ноги, тогда по закону наследник — Альберт, и его бывшая жена загребет все себе. Короче, все зависит от того, пять дней Альберт пробыл на плоту или четыре.

— И вы хотите, чтобы я разыскал тех двух свидетелей и выяснил точно — четыре или пять дней? — медленно проговорил Шейн, пытаясь сложить новую информацию с уже имевшейся и найти более-менее вразумительный ответ.

— Ну... хотя бы разыскать и убедить их сказать о четырех днях. Вы могли бы это сделать? Если бы я была вашим клиентом? Если бы они поняли, как это важно...

— Вы имеете в виду — подкупить их в том случае, если на самом деле Альберт прожил пять дней?

Беатрис прикусила губу и наклонила голову, оценивающе глядя на Шейна.

— А что в этом плохого? Эти деньги действительно принадлежат нам. И уж, конечно, не Мэти... после того, как она отдалась от него и вышла за другого... даже если он был настолько глуп, что оставил такое завещание. Если свидетели скажут, что было четыре дня, вы можете предложить им вполне приличную сумму. Все наследство, я думаю, составляет миллиона два.

Шейн с невозмутимым видом пожал плечами.

— Ну, это только предположение. Вы, естественно, пока не знаете, нужна ли эта взятка. Возможно, это и было лишь четыре дня... и все, что от них требуется, — сказать правду.

— А вдруг они заявят, что пять? Еще до того, как узнают, насколько важен этот лишний день? Понимаете, почему я хочу, чтобы вы занялись этим делом? А с матерью и Джеральдом говорить бесполезно. — Беатрис презрительно поморщилась. — Они ничего не понимают в таких делах. У них, видите ли, мораль и прочая чушь. — Слово «мораль» она практически выплюнула. — Но вы — совсем другой.

— Мы могли бы заключить соглашение, — предложил Шейн.

— Какое соглашение?

— Я мог бы выручить вас, если бы вы, в свою очередь, сделали кое-что для меня.

— Вы же знаете, Майкл Шейн, я все для вас сделаю.

— Тогда расскажите о Леоне Уоллесе.

— О Леоне Уоллесе? — непонимающе повторила Беатрис. — Садовнике?

— Он ухаживал за вашим парком около года назад, — уточнил Шейн. — Что с ним стало?

Выражение лукавства на ее лице сменилось тупым оцепенением.

— Я не знаю... правда, не знаю. Действительно, в этом есть что-то странное. В одно прекрасное утро он просто не явился на работу. Именно из-за этого я и хотела поговорить вчера с мистером Гротом.

— Зачем?

— Потому что он сказал, что ему известно о Леоне Уоллесе все. Меня это всегда занимало, и я пригласила его сюда. Но он не пришел.

Шейн на мгновение задумался, не зная, верить ей или нет.

— Значит, вы не собирались спросить Грота, когда именно умер Альберт?

— Я тогда не представляла, что это имеет такое значение, — нетерпеливо объяснила она. — До сегодняшнего утра не представляла...

— А что за человек был Леон Уоллес?

— Он был душа, — сказала Беатрис с неожиданным воодушевлением, как будто только что что-то вспомнила.

— Он вам нравился?

— Конечно. А кому бы он не понравился? Но он на меня ни разу даже не взглянул. И на Мэти тоже, хотя она и бегала за ним в своей обычной манере.

— Жена Альберта?

— Угу. Это было уже после того, как он уехал, а она собиралась в Рино, чтобы получить развод.

— А Альберт ревновал?

— Он? — ядовито усмехнулась Беатрис. — Даже если и ревновал, то не осмелился бы показать это Мэти. Он был у нее под каблуком, это уж точно. А может, отправимся теперь в постель? — неожиданно закончила она.

Шейн вздохнул, поднялся и жестко бросил через плечо:

— Я никогда не унижался до того, чтобы лечь в постель другого мужчины!

Выйдя на яркий солнечный свет, он быстро спустился по чугунной лестнице, вскочил в машину и уехал, даже не обернувшись на старый разрушающийся особняк.

Глава 6

Адвокатская контора «Гастингс и Брандт» размещалась на четвертом этаже обветшалого старинного здания на Флеглер-стрит. В тусклой приемной за письменным столом восседал похожий на гномика маленький человечек в лоснящемся шерстяном пиджаке. Он сидел, сгорбившись над увесистым томом по юриспруденции, а, заметив вошедшего Шейна, раздраженно вскинул голову и, близоруко щурясь, уставился на него.

— Да-да? В чем дело?

— Я — Шейн. Мистер Гастингс просил меня зайти.

— Шейн? — Клерк неодобрительно поджал губы, заглянул в блокнот, с неохотой сказал: — Кажется, все правильно, — и указал на дверь с табличкой «Личный кабинет».

Шейн без стука распахнул дверь. Гастингс сидел за старинным бюро с откидной крышкой, разложив на ней ворох бумаг. На нем все еще был тот же черный, застегнутый на все пуговицы костюм, хотя жара в кабинете стояла удушающая. Сняв со своего костлявого носа пенсне, он сухо заметил:

— Вы — очень точны, мистер Шейн.

Шейн сел на жесткий деревянный стул с прямой спинкой, заскрипевший под его тяжестью.

— Насколько я понимаю, дело не терпит отлагательства.

— На какое дело вы ссылаетесь, мистер Шейн?

— Наследство Хоули.

— Понятно. Так... А в чем, собственно, ваш интерес в данном вопросе?

Детектив откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу и достал сигарету.

— Это вы просили меня зайти.

— Да, это так. — Гастингс решительным жестом водрузил на нос пенсне и окинул взглядом разложенные перед ним бумаги. — Ваши расспросы о Джаспере Гроуте навели меня на мысль, что вы с ним знакомы.

— Точнее — я его разыскиваю.

— Не хотите ли вы сказать, что его нужно еще и искать?

— Я занимаюсь этим со вчерашнего вечера. Когда он вышел из дома на встречу с Беатрис Мини.

— Встречу, на которую он не пришел, — натянуто подчеркнул Гастингс.

— Так утверждает Беатрис. Это правда, что до сегодняшнего утра ни она, ни остальные члены семьи не знали, что точная дата смерти Альберта имеет для них огромное значение?

— В каком смысле, мистер Шейн?

Шейн наклонился вперед и устало произнес:

— Давайте не будем терять время. До того, как вы зачитали завещание Эзры, кто-нибудь из Хоули понимал, что точная дата смерти Альберта может означать для них плюс-минус два миллиона долларов?

— Не представляю, где вы раздобыли эту информацию, мистер Шейн. Я определенно не сказал ничего...

— Беатрис рассказала, — холодно перебил его Шейн. — И это, и многое другое, пока мы с ней прикончили бутылку виски в ее спальне после вашего отъезда.

Гастингс вздохнул и снял пенсне.

— Беатрис нельзя полностью доверять.

— Особенно если рядом — выпивка, — весело согласился Шейн. — Но она совершенно откровенно рассказала, что Эзра оставил все свое состояние Альберту... но не наследникам и правопреемникам Альберта, если тот умрет раньше. То есть, если опустить юридическую терминологию, Хоули получают деньги, если Альберт умер раньше Эзры. Но если он был жив в момент смерти своего дяди, он является законным наследником, и все деньги достаются его бывшей жене.

— Ну... по существу — это верно.

— Я повторяю свой вопрос — кто-нибудь из них понимал эту ситуацию до того, как вы зачитали им завещание?

— Думаю, они были в курсе, что Эзра собирался оставить Альберту, по крайней мере, большую часть своего состояния, — осторожно ответил Гастингс.

— И им также было известно, что Альберт все завещал своей бывшей жене?

— Я допускаю, что они действительно об этом знали.

— Ну, тогда не надо быть гением, чтобы догадаться, что деньги они получат лишь в том случае, если Альберт умрет первым, и что им не достанется ни цента, если он прожил на плоту пять дней.

— Это может быть очевидным для вас или для меня, мистер Шейн, поскольку мы хорошо разбираемся в юриспруденции. Но я не уверен, что они смогли бы сами рассуждать так логично в создавшейся ситуации. На самом деле, сегодня утром у меня сложилось впечатление, что никто из них не осознавал значения даты смерти Альберта, пока я им этого не объяснил.

— Беатрис говорила, что вы — мастер на всякие объяснения, — как бы невзначай бросил Шейн.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, например, что Эзра присвоил все деньги своего брата, с которым у него было общее дело.

Гастингс брезгливо поджал губы.

— Тут не было ничего противозаконного. Абель Хоули был непрактичным человеком и никудышным бизнесменом. Он неудачно вложил деньги и потерял свою долю семейного состояния, в то время как Эзра постепенно и с умом приумножал свою.

— И с момента смерти своего мужа Сара Хоули целиком зависела от Эзры?

— Он был с ней более чем щедр, несмотря на то, что, по закону, у него не было никаких обязательств содержать семью брата.

— Этот запущенный старый дом вряд ли свидетельствует о большой щедрости миллионера.

— Не представляю, какое это имеет отношение к обсуждаемому вопросу.

— А вот какое — действительно ли миссис Хоули и Беатрис останутся без средств к существованию, если деньги Эзры получит вдова Альберта?

— Практически... боюсь, что да.

— Есть ли вероятность того, что вдова благородно поделится с ними?

— Я не могу ответить на этот вопрос, мистер Шейн. Кстати, до сих пор еще нет твердых доказательств, что миссис Мередит унаследует эти деньги.

— Мередит? — нахмурился Шейн.

— После развода жена Альберта вышла замуж за некоего Мередита.

— Вы хотите сказать, что пока еще точно не установлено, сколько дней Альберт прожил после аварии самолета?

— Совершенно верно, мистер Шейн. Именно это я и хотел сказать.

— Есть двое оставшихся в живых после аварии, они бы могли назвать точную дату, — начал размышлять вслух Шейн.

— Совершенно верно. И если вам известно что-либо об их местонахождении, мне бы очень хотелось встретиться с ними.

— Плюс еще и дневник, который Грот вел на плоту, может точно указать день и час смерти Альберта, — продолжал Шейн, не обращая внимания на слова Гастингса.

— Какой дневник?

Шейн удивленно взглянул на него.

— Я думал, вы знаете, что Джаспер Грот вел дневник. А «Дэйли ньюс» купила права на его публикацию. Они собираются напечатать отрывки из него.

Гастингс молчал, нервно крутя в руках пенсне.

— Если бы этого дневника не существовало, — рассудительно продолжал Шейн, — предложение Беатрис разыскать двух очевидцев и подкупить их, чтобы они показали под присягой, что Альберт умер раньше своего дяди, было бы вполне обоснованным. Надо полагать, у вас аналогичное предложение, — небрежно закончил он.

— Что? Взятка?! Ничего подобного мне и в голову не приходило.

— Когда на кону пара миллионов, это имеет смысл, — возразил Шейн.

— Абсурд! Я бы и обсуждать это не стал.

— Так или иначе, но дневник — это камень преткновения, — признал Шейн. — Сам по себе он — гораздо более весом, чем любые свидетельские показания. И пока он существует, говорить с Гротом или Каннингемом просто не имеет смысла.

— И где же находится означенный дневник? — требовательно спросил Гастингс.

— Кажется, этого никто не знает... наверняка. — Шейн задумался. — Если вчера вечером он взял его, когда отправился к Хоули...

— Нет никаких доказательств того, что он там был, — поспешно возразил Гастингс.

— Беатрис сказала, что она сама его пригласила.

— Но он не пришел в назначенное время.

— Это она так говорит, — спокойно согласился Шейн. — Вот почему так важно знать, представлял ли кто-нибудь из них вчера вечером, что точное время смерти Альберта может значить для них два миллиона долларов. И если да, то это могло бы объяснить, почему Грот так и не вернулся домой.

— Вы намекаете, что он был у Хоули, и что кто-то из моих клиентов имеет отношение к тому, что он не вернулся домой?! — возмутился Гастингс.

— Должен заметить, что за два миллиона долларов Беатрис вполне способна стукнуть по башке любого. Да и старая леди тоже, если судить по тому, как она себя ведет. Джеральд... не знаю. — Шейн медленно покачал головой, вспоминая появление мужа Беатрис в ее спальне.

— Уверяю вас, что все Хоули — люди в высшей степени порядочные.

Шейн усмехнулся.

— Мы оба знаем, что Беатрис — запойная пьяница и нимфоманка в придачу. И мне не надо напрягать свое воображение, чтобы представить, как старая леди размахивает своей тростью у кого-то над головой. Само собой разумеется, — убедительно продолжал он, — что они должны до смерти ненавидеть бывшую жену Альберта. Как хладнокровно она развелась с ним, когда его забрали в армию. А сам он расстроился из-за этого?

— Альберт не делился со мной своими чувствами по поводу развода.

— Вы помогли ему составлять завещание в пользу его жены, если она даже разведется с ним и выйдет замуж повторно?

— Да, я.

— И не задали ему вопрос по поводу этого условия? — недоверчиво спросил Шейн.

— Как его поверенный я точно следовал данным мне инструкциям. Итак, мистер Шейн, по-моему, мы уже обсудили все, что можно. — Адвокат отодвинул свой стул и поднялся.

Шейн продолжал сидеть, положив ногу на ногу.

— Мы еще не говорили о Леоне Уоллесе, — сказал он.

— О ком?

— Вы слышали, как я спрашивал о нем миссис Хоули?

— Я смутно припоминаю, что вы называли это имя, — неохотно кивнул Гастингс, — но понятия не имею, кто он такой.

— Я уже говорил сегодня утром. Это садовник, которого они наняли год назад.

— У них нет садовника как минимум год, — возразил Гастингс и решительно направился к двери. — И вряд ли это может быть предметом обсуждения.

Шейн не шелохнулся.

— Предметом обсуждения является необъяснимое исчезновение Леона Уоллеса около года назад.

Гастингс замер, положив ладонь на дверную ручку. Он стоял спиной к Шейну, но детектив видел, как все его тело одеревенело от напряжения.

— Не понимаю, какое отношение это имеет к моим клиентам. По-моему, он просто был уволен из соображений экономии.

— Возможно, — кивнул Шейн и медленно поднялся. — Кто подал на развод — Альберт или его жена?

— Миссис Хоули начала бракоразводный процесс в Неваде.

— На каком основании?

— Видимо, психологическая несовместимость. — Гастингс толкнул дверь и повернулся, встревоженно глядя на Шейна. — Что ж, все точки над «i» расставлены. Не думаю, что можно получить что-либо полезное, если бедить старые раны.

— Возможно, вы правы, — согласился Шейн и вышел в приемную. Дверь за ним тут же громко захлопнулась.

Когда он подходил к выходу, в приемную вошли двое. Мужчина был высоким и бледным, с длинными, как у обезьяны, руками. Женщина — молодая и ухоженная — показала Шейну еще более сексуальной, чем на свадебной фотографии мистера и миссис Хоули, которую он видел этим утром в архиве «Ньюс».

— Привет, Джейк! — сказал Шейн. — Какие темные делишки могут быть у такого стряпчего, как ты, в приличной адвокатской конторе?

Джейк Симс невесело усмехнулся.

— Это я тебе могу задать такой вопрос, ищейка. Не хочешь ли ты сказать, что уважаемый адвокат Гастингс опустил до такой степени, что нанял тебя?

Шейн радостно улыбнулся ему в ответ.

— Может, представишь меня Мэти?

Она оценивающе изучала его, чуть склонив голову набок, и ее глаза без тени смущения говорили, что ей нравится то, что она видит.

— Кто это, Джейк?

— Это именно тот парень, от которого надо держаться подальше, — проворчал Симс и крепко схватил ее за руку.

— О'кей, миссис Мередит, — усмехнулся Шейн. — Мы еще увидимся. — И вышел прежде, чем она успела ответить.

Глава 7

Спустившись вниз, Шейн купил утренний выпуск «Дэйли ньюс» и развернул газету. На первой странице был помещен материал на две колонки за подписью Джоэла Кросса под невероятно патетическим заголовком: «Отважные люди среди бушующих волн».

Статья, написанная в неумеренно эмоциональной манере, извещала, что известный журналист Джоэл Кросс договорился с мистером Джаспером Гротом об эксклюзивной публикации личного дневника последнего, который он вел в те горестные дни, когда его с двумя товарищами по несчастью носило на спасательном плоту в открытом море после аварии самолета.

Нахмурившись, Шейн сложил газету и сел в машину. Дело приобретало новый оборот. Каждый, кому известно, какое значение имеет точная дата смерти Альберта Хоули, прочитав «Дэйли ньюс», поймет, что в дневнике Грота — ключ к целому состоянию. Направляясь к своей конторе, он размышлял, известно ли самому Джоэлу Кроссу, какая бомба заложена в этом дневнике.

Когда Шейн вошел в контору, Люси Гамильтон взглянула на него, озабоченно наморщив лоб.

— Майкл, только что звонил шеф Джентри. Ты должен позвонить ему. И еще раньше звонила миссис Грот. Она — в истерике и хочет знать, что тебе удалось сделать, чтобы найти ее мужа.

Шейн медленно покачал головой.

— Не очень много. Боюсь, что этим придется заняться полиции.

— Майкл, как по-твоему, что с ним могло случиться?

— Я думаю, он мертв, — жестко бросил Шейн.

Войдя в свой кабинет, он сел за стол, снял телефонную трубку и набрал номер Уилла Джентри в полицейском управлении.

— Уилл, это Майк Шейн.

— Майк! Какое ты имеешь отношение к некоему Джасперу Гроту?

— Занимаюсь его розыском, — после небольшой паузы ответил Шейн.

— Зачем?

— Вчера вечером меня об этом попросила миссис Грот. Он не вернулся домой, и она была обеспокоена.

— Не вернулся откуда?

— Миссис Грот не знает, куда он направился, когда около восьми вечера вышел из дома. Но я кое-что раскопал, и у меня есть своя версия.

— Выкладывай, — потребовал Джентри.

— Не знаю, Уилл, что именно я готов тебе выложить. Почему ты спрашиваешь?

— Мы нашли его труп. По крайней мере... по некоторым признакам — это Джаспер Грот. Его жена вот-вот приедет в морг для окончательного опознания.

У Шейна вдруг пересохло во рту.

— Где и когда его нашли?

— В воде... совсем недавно. Неподалеку от берега в районе Корал-Гейблс. Его ударили по голове, и, к тому моменту, когда его нашли, он был мертв, как минимум, двенадцать часов. Теперь — твоя очередь.

— Еще один вопрос, Уилл. Это место далеко от Бэйсайд-драйв?

— Подожди, не клади трубку.

Шейн прислушался к бормотанию голосов на другом конце провода. Наконец, Джентри ответил:

— Менее чем в четверти мили. Это о чем-нибудь тебе говорит?

— Возможно. Поместье Хоули расположено на Бэйсайд-драйв недалеко от берега. Насколько мне известно, Грот должен был навестить одного из членов семьи Хоули вчера в восемь вечера... но так и не появился. Ты можешь попробовать найти такси, если он действительно туда поехал. Собственной машины у него не было.

— Хоули? — задумчиво переспросил Джентри. — Эти богатеи? Кажется, их сын был вместе с Гротом на спасательном плоту?

— Схватываешь на лету, — одобрительно произнес Шейн. — Они дружно отрицают, что Грот был у них вчера вечером. Слушай, Уилл, при нем были какие-нибудь записи? Например, что-нибудь вроде дневника?

— Ничего похожего. Только бумажник с документами. И с достаточно крупной суммой, чтобы исключить ограбление. Майк, у тебя есть что-нибудь еще?

— Пока ничего... Правда, Уилл, — торопливо добавил Шейн, услышав в трубке сердитое сопение. — То, что ты мне сообщил, меняет дело, и мне надо поторапливаться. Попробуй заняться этими Хоули, а я свяжусь с тобой попозже. — Он положил трубку прежде, чем Джентри успел возразить, и минуту-другую сидел неподвижно, хмуро уставившись в пространство.

Итак, одного уже нет. После гибели Грота Каннингем оставался единственным живым свидетелем, точно знавшим дату смерти Альберта Хоули. Каннингем и дневник Грота.

Шейн медленно повернул голову к двери, в которой появилась Люси Гамильтон.

— Я слушала ваш разговор, — задыхаясь, сказала она. — То, что случилось с Джаспером, — просто ужасно. Бедная миссис Грот! — Люси всхлипнула и сердито продолжила: — Как бы долго я с тобой ни работала, никак не могу привыкнуть к смерти. У меня не выходит из головы миссис Грот — как она перенесла известие об аварии самолета и уже не надеялась когда-нибудь увидеть мужа. А потом он все-таки вернулся к ней живым и невредимым... чтобы быть убитым спустя несколько часов. Майкл, это несправедливо. — По ее щекам катились слезы.

— Ангел мой, в этом мире многое несправедливо, — попытался успокоить ее Шейн.

— Думаешь, это имеет какое-то отношение к миссис Уоллес? Ну... то, что мистер Грот звонил ей и договаривался встретиться сегодня утром, чтобы сообщить ей нечто важное. Из-за этого его и убили?

— Мы можем только гадать, — задумчиво сказал Шейн. — Само собой разумеется, что Альберту Хоули было известно о каком-то преступлении, связанном с исчезновением садовника в прошлом году... он мог перед смертью доверить эту тайну Гроту. Со слов Каннингема и жены Грота я понял, что Грот был кем-то вроде религиозного фанатика, который мог счесть своим долгом раскрыть любые предсмертные признания, свидетелем кото-

рых стал. Но кто еще знал, что он звонил миссис Уоллес и должен был встретиться с ней сегодня? — Он резко поднялся, его вытянутое лицо напряглось. — Это еще один вопрос, на который нам придется ответить.

Люси собралась было что-то сказать, но в этот момент открылась входная дверь, и она выглянула из кабинета. Шейн услышал ее голос:

— Чем могу быть полезна?

Некоторое время он в нерешительности стоял у стола, затем вздохнул и, обернувшись к двери, увидел, что Люси вернулась.

— Майкл, к тебе — двое посетителей. Джейк Симс с какой-то женщиной, которую он представил как миссис Мередит. Мне их отослать?

— Напротив! Вряд ли я был бы еще кому-нибудь так рад, как этим двоим.

— Но ведь Джейка ты всегда терпеть не мог, — напомнила она. — Помнишь, пару лет назад...

— Чтобы хотеть видеть Джейка, мне совсем не обязательно его любить, — не дал договорить ей Шейн, вернувшись к своему столу и плюхнувшись во вращающееся кресло. — До сего момента я все прикидывал, как извлечь из этого дела хоть какую-нибудь пользу... Производит ли миссис Мередит впечатление человека, способного потратить доллар-другой?

— Миссис Мередит, — поджав губы, процедила Люси, — производит впечатление человека, который платит по счетам монетой, не имеющей хождения на территории Соединенных Штатов. Ты все еще хочешь ее видеть?

— Более, чем когда-либо, — искренне ответил Шейн. — В конце концов, мы еще не на грани разорения. Позови ее, Люси.

Глава 8

Майкл Шейн остался сидеть за столом, когда в кабинет вошли Симс и миссис Мередит. В руках у стряпчего был номер «Дэйли ньюс». Он подошел к Шейну и воинственно потребовал:

— Что тебе обо всем этом известно?

— О чем? — спросил Шейн. Его взгляд скользнул мимо Симса и остановился на бывшей жене Альберта Хоули.

— Сам знаешь, о чем! Ты еще в конторе Гастингса знал, кто такая миссис Мередит... еще до того, как вас друг другу представили. Гастингс отрицает, что нанял тебя, чтобы сфабриковать улики, которые могут лишить мою клиентку законного наследства. Но я представить себе не могу, зачем еще он может встречаться с таким типом, как ты.

Шейн по-прежнему смотрел на миссис Мередит, не обращая внимания на разъяренную физиономию Симса.

— Миссис Мередит, можете ли вы представить себе какие-нибудь разумные причины, по которым я хотел бы лишиться вас наследства?

Ее губы изогнулись в легкой усмешке.

— Я не очень хорошо вас знаю, мистер Шейн. Только со слов мистера Симса.

Шейн откинулся назад и кивком указал ей на стул около стола.

— Почему бы вам не присесть и не познакомиться со мной поближе?

— С удовольствием. — Она опустила на стул, слегка придвинув его к столу, и облокотилась на столешницу.

— Ты мне не ответил, Шейн! — Симс тяжело дышал, и его голос звучал все более враждебно.

— Я не имею привычки отвечать тем, кто врывается ко мне в контору, чтобы предъявлять мне обвинения. — Шейн вновь переключился на миссис Мередит. — Может, мы обойдемся без Джейка?

— Боюсь, что это невозможно, — с сожалением произнесла она. — Он — мой адвокат, и я нуждаюсь в его советах.

— Тогда садись, Симс, — проворчал Шейн, — и следи за своими манерами. Еще один грязный намек, и я вышвырну отсюда вас обоих... Я не знал, что вы в Майами, миссис Мередит.

— Я прилетела сегодня утром.

— Вам известны условия завещания Эзры Хоули?

Она кивнула, продолжая смотреть прямо ему в глаза.

— Мистер Гастингс проинформировал Джейка еще вчера... поскольку знал, что он представляет мои интересы.

— И, как я вижу, вам все известно о дневнике Джаспера Грота. — Шейн многозначительно перевел глаза на сложенную газету в руках Симса.

— Мы читали о нем, — буркнул стряпчий. — Прежде всего, я хочу прояснить одну вещь, Шейн, — как ты оказался в этом деле?

— Мой интерес возник вчера вечером, — ответил Шейн. — После встречи с Каннингемом и миссис Грот. А разговор с Хоули сегодня утром заинтересовал меня еще больше.

— Это правда, что мистер Грот пропал? — спросила миссис Мередит.

— Кто вам об этом сказал?

— Питер Каннингем.

— Я смотрю, вы не теряли времени, — усмехнулся Шейн.

— Я запланировал встречу с ним еще вчера вечером, — торопливо вмешался Симс. — Нам хотелось бы знать, не нашелся ли Грот?

Шейн понимал, что об этом все равно скоро станет известно, и после минутного колебания сказал:

— Да, уже нашелся. Мертвым.

Миссис Мередит медленно закрыла глаза и сжала губы.

— Мертвым?! — воскликнул Симс. — Как так? Что с ним случилось?

— Его убили вчера ночью. У меня есть основания считать, что он относился к числу людей, имеющих нравственные принципы. С другой стороны, у меня есть основания считать, что Каннингем таковых не имеет. Итак... Грот мертв, а Каннингем живехонек... А что он говорит по поводу времени смерти Альберта Хоули? — неожиданно спросил он миссис Мередит.

— Ничего. — Она порывисто положила руку Шейну на запястье. — Как вы думаете, вам удастся убедить его сказать, что это произошло на пятый день?

Глаза Шейна насмешливо блеснули.

— Я думаю, что в должной форме сделанное предложение убедит Каннингема дать любые показания... если он будет уверен, что дневник Грота не представит его лжецом.

— В том-то и загвоздка, — с горечью произнес Симс. — Этот дневник! А тебе известно, какая дата смерти Альберта Хоули там стоит?

— Я не видел дневника, — покачал головой Шейн.

— А ты можешь это выяснить? — Симс нетерпеливо подался вперед. — Ведь у тебя — близкие отношения с Тимоти Рурком из «Ньюс». Он должен знать... или хотя бы ему не так уж трудно выяснить это у того репортера.

— Возможно, — кивнул Шейн.

— Ты знаешь, как для миссис Мередит важно доказать, что Эзра умер раньше своего племянника. Ты мог бы отхватить неплохой кусок, разузнав содержание дневника до его публикации.

— Но и для Хоули не менее важно доказать, что Альберт умер раньше своего дяди, — подчеркнул Шейн.

— Они — твои клиенты? — быстро спросил Симс.

— Нет. В настоящее время я открыт для любых разумных предложений.

— Сколько?

— Сколько за что? — весело переспросил Шейн.

Симс нерешительно замолчал, исподтишка бросая взгляды то на свою клиентку, то на Шейна.

— Ты понимаешь сложившуюся ситуацию не хуже меня. Если в дневнике сказано, что Альберт умер на пятый день, все прекрасно. Даже если Хоули предложат Каннингему миллионы, чтобы он сказал, что это было на четвертый день, он не осмелится взять деньги, потому что дневник докажет, что он лжет.

— Но он молчит, — с иронией заметил Шейн, — пока дневник в любую минуту может выставить его лжецом.

— В том-то все и дело! Но можно поставить вопрос и по-другому, Шейн. Ты говоришь, что Грот мертв. Имеет ли «Ньюс» по-прежнему право опубликовать его дневник?

— Этот вопрос тебе лучше задать их юристам, — пожал плечами Шейн и снова повернулся к миссис Мередит. — Я думаю, вы вполне способны заключить частную сделку с таким типом, как Каннингем.

Ее губы медленно расплылись в улыбке, а пальцы, лежавшие на его руке, сжались еще крепче.

— Думаю, смогла бы. Фактически, сегодня утром он сам предложил мне нечто в этом роде. Но я бы предпочла заключить частную сделку с таким человеком, как вы, Майкл Шейн.

— Как ты только что сказал, — продолжал Симс, — показания Каннингема ничего не стоят, если они будут противоречить дневнику. С другой стороны, они также ничего не стоят, если дневник их подтвердит. Так или иначе, ему нечего продать ни той, ни другой стороне, поскольку выдержки из дневника вот-вот будут напечатаны. Именно это я и объяснил сегодня утром миссис Мередит.

— Но если дневник исчезнет до публикации... или если из него будут изъяты соответствующие страницы... тогда показания Каннингема принесут пару миллионов... кому-нибудь, — заключил Шейн.

— Ты абсолютно прав. — Симс откинулся на спинку стула. — Вот почему нам так важно знать содержание этого дневника.

— Насколько важно? — живо поинтересовался Шейн. — В денежном выражении?

— В значительной степени это зависит от того, что в нем написано, — уклонился от прямого ответа Симс. — Если это благоприятная для нас информация, она не будет стоить слишком много. Но если нет...

Он замолчал, и Шейн грубовато подхватил:

— И если вы найдете способ изъять эту информацию из дневника, это будет стоить целое состояние. Осмелюсь предположить, что в подобных обстоятельствах Каннингем готов покласться, что Альберт Хоули прожил пять дней.

— Думаю, мы можем это предположить, — спокойно сказала миссис Мередит. — Вряд ли нам стоит проявлять бестактность и предлагать вам взятку, мистер Шейн, но...

— Не стесняйтесь, — резко перебил ее Шейн. — Чувствуйте себя, как дома.

— Давайте не будем торопиться, — вмешался Симс. — Пока мы не прочтем нужное место в дневнике, мы не можем быть уверены, нужно ли его вообще изымать. Договариваться о чем-либо в такой ситуации — значит, покупать kota в мешке.

— Но как мы это узнаем, пока мистру Шейну не удастся достать нам этот дневник? Я настаиваю, мистер Симс, чтобы мы его наняли. Сколько это стоит? — Она с надеждой улыбнулась Шейну.

— Давайте договоримся, что я представляю ваши интересы, когда буду пытаться узнать содержимое дневника... и, если мне это удастся, вы заплатите за мои услуги тысячу долларов.

— Я согласна. А вдруг в дневнике будет написано, что Альберт умер раньше своего дяди? Что тогда, мистер Шейн?

— Давайте не будем делить шкуру неубитого медведя. — Шейн поднялся и подошел к двери. — Я попрошу моего секретаря напечатать небольшой договор, и вы его подпишете.

Как только он появился в приемной, Люси Гамильтон щелчком выключила селектор и с горящими щеками сердито посмотрела на него.

— О каких это средствах платежа вы говорили с миссис Мередит, мистер Шейн?

Он ухмыльнулся.

— Такие хорошие девочки, как ты, Люси, даже и догадываться не должны, о чем мы говорили с миссис Мередит. Напечатай договор, по которому я должен достать дневник на предмет предварительного ознакомления, и дай ей на подпись. — Он снял с вешалки шляпу и шагнул за порог.

Люси оставалось только сверлить возмущенным взглядом его удаляющуюся спину.

Глава 9

Тимоти Рурка Шейн отыскал в небольшом ресторанчике на Третьей авеню — сидя у стойки бара, он неторопливо потягивал виски с содовой и со льдом. Когда Шейну, наконец, удалось протиснуться к стойке, Рурк покосился на него и слегка подвинулся, чтобы освободить хоть несколько дюймов.

— Ну, и как поживает замечательное семейство Хоули? — с любопытством спросил он.

— Я виделся с ними... в том числе и с Беатрис. — Шейн поймал взгляд бармена и выразительно поднял левую бровь.

— М-да-а, — протянул Рурк. — До меня доходили кое-какие сплетни.

— Они полностью соответствуют действительности, — спокойно ответил Шейн.

Бармен поставил перед ним рюмку и откупоренную бутылку коньяка и повернулся за бокалом воды со льдом. Шейн плеснул себе коньяка и спросил:

— Джоэл Кросс здесь?

— Я видел, как он вошел несколько минут назад. — Рурк оглядел переполненный зал и кивнул плотному молодому человеку в очках с толстыми линзами в черепашьей оправе. Стрижка «под ёжик» придавала ему несколько воинственный вид. Он стоял, прислонившись к перегородке одной из кабин, и о чем-то беседовал с четырьмя сидевшими за столом мужчинами.

— Вот он, светлая надежда нашей журналистики, прости Господи. Если окажется, что дневник пилота — это и в самом деле такая бомба, как он надеется, то он станет просто невыносимым.

— Ты его не любишь?

— Слишком молод, — равнодушно ответил Рурк. — Он еще набьет себе шишек, прежде чем научится.

— Как я понимаю, ты не читал дневника Грота?

— И никто не читал. Это эксклюзивная сенсация, принадлежащая лично Джоэлу. Он бережет ее, словно это алмаз величиной с дом, боится, как бы кто-нибудь раньше него не опубликовал хотя бы отрывок.

— Одно мне в этом деле не понятно, Тим, — медленно произнес Шейн, потихоньку смакуя коньяк и стараясь, чтобы его голос звучал небрежно. — Что за соглашение он заключил с Гротом? В частности, был ли договор на публикацию подписан, скреплен печатью, а права переданы... официально и окончательно?

Глаза Рурка заблестели. Он узнал нарочито небрежный тон Шейна, и в нем тут же пробудился интерес.

— Должно быть, он заключил с Гротом что-то вроде договора, иначе не стал бы трубить об этом на весь свет.

— Но мне интересно, был ли договор оформлен у нотариуса. Давай сведем вопрос к этому, Тим. Грота никто не видел в живых после половины восьмого вечера вчерашнего дня. Есть ли у вашей газеты недвусмысленное согласие Грота, дающее вам законное право на публикацию дневника?

Блеск в глазах Рурка стал еще более заметным.

— Думаешь, с Гротом что-то случилось?

— Только держи язык за зубами, — тихо предупредил Шейн. — Грот мертв. Примерно с восьмью часов вчерашнего вечера. Предполагается, что как раз в это время он должен был встретиться с Беатрис в доме Хоули. Так что, теперь вопрос — достаточно прост: обладает ли «Ньюс» полномочиями на публикацию, как говорится, без дальнейших церемоний?

— А Джоэл знает, что он мертв?

— Официального сообщения пока не было. Но тот, кто его пристукнул и бросил в залив, знает наверняка.

— Джоэл?! — Блеск в глазах Рурка превратился в настоящий огонь.

— Ты знаешь его лучше, чем я, — пожал плечами Шейн. — Может ли он убить человека ради сенсационного репортажа? Вот это я и имею в виду. Предположим, Грот раздумал отдавать свой дневник для публикации... и сказал об этом Кроссу. Как бы тот на это отреагировал?

— Да Джоэл родную бабушку может задушить, если она встанет у него поперек дороги, — съязвил Рурк.

— Но настолько ли важен для него дневник?
— Понятия не имею. Я ведь его не читал. Почему бы тебе не расспросить самого Джоэла?
— Непременно, — ответил Шейн. — И прямо сейчас. Но прежде я хотел бы узнать о Кроссе еще кое-что. — Он замолчал, пытаясь сосредоточиться. — Что значат деньги для Джоэла Кросса? Сами по себе? То есть, если он встанет перед выбором: или взять хороший куш наличными, или иметь возможность произвести фурор... что он предпочтет?

Рурк пожал плечами.
— По-моему, это зависело бы от размера куша и от размера возможного фурора. Майк, почему бы не поставить вопрос прямо? Я так понимаю, что ты гадаешь, какая конкретно сумма убедит Джоэла отказаться от намерения напечатать дневник?

— Что-то в этом роде.
— Но почему, Майк? — Рурк схватил его за плечо с такой силой, что Шейн почувствовал впившиеся в него длинные ногти. — Зачем тебе это надо? У тебя-то в этом какой интерес?

— Я не говорил, что хочу, чтобы дневник не был опубликован. Но мне известно, что есть определенные заинтересованные стороны, готовые заплатить кучу денег, лишь бы дневник не попал в печать. И мне интересно, что важнее для Кросса — деньги или слава?

— Не думаю, что на этот вопрос можно дать определенный ответ, — задумчиво произнес Рурк. — Столько денег... Насколько велика слава? За миллионы зелененьких, например, ты можешь купить с потрохами любую газету.

— Да, — пробормотал Шейн. — Я понимаю, здесь слишком много неясного. Не представишь меня своему приятелю?

— Конечно. — Рурк поднялся и тихо спросил: — Мне присутствовать?
— Думаю, не стоит, Тим. Как только я разберусь, сразу же расскажу тебе всю эту проклятую историю.

Пока они шли к кабинке Кросса, Шейн держался позади Рурка. Остановившись, Рурк обратился к молодому репортеру:

— Ну, Джоэл, ты — на крючке. Если у тебя есть какие-либо преступные тайны, держи рот на замке, потому что перед тобой — Майкл Шейн собственной персоной.

Кросс повернул свою квадратную задиристую физиономию к детективу, и его верхняя губа слегка приподнялась.

— Я слышал о вас, — сказал он тоном, свидетельствующим о том, что лично он — отнюдь не в восторге от услышанного. Из-за толстых линз на Шейна смотрели тусклые голубые глаза.

— Это я попросил Тима представить меня вам, — добродушно улыбнулся Шейн. — Не выпьете со мной?

— Я не употребляю алкоголь, — буркнул Кросс. — Зачем я вам понадобился?
Шейн положил руки на стол и, ссутулившись, наклонился вперед, чуть скосив глаза на Рурка, который все еще стоял рядом. Тот выразительно приподнял брови.

— Ну, ладно, вы тут отдыхайте, а я пошел, — сказал он и отправился обратно к стойке.
Кросс сидел прямо, расправив плечи, его близорукие глаза изучали детектива с нескрываемой враждебностью.

— Я хотел бы поговорить о дневнике Джаспера Грота, — спокойно начал Шейн.
— Что именно вас интересует?

— Что он из себя представляет?
— Потрясающий документ, — сверкнул очками Кросс. — Непричесанная литература, изначальные душевные переживания, исходящие прямо из сердца простого и не очень образованного человека. Грот писал не для печати, поэтому дневник и получился таким захватывающим. Мы опубликуем его в точности таким, какой он есть... без какой бы то ни было правки. А почему вы об этом спрашиваете, Шейн?

— Дневник — у вас?
Тусклые глаза репортера настороженно блеснули. Он замолчал, явно обдумывая ответ.
— Естественно, я должен был убедиться, что он стоит той суммы, которую запросил Грот.
— А сколько он хочет?

— Не представляю, каким образом это может касаться вас, — уклонился от прямого ответа Кросс. — И еще, я вынужден настаивать, чтобы вы объяснили мне конкретно, почему вас интересует дневник. И лишь потом мы сможем продолжить нашу беседу.

— У меня есть предчувствие, — мрачно заметил Шейн, — что после сегодняшнего анонса в «Ньюс» этим заинтересуются еще несколько человек. — Он на мгновение умолк, а затем добавил: — Откровенно говоря, мне хотелось бы знать, какая именно сумма смогла бы предотвратить публикацию.

Кросс напрягся еще больше.

— Боюсь, мистер Шейн, вы не разбираетесь в газетном деле. Этот дневник — сенсация первостепенного значения. Невозможно измерить ценность подобных вещей для газеты... по крайней мере, в долларах и центах.

— Я разговариваю с вами... а не с газетой, — возразил Шейн.
— «Ньюс» платит мне жалованье, и мой первейший долг — соблюдать ее интересы, — напыщенно ответил Кросс.

— Я бы хотел взглянуть на дневник.
— Вы сможете прочесть его в «Ньюс». Публикация начинается с завтрашнего дня.

— Я говорю о предварительном просмотре.
— Это невозможно, — покачал головой Кросс.

— Вы сказали, что начинаете печатать его завтра. Означает ли это, что вы уже достигли окончательной договоренности с Гротом по финансовым вопросам?

— Вряд ли мы могли бы печатать дневник, если бы не сделали этого.
— Так я и думал.
— И что дальше?

— Вопрос сводится к следующему, — спокойно пояснил Шейн. — Если бы Грот внезапно исчез... или умер прежде, чем еще раз связаться с вами... имела бы ваша газета законное право печатать его дневник?

— Что вы имеете в виду? — ошарашенный Кросс, впервые стяхнув с себя самодовольную чопорность. — Что с Гротом?

— А разве вы не знаете?
— Я не видел его со вчерашнего дня.
— Вы не ответили на мой вопрос. Вам известно, где он находится в настоящее время?

— Я не собираюсь отвечать вам, Шейн. Но я хотел бы знать, почему Джейк Симс задал мне точно такой же вопрос полчаса назад. Может, вы мне объясните?

— Никогда нельзя предугадать поведение такого типа, как Симс, — небрежно заметил Шейн. — Он сделал вам предложение по поводу дневника? Кросс покачал головой, и на его квадратной физиономии появилось некое подобие ухмылки.

— Думаю, вас это тоже не касается.
— Возможно, вы правы, — согласился Шейн и поднялся. — Мы еще увидимся, — пообещал он и направился к стойке.

— Ну, и как прошла беседа с нашим другом? — спросил Рурк.
Шейн сердито покачал головой.

— Ничего не вышло.
— И ни у кого бы не вышло, — радостно заверил его репортер. — Он — из тех хладнокровных ублюдков, которые прячут под кроватью магнитофоны во время медового месяца, а потом продают записи в так называемые «журналы искренних признаний».

— А где он живет? — поинтересовался Шейн, задумчиво вертя рюмку.
— В «Корона-армс». Пишет почти весь свой материал дома, потому что считает себя слишком большим интеллектуалом, чтобы стучать на машинке в репортерской вместе с остальными.

— Я бы хотел, чтобы ты взял интервью у миссис Грот о ее муже. Постарайся при этом выяснить поточнее, получили ли они полностью все деньги за дневник. Поскольку Грот мертв, вашей газете придется обратиться к

ней за правами на публикацию, если только они не успели выполнить все свои обязательства по соглашению. И скажи ей, чтобы она обязательно связалась со мной, прежде чем подпишет что-либо, имеющее отношение к дневнику.

— Договорились, — ответил Рурк. — Еще какие-нибудь поручения есть?

— Я дам тебе знать, если мне еще что-нибудь придет в голову, — широко улыбнувшись, пообещал Шейн. Он оглянулся и, увидев, что Джозел Кросс приступил к обеду, быстро пошел к выходу.

Глава 10

«Корона-армс» представлял собой тихий отель квартирного типа неподалеку от залива Бискейн. Поднявшись на четвертый этаж, Шейн прошел через холл к двери с номером «417» и достал из кармана увесистую связку ключей. Некоторое время он изучал замочную скважину, потом неторопливо выбрал ключ и вставил его в замочную скважину. Затем толкнул дверь и остановился на пороге, успев мельком увидеть гостиную, в которой все было перевернуто вверх дном. В тот же момент он смутно ощутил какое-то движение слева от себя и почувствовал резкую боль у основания черепа чуть пониже левого уха.

Словно в тумане, Шейн упал на пол, не в состоянии ни видеть, ни соображать. Это был тяжелый, расчетливо нанесенный удар.

Он не знал, сколько так пролежал. Ему казалось, что прошла целая вечность.

Силы постепенно начали возвращаться, и пульсирующая боль в голове медленно стихала.

Шейн поднял руку и осторожно потрогал это место, с удивлением обнаружив, что шишки нет и в помине. Мешочек с песком, с отвращением подумал он. Кто-то знает толк в таких вещах.

В дверном проеме слева от него неожиданно возникла миссис Мередит, такая же безмятежная и безукоризненно одетая, как и у него в конторе. Она ничуть не смутилась, увидев его сидящим на полу. Ее полные губы изогнулись в легкой усмешке, но в голосе слышалось неподдельное сочувствие.

— Вам лучше, мистер Шейн?

— Не особенно. — Он положил ладонь на лоб и с силой потер его. — Должен признать, вы отлично управляетесь с кистенем.

— Я, мистер Шейн? Какой у вас скверный и подозрительный склад ума. — Она подошла поближе и остановилась рядом с ним. — Вы нашли дневник?

— Я как раз собирался задать вам тот же самый вопрос.

Она подошла к нему вплотную и положила ему на плечо свою теплую руку.

— Может, вам лучше присесть?

Шейн позволил ей подвести себя к дивану, подождал, пока она положит на место подушки, и с благодарностью опустил на мягкое сиденье.

— Я расскажу вам свою историю, — ровным голосом произнес он, — а потом вы расскажете свою. Возможно, мы оба будем считать, что один из нас лжет, но с этим уж ничего не поделаешь. Кто-то ударил меня, как только я вошел. Кстати, здесь все уже было перевернуто.

— Когда я пришла, вы лежали в обмороке. Я проверила ваш пульс и на минутку заглянула в гостиную, чтобы осмотреться. А где мистер Кросс?

— Когда я видел его в последний раз, он обедал.

— Если вы этого не делали... то тогда кто? — Она с любопытством обвела глазами комнату.

— Очевидно, тот, кто ищет дневник, и кто попал сюда раньше меня. Вы — все еще самая подходящая кандидатура.

— А я все еще сохраняю за собой право думать, что вы обыскивали квартиру, пока кто-то не застал вас за этим занятием.

— А вы-то как здесь оказались?

— У меня назначена встреча с мистером Кроссом. — Она взглянула на часы и нахмурилась. — Он должен был встретить меня уже пять минут назад.

В коридоре послышались тяжелые шаги, замершие у открытой двери. Шейн и миссис Мередит, по-прежнему сидевшие на диване, тесно прижавшись друг к другу, дружно повернули головы к появившемуся в дверном проеме Джозелу Кроссу. Тот застыл на месте, вытаращив глаза и с изумлением рассматривая учиненный в комнате разгром.

Шейн выдавил из себя слабую улыбку.

— Привет, Кросс. Хотите — верьте, хотите — нет, но дело обстоит не совсем так, как может показаться. Вы знакомы с миссис Мередит?

Кросс, угрожающе набычившись, двинулся на них.

— Клянусь Богом, Шейн, вы мне за это заплатите!

Шейн сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

— Скажите ему, Мэти. Может, вам он поверит.

Она успокаивающе похлопала его по плечу и встала, обратив все свое очарование на Кросса.

— Кто-то обыскал вашу квартиру и нокаутировал Майкла еще до того, как я пришла сюда на встречу, о которой мы с вами договаривались. Он не видел, кто это был. И мы оба гадаем, нашел ли этот человек дневник?

— Не верю ни единому вашему слову, — промычал Кросс. Обойдя миссис Мередит, он скрылся за дверью спальни и почти сразу же вернулся с револьвером. — Вы оба оставайтесь на месте, — пригрозил он, — а я сейчас вызову полицию.

Он попытался схватить трубку, но миссис Мередит тут же встала перед ним, загородив собой телефон.

— Вам ни к чему вызывать полицию, мистер Кросс. Единственная важная вещь — это дневник. Он — на месте?

— Что вы хотите сказать?.. Что значит — мне ни к чему полиция?! — взбесился Кросс. — Это в тот момент, когда я прихожу домой и вижу, что в моей квартире совершена кража со взломом, а вы преспокойно занимаетесь черт знает чем на моем диване? — Он шагнул к ней, размахивая револьвером, но она даже не шелохнулась.

— Мистер Кросс, мы назначили с вами встречу, чтобы обсудить одно частное дело. Можем ли мы обсудить это дело до того, как вы вызовете полицию?

Шейн поднялся на ноги. Судя по относительно спокойной реакции Кросса, он понял, что дневника в квартире вообще не было.

— Поскольку я недавно заполучил Великую праматерь всех мигреней, — мне нужно выпить. Не хотите ли предложить мне что-нибудь в этом роде?

Кросс даже не обернулся, лишь сердито бросил через плечо:

— Я уже говорил вам, что не употребляю.

— В таком случае, — вздохнул Шейн, — пойду, поищу какую-нибудь выпивку, а вы тут оставайтесь для своей частной беседы. — Он повернулся к двери и услышал, как Кросс рывкнул у него за спиной:

— Не смейте выходить из этой комнаты, Шейн! Или я буду вынужден вас пристрелить!

Шейн решил, что стрелять Кросс не станет. По крайней мере, пока он продолжает идти, не оборачиваясь к нему лицом. Он услышал, как Мэти Мередит громким шепотом убеждает репортера:

— Вы же знаете, что мистер Шейн никуда не денется. Пожалуйста, давайте решим этот вопрос мирно, между собой.

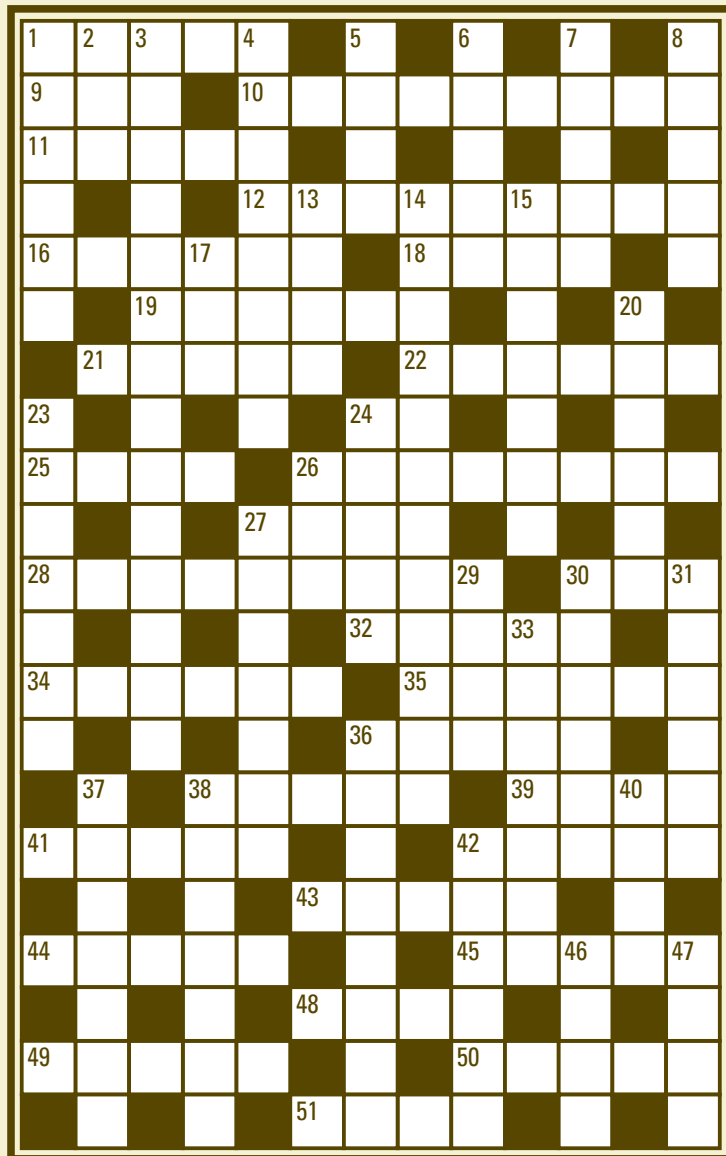
Шейн уже подошел к двери — все еще без пули в затылке — и в этот момент она громко прошептала:

— Майкл, я остановилась в отеле «Бискейн». Позвоните мне попозже.

— Непременно, — пообещал он и направился к лифту. □

Перевод с английского **Дмитрия ПАВЛЕНКО**
и **Елены МИГУЛИНОЙ.**

Окончание следует.

По горизонтали. 1. Испанка, способная свалить с ног даже силача. 9. Крупный отрезок времени, несколько ар в геологической истории. 10. «Пицца глупцов» (Ж.Лабрюйер). 11. Ложь, обман, подлог. 12. Приручение несуразностей не без желания посмеяться. 16. Пир, которому порой предшествует околонанучная работа. 18. Аэромышеловка. 19. Фамилия братьев, генералов, героев Бородинского сражения. 21. Квадратик или круглячок в играх, особенно на деньги. 22. Старый Свет с новыми подданными США. 24. Змеиное угощение. 25. Пророк, грохочущий в небе русского суеверия. 26. Киноактриса «Ин-

тердевочки», отказавшаяся красоваться в «Плейбое». 27. Земная приемная Бога. 28. Человек, едущий в пассажирском вагоне, но всегда без билета. 30. Общее название марки автомашин, выпускаемых в городе Тольятти. 32. Суша, выращенная морем. 34. Американский поэт, которого, по задорной частушке С.Есенина, якобы обокрал В.Маяковский. 35. «Человек с собственным мнением, следующий собственным мыслям и личному чувству» (Ж.Боссюэ). 36. Разменная монета (во множественном числе), часто не обеспеченная золотым запасом мыслей. 38. «Выяснение отношений с Вечностью» (В.Гаврилов). 39. Грозный отец, как и убитый им сын. 41. Шевелюра повторного ношения. 42. Ходовое сборище шашлыков под шубой. 43. Забота «мужичка с ноготок» и его отца в стихотворении Н.Некрасова «Крестьянские дети». 44. Самое душевное в окрошке. 45. Вьетнам — ..., Таиланд — Сиам. 48. Третья специальность жнеца и на дуде играца. 49. Первый шаг на пути в небо. 50. Кошка снежного человека. 51. Теплое местечко, куда посылают опостылевшего человека.

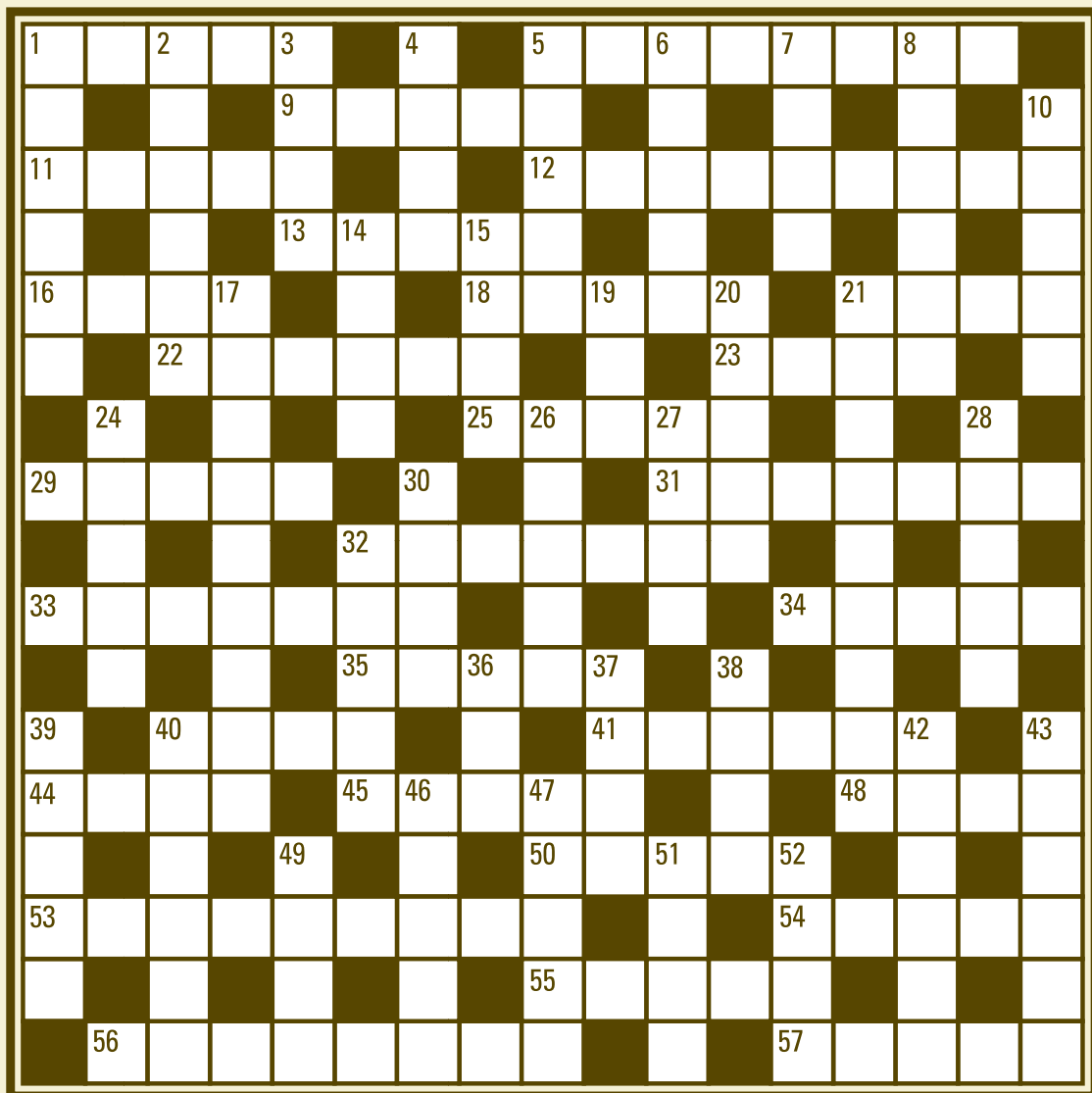
По вертикали. 1. «Великий ...» — роман С.Фицджеральда с первоначальным названием «Среди мусорных куч и миллионеров». 2. Режиссер, автор фильмов-сказок «Василиса Прекрасная», «Конек-горбунок», «Морозко». 3. Отличительная черта человека, у которого молоко на губах не обсохло, но уже прокисло. 4. «Пела, пела ... и затихла» (А.Дельвиг

«Русская Пресня»). 5. Десятая часть того самого, какой, по шуточной загадке, и зимой и летом одним цветом. 6. Металл кружки, из которой А.Шенье пил чай в «прихожей смерти» Консьержери. 7. Доля, норма, часть разрешаемого. 8. Накидка на танк. 13. Среднее кощевское между зайцем и яйцом. 14. Стукач. 15. «Вот тихо под ... запели они про жизнь своих дедов» (А.Кольцов «Ночлег чумаков»). 17. Большие деньги. 20. Хоровая репетиция. 23. Поэтесса, съязвившая, когда к А.Блоку хотели подселить красногвардейцев: жаль, мол, если не вселят, ему бы следовало целых двенадцать. 24. Птица теплых стран, способная бегать по листьям растений на воде. 26. Три английских фута. 27. Человек с эмоциями, которых хватит на десять меланхоликов. 29. Французский художник-пейзажист, свежо и поэтично изображавший серебристый утренний туман и вечерний сумрак. 30. Река, на которой стоит Прага. 31. Певица, в хорошем смысле залившая эстраду Волгой. 33. Художник, чей эскиз к картине «Над вечным покоем» стал последним приобретением П.Третьякова для своей галереи. 36. Ловкость, помноженная на опыт. 37. Титул, каким в шутку могут награждать жену филателиста. 38. Шкурник-профессионал. 40. «Музыкальный портрет дождя» (А.Бельмасов). 42. Аплодисменты в экстазе. 46. Свалка дыма. 47. Сооружение, при открытии которого в средневековой Испании по нему прогоняли черную кошку и убивали ее.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали. 1. Смола. 5. Часовщик. 11. Мопс. 13. Ара. 14. Ниро. 15. Щука. 17. Предрасположенность. 19. Уха. 20. Штат. 21. Ор. 22. Осинник. 23. Ер. 25. Сказание. 26. Вацкер. 29. Ло. 31. Цирк. 32. Жених. 35. Титр. 37. Язык. 39. Абастумани. 42. Наг. 44. Уста. 45. Европа. 46. Ударник. 47. Флора. 48. Веер. 50. Гнатюк. 51. Кукушка. 54. Ной. 56. Век. 57. Анаша. 58. Лондон. 61. Том. 64. Вино. 65. Добывание. 66. Несуразица. 67. Умка. 68. Кавалерия.

По вертикали. 2. Маруся. 3. ... орехи. 4. Ладанник. 5. Чистка. 6. Арпа. 7. Соотечественница. 8. Вход 9. Ищейка. 10. Кун. 11. Мао. 12. Патриот. 14. Нашивка. 16. Князь 18. Сонливость. 24. Рента. 27. Ужас. 28. Риу. 30. Тянушка. 31. Цыганка. 33. Хмель. 34. Энергетика. 36. Ржачка. 38. Зад. 40. Буквализм. 41. Иванков. 43. Юноша. 49. Род. 52. Унтер. 53. Ушкуй. 55. Йод. 59. Оник. 60. Ноша. 62. Мааре. 63. Фили. 64. Вау.

По горизонтали. 1. Друг А.Пушкина, которого в Лицее называли Большой Жано. 5. Ориентация по звездам в духовной жизни. 9. Отступник среди героев Д.Мережковского. 11. Волчий боб. 12. Словоизвержение, убеждающее только недалеких людей. 13. Один из членов-учредителей Товарищества передвижников, в 1872 году уехавший за рубеж и начавший писать салонные картины;

по возвращении в Россию был исключен из товарищества. 16. Собачка, теперь всеящая примерно в 6 раз меньше, чем в XVIII веке. 18. Грубый холст, полотно из которого называли ватолой и веретьем. 21. Парагвайский чай, какой пьют, всасывая через трубочку. 22. Идеолог церковного раскола по прозвищу Пустосвят. 23. Глухаринное одеяло. 25. Сибирский город, где в XIX веке

работали архитекторы А.Арефьев, А.Бруни, В.Гесте, А.Деев, П.Раевский. 29. Генерал-майор, 19 марта 1814 года составивший и подписавший от имени русского правительства акт о капитуляции Парижа. 31. Отгадка, в общем-то, легка: есть у колена и цветка. 32. В Германии — шпильман, в России — скоморох, во Франции — 33. Отшельник в Египте, основатель христианского монашества. 34. Она не красит, а изводит; может одолеть, привязаться, пристать. 35. Второе имя, порой тайное, какое, помимо официального, давали ребенку на Руси. 40. Дочь английского короля Гаральда II, после Гастингской битвы уплывшая в Данию, откуда позже была выдана замуж за Владимира Мономаха. 41. Статья из журнала, сборника, сброшюрованная отдельно. 44. Тяжелый предмет, в руках И.Поддубного казавшийся ватным. 45. Парижский экипаж, названный в честь святого отшельника. 48. В рассказе А.Куприна «Корь» Завалишин говорит, что, когда русский народ проснется, то «Европе он просто-напросто скажет: ..., старая!». 50. Древнейшая финикийская колония на северном побережье Африки. 53. Подражательное течение, из-за которого из «Бубнового валета» вышли Н.Гончарова и М.Ларионов. 54. Гуагуанко, йамбу, Колумбия (общее современное название танца). 55. Египетская богиня, нещадно используемая мистиками. 56. Приспособление, каким оса аммофила роет землю. 57. «Живопись южной школы» в Японии, чей «пейзаж настроения» близок к импрессионизму.

По вертикали. 1. Речь Посполита, которая так «не сгинела». 2. Актер, в чьи «Записки» первые строки написал А.Пушкин. 3. Помещик Смирнов в шутку А.Чехова «Медведь» обзывает себя тремя словами. Два — баба и тряпка. А третье? 4. Седьмое искусство. 5. Азиатская страна, где первый профессиональный

театр создал в XVIII веке русский путешественник, музыкант и ученый Г.Лебедев. 6. Расширение конца палаша или сабли, что усиливало удар. 7. Летний латышский праздник, подобный Ивану Купале славян. 8. Линия, чей мотив в орнаменте может означать воду, гром, дождь, молнию. 10. Птица, по закарпатским поверьям, произошедшая от провинившегося плотника. 14. Лилия, символ невинности и чистоты в русской поэзии. 15. Не свой ... (о тяжелом, трудно переносимом). 17. Размножение клетки простым делением на две. 19. Место, «где твое сердце» (Плиний Старший). 20. Приз, 9 раз завоеванный шахматистом А.Карповым. 21. Морское членистоногое с 4 глазами. 24. Денежная единица многих стран Африки, а в Европе показавшая долго жить. 26. Удлинитель отпуска в советские времена. 27. Любимое дело денег. 28. Еженедельник, выходивший под руководством поэта А.Григорьева. 30. «Подиум» для зрителей в театре. 32. Африканский зверь, спящий глубоким сном не больше 20 минут в сутки. 36. Культовая постройка при доме у удмуртов, служившая также летней кухней. 37. Голландский астроном, доказавший вращение Галактики. 38. Одно из основных выразительных средств в чечетке. 39. Убийца Агамемнона, убитый Орестом, отомстившим за отца. 40. Самый сильный американский зверь. 42. Русский поэт, пивший чай, по М.Цветаевой, как Лафайет или Андрей Шенье. 43. Стоит за поговоркой: бери больше, кидай дальше. 46. Роман, с постановки по которому, когда главную роль в ней стал играть И.Смоктуновский, началась слава театра Г.Товстоногова. 47. Объект в басне И.Крылова «Оракул»; «не путал врак», «пока был умный жрец». 49. Живописец, главный французский классицист. 51. Последний, по Библии, судья израильский из рода Ифамара. 52. Скороспелый афганский горох.

ОТВЕТЫ НА «ЭРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали. 3. Шпага. 9. «Парус». 10. Тюмонец. 11. ... флаги 13. Веселье. 15. Анакреонт. 18. Егор 20. Хрия. 21. Бриан. 24. Диомед. 25. Фристайл. 26. Тодес. 27. Менгс. 28. Рубин. 30. Ликок. 32. Пистолет. 33. Гагауз. 34. Почеп. 35. Узик. 40. Цапля. 48. Ксист.

По вертикали. 1. Набег. 2. Жубер. 4. Поле. 5. Гага. 6. Сюрко. 7. Лемех. 8. Черни. 11. Фьорд. 12. Инь. 13. Верди. 14. Соболевский. 16. Организация. 17. Тягло. 19. Саможит. 21. Бергсон. 22. Урс. 23. Эскулап. 25. Федотов. 29. Опиум. 30. Лев. 31. Озноб. 33. Герон. 36. Занкл. 37. Кембл. 38. Атлет. 39. Эю. 40. ... Лихас. 41. Хмель. 43. Аμισ. 44. Хаус.

ВНИМАНИЕ!

Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ.

Редакция не несет ответственности за доставку, если подписка оформляется через другие фирмы. Деньги за принятую подписку не возвращаются.

Оплатить подписку на любое количество месяцев 2-ого полугодия необходимо до 15 июня 2008 г.

Квитанция и купон редакционной подписки

Впишите, пожалуйста, номера журнала «Смена», на которые вы подписываетесь:

На один номер (№ ____). Оплата 67 руб. 10 коп.

На три номера (с № ____ по № ____). Оплата 201 руб. 30 коп.

На шесть номеров (с № ____ по № ____). Оплата 402 руб. 60 коп.

Ф.И.О.				Дата рождения
Индекс	Обл./край			Район
Город	Улица			
Дом	Корп.	Кв.	Код города	Телефон
Эл. адрес				
Копия квитанции об оплате от				с отметкой банка прилагается.

Кассир	Извещение ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
Кассир	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
	Подписка на «Смену» 2008г.		
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен «_» _____ 200_г. (подпись плательщика)		
Квитанция	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Кассир	Подписка на «Смену» 2008г.		
С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен «_» _____ 200_г. (подпись плательщика)			

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на наш журнал вы можете:

- В любом почтовом отделении:
 - По каталогу «Роспечать» индекс **70820**
 - По каталогу «Объединенный» индекс **88998**
 - По каталогу «Почта России» индекс **99406**
- Заполнив купон и оплатив по квитанции редакционную подписку в банке.

Как оформить редакционную подписку?

Шаг 1. Заполните разборчиво все поля прилагаемого купона и квитанции об оплате. В купоне укажите тот адрес, по которому вы хотите получать журнал. **Шаг 2.** Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. **Шаг 3.** Отправьте заполненный купон-заявку и копию квитанции о переводе денег по адресу: 127994, Москва, ГСП-4, ул. Правды, д.24, стр.4, ООО «ИДЖ «Смена» (подписка) или по факсу: (495) 250-59-28.

Сколько стоит подписка в редакции?

Стоимость подписки на 1 номер во втором полугодии 2008 г. – 67 руб. 10 коп.
 Стоимость подписки на 3 номера во втором полугодии 2008 г. – 201 руб. 30 коп.
 Стоимость подписки на 6 номеров во втором полугодии 2008 г. – 402 руб. 60 коп.
 Цена подписки включает стоимость доставки в пределах РФ.
 Оплату подписки необходимо осуществить до 15 июня 2008 г.

Как получить журнал?

1. Журнал отправляется из Москвы заказной бандеролью. Почтальон принесет журнал вам домой. Если же дома никого не окажется, то вы получите в почтовый ящик уведомление о том, что вас ждет посылка. Затем вы сможете получить журнал на почте по уведомлению и паспорту. Такая система доставки гарантирует получение, так как каждая бандероль пронумерована и застрахована.

Кто может ответить на вопросы по оформлению подписки?

Вы всегда можете задать любой интересующий вас вопрос по телефону: (499) 257-31-37 (или (495) 612-15-07) с 10 до 18 по московскому времени.
 Факс: (495) 250-59-28 E-mail: sales@smena-online.ru

Только для жителей Москвы!

Имеется возможность оформить подписку непосредственно в редакции и получать журнал там же. Стоимость 1 экземпляра журнала в таком случае составит 40 рублей. Получение – строго по вторникам и четвергам с 10-30 час. до 17-00 час. по адресу: Москва, ул. Правды, д.24, стр.4.